

ISSN 2313-6715
(ONLINE)

П В ПРОЛОГ

Журнал о праве

Law Journal

L O G U E

2024
1 2 ③ 4

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

<http://www.prolaw38.ru/>

ОСНОВАН В 2013 Г.

№ 3 • 2024

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ИЗДАТЕЛЬ

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Главный редактор – И. М. Середа, д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

Заместитель главного редактора – Ю. Н. Румянцева, канд. юрид. наук, канд. экон. наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса, ведущ. науч. сотр. отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. В. Андриченко – д-р юрид. наук, проф., заведующая центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Н. П. Асланян – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, Россия).

М. В. Баранова – д-р юрид. наук, проф., кандидат культурологии, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Д. Е. Богданов – д-р юрид. наук, доцент, проф. кафедры гражданского права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

А. В. Бычков – канд. юрид. наук, доцент, директор Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

В. Ф. Васюков – д-р юрид. наук, доцент, проф. кафедры криминологии и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (Орел, Россия).

Е. Л. Васянина – д-р юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

В. А. Витушко – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

В. Ю. Войтович – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ижевск, Россия).

Б. Я. Гаврилов – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (Москва, Россия).

Р. Х. Гиззатуллин – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

В. А. Гуреев – д-р юрид. наук, проф., проректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

С. И. Давыдов – д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

О. А. Дизер – д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия).

Л. А. Душаклова – д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой административного и служебного права Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (Ростов-на-Дону, Россия).

Н. Н. Егоров – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Р. Н. Жаворонков – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

В. А. Зимин – канд. юрид. наук, член-корреспондент РАЕН, вице-президент – главный эксперт ООО «Национальное бюро экспертизы интеллектуальной собственности», патентный поверенный РФ № 1869 (Москва, Россия).

С. А. Карелина – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

А. Я. Кодинцев – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия).

О. Ю. Косова – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) (Иркутск, Россия).

Я. О. Кучина — канд. юрид. наук, доцент, LL.M., научный сотрудник Факультета права Университета Макао, докторант (Макао SAR, Китай).

В. Ф. Лапшин — д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия).

А. В. Малько — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саратов, Россия).

Е. В. Михайлова — д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

А. В. Морозов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

И. В. Никитенко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточного юридического института МВД России (Хабаровск, Россия).

Т. И. Отческая — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

Б. А. Ревнов — канд. юрид. наук, доцент, советник Управления конституционных основ публичного права Консти-

туционного Суда Российской Федерации, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

А. П. Скиба — д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия).

Т. В. Соловьева — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

С. Ю. Суменков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

С. И. Суслова — профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д-р юрид. наук, доцент (Иркутск, Россия).

У. Б. Филатова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Юридического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).

И. С. Шиткина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес редакции и издателя:

**664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, тел. (3952) 79-88-99,
e-mail: prolaw38@mail.ru**

© Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-64776 от 2 февраля 2016 года.

Сайт: <http://www.prolaw38.ru/>.

ISSN 2313-6715 (online).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (дата включения — 20 июля 2022 г.), категория К2.

Всем статьям присваивается идентификатор цифрового объекта DOI (digital object identifier).

Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки — www.elibrary.ru.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Перепечатка материалов журнала допускается только по соглашению с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

<http://www.proclaw58.ru/>

FOUNDED IN 2013 г.

№ 3 • 2024

PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«The All-Russian State University of Justice»

PUBLISHER

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

Editor-in-Chief – Irina M. Sereda, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Deputy Editor-in-Chief – Yulia N. Rumyantseva, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (Economics), Head of the Civil and Business Law Department, Senior Researcher of the Research Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

EDITORIAL BOARD

Lyudmila V. Andrichenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Public Law Studies, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Natalia P. Aslanian – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russia).

Marina V. Baranova – Dr. Sci. (Law), Professor, Candidate of Cultural Science, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Deputy Dean of the Faculty of Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Vice-President of the Nizhny Novgorod Research Science Applied Center «Legal Techniques» (Nizhny Novgorod, Russia).

Dmitriy E. Bogdanov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Arthur V. Bychkov – Cand. Sci. (Law), Docent, Director of the Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Vitaliy F. Vasyukov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Criminalistics and Preliminary Investigation Department, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Orel, Russia).

Elena L. Vasyanina – Dr. Sci. (Law), Docent, Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vladimir A. Vitushko – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Economic Activity Legal Support Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

Valery Yu. Vojtovich – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Izhevsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Izhevsk, Russia).

Boris Ya. Gavrilo – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Control of Crime Investigation Agencies Department, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia).

Ravil Kh. Gizatullin – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Financial and Environmental Law Department, the Institute of Law, Bashkir State University (Ufa, Russia).

Vladimir A. Gureev – Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russia).

Sergey I. Davydov – Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Altai State University (Barnaul, Russia).

Oleg A. Dizer – Dr. Sci. (Law), Docent, Deputy Head of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Belgorod, Russia).

Lesya A. Dushakova – Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Administrative and the Official Law Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPА/Institute) (Rostov-on-Don, Russia).

Nikolay N. Egorov – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Roman N. Zhavoronkov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Labour Law and Social Security Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Vladimir A. Zimin – Cand. Sci. (Law), Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Vice President - Chief Expert of National Intellectual Property Expertise Bureau LLC, Patent Attorney №1869 (Moscow, Russia).

Svetlana A. Karelina – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Aleksander Ya. Kodintsev – Dr. Sci. (Law), Ph.D. in Historical Sciences, Docent, Professor of the Theory and History of State and Law Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russia).

Olga Yu. Kosova – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Yaroslava O. Kuchina – Cand. Sci (Law), Assoc. Professor, LL.M., Research Assistant Faculty of Law University of Macau, PhD Candidate (Macau SAR, China).

Valerii F. Lapshin – Dr. Sci. (Law), Docent, Vice-Rector for Scientific Research at Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia).

Alexandr V. Malko – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the State and Legal Disciplines Department, Povolzhsky Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Saratov, Russia).

Ekaterina V. Mikhailova – Dr. Sci. (Law), Docent, Chief Researcher, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Andrey V. Morozov – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Computer Law and Information Security Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Ilya V. Nikitenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia).

Tatyana I. Otcheskaia – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Judicial and Prosecutorial Activities Department, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Boris A. Revnov – Cand. Sci. (Law), Docent, Adviser to the Department of Constitutional Foundations of Public Law of the Constitutional Court of the Russian Federation, Assoc. Professor of Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg, Russia).

Andrey P. Skiba – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Executive Law Department at the Faculty of Law, the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

Tatyana V. Solovieva – Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Sergei Yu. Sumenkov – Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department, the Law Institute, Penza State University (Penza, Russia).

Svetlana I. Suslova – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil and Business Law Department, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Uliana B. Filatova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Professor, Professor of the Department of Civil Law, Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Irina S. Shitkina – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Publisher and Editor Address:

4 Nekrasova St., Irkutsk, Russia, 664011, Tel.: +7(3952)79-88-99

e-mail: prolaw38@mail.ru

© The All-Russian State University of Justice

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number ЭЛ № ФС77-64776 of February 02, 2016.

URL: prolaw38@mail.ru.

ISSN-Online 2313-6715.

Included in the catalogue of peer-reviewed scientific publications, which should publish basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences on the scientific specialties 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (date of inclusion – July 20, 2022), Quartile 2.

All articles are assigned DOIs (digital object identifier).

The online version of the Journal is powered by the Scientific Electronic Library – www.elibrary.ru.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

<http://www.prolaw38.ru/>

ОСНОВАН В 2013 Г.

№ 3 • 2024

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Антонов Б. А.* Теория «больших пространств» Карла Шмитта применительно к политике Первого рейха: об актуализации понятия (большое) пространство в ретроспективе и перспективе 7 – 16

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Аистов А. Г.* Саморегулирование: сущность и соотношение с государственным регулированием 17 – 23
- Дрозд Д. Н.* Финансово-правовые аспекты грантовой поддержки научных исследований 24 – 31
- Михайлова Е. В.* О некоторых вопросах налогообложения в Российской Федерации 32 – 39

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Сбитнев В. С.* Развитие доктринальных подходов к институту аренды в советское время 40 – 48
- Филиппов Е. В.* Признание права в системе способов защиты гражданских прав: к постановке проблемы 49 – 58
- Бешлей Н. Р.* Определение и нормативное закрепление начала человеческой жизни как одно из оснований в признании эмбриона и плода человека в качестве квазисубъектов права 59 – 70

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Маричева О. В.* Адаптация советского опыта уголовных мер в военное время для современной России 71 – 82
- Зарубина К. А.* К вопросу о детерминантах профессиональной преступности в современной России 83 – 91
- Лавгаренко Л. И., Плеснева Л. П., Воткин В. А.* Меры пресечения: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики 92 – 100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Кобзарь-Фролова М. Н., Васянина Е. Л.* Краткий обзор международной научной конференции «Научное наследие М. И. Пискотина» («Пискотинские чтения – 2024») 101 – 106

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

<http://www.prolaw38.ru/>

FOUNDED IN 2013 г.

№ 3 • 2024

PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Antonov B. A.* Carl Schmitt's Theory of Great Spaces Applied to the Policy of the First Reich: Actualizing the Concepts of (Great) Space in Retrospect and Perspective 7 – 16

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Aistov A. G.* Self-Regulation: The Essence and Relationship with Government Regulation 17 – 23
- Drozhd D. N.* Financial and Legal Aspects of Grant Support for Scientific Research 24 – 31
- Mikhailova E. V.* About Some Issues of Taxation in the Russian Federation 32 – 39

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

- Sbitnev V. S.* The Development of Doctrinal Approaches to the Institution of Lease in the Soviet Period 40 – 48
- Filippov E. V.* Recognition of Law in the System of Ways to Protect Civil Rights: to the Problem Statement 49 – 58
- Beshley N. R.* The Definition and Normative Consolidation of the Beginning of Human Life as One of the Grounds for Recognizing the Human Embryo and Fetus as Quasi-Subjects of Law 59 – 70

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Maricheva O. V.* Adaptation of the Soviet Experience of Criminal Measures in Wartime for Modern Russia 71 – 82
- Zarubina K. A.* On the Issue of the Determinants of Professional Crime in Modern Russia 83 – 91
- Lavdarenko L. I., Plesneva L. P., Votkin V. A.* Preventive Measures: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement Practice 92 – 100

SCIENTIFIC LIFE

- Kobzar-Frolova M. N., Vasyanina E. L.* A Brief Overview of the International Scientific Conference "Scientific Heritage of M. I. Piskotin" ("Piskotin Readings – 2024") 101 – 106

УДК 340.124

Б. А. Антонов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020

ТЕОРИЯ «БОЛЬШИХ ПРОСТРАНСТВ» КАРЛА ШМИТТА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОЛИТИКЕ ПЕРВОГО РЕЙХА: ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «(БОЛЬШОЕ) ПРОСТРАНСТВО» В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 3. – С. 7–16.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.1.
Дата поступления 06.06.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

Исследование процессов, происходящих в мировом политическом пространстве, осуществляется при активном участии научных теорий и доктрин, релевантных для современного международного контекста. В связи с этим актуальным становится исследование той части политико-правового учения Карла Шмитта, которая посвящена его *теории больших пространств* и в рамках которой немецкий философ и правовед предложил новое – пространственное – измерение политического. Эвристика шмиттовского подхода заключается в переосмыслении традиционного понимания понятия *пространство* и включении в понятийное поле политического таких, связанных с пространством и ре-интерпретированных Шмиттом категорий, как *конкретный порядок, империя* и *рейх*. Их аналитика представлена Шмиттом в целом ряде его текстов, где особое внимание уделяется Священной Римской империи как *наднациональному универсалистскому политическому образованию с конкретным порядком* (представленным властью императора и папы), на *пространстве* которого средневековая Германия играла роль политико-правового ядра, определявшего судьбу всех входящих в состав империи европейских королевств на протяжении более восьми веков (962 – 1802). Целью статьи является анализ основных политико-правовых категорий из теории «больших пространств» К. Шмитта (*пространство – империя – рейх – конкретный порядок*) применительно к средневековой истории Первого рейха и обоснование актуальности созданного им пространственного измерения политического. В статье исследованы причины обращения Шмитта к примерам из средневековой истории Европы; определены взаимосвязи в значениях понятий (*большое*) *пространство* и (*конкретный*) *порядок* применительно к феноменам *империя* и *рейх*; обоснована релевантность применения теории «больших пространств» в свете сегодняшних политико-правовых дебатов; дана оценка роли политико-правового прогноза Шмитта относительно перспектив установления единого (политического) пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Империя; рейх; (большое) пространство; (конкретный) порядок; Священная Римская империя; император; папа (римский).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонов Б. А. Теория «больших пространств» Карла Шмитта применительно к политике Первого рейха: об актуализации понятия «(большое) пространство» в ретроспективе и перспективе // Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 3. – С. 7–16. – DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.1.

UDC 340.124

В. А. Antonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020*

**CARL SCHMITT'S THEORY OF "GREAT SPACES"
APPLIED TO THE POLICY OF THE FIRST REICH:
ACTUALIZING THE CONCEPT OF (GREAT) SPACE
IN RETROSPECT AND PERSPECTIVE**

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 7–16.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.1.
Received 06.06.2024, accepted 09.09.2024, available online
30.09.2024.

ABSTRACT

The study of the processes that are taking place in the global political space is carried out with the active participation of scientific theories and doctrines relevant to the modern international context. In this regard, the research of Carl Schmitt's theory of great spaces within which the German philosopher and jurist proposed a new spatial dimension of the political, has become relevant. The heuristic of Schmitt's approach is to reconsider the traditional understanding of the concept of space and to include in the conceptual field of the political such categories related to space and reinterpreted by Schmitt as *a concrete order*, *empire* and *Reich*. Their analysis is presented by Schmitt in a number of his texts, in which medieval Germany played the role of a political and legal core that determined the fate of all European kingdoms for more than eight centuries (962 – 1802). The aim of the article is to analyze the main political and legal categories from the theory of "great spaces" by C. Schmitt (*space – empire – Reich – concrete order*) applied to medieval history of the First Reich and to substantiate the relevance of the spatial dimension of the political created by him. The article examines the reasons for Schmitt's appeal to examples from the medieval history of Europe; the interrelationships in the meanings of the concepts of (*great*) *space* and (*concrete*) *order* applied to the phenomena of *empire* and *Reich*; the relevance of the application of the theory of "great spaces" from the point of view of the current political and legal debates; the role of Schmitt's political and legal forecast regarding the prospects for establishing a single (political) space with global governance.

KEYWORDS

Reich; Holy Roman Empire; (greater) space; (concrete) order; empire, emperor; Pope.

FOR CITATION

Antonov B. A. Carl Schmitt's Theory of "Great Spaces" Applied to the Policy of the First Reich: Actualizing the Concepts of (Great) Space in Retrospect and Perspective. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 7 – 16. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.1.

Всегда с конкретным порядком
в понятийно-правовом отношении
связано и конкретное
местоположение.

К. Шмитт («Номос Земли»)

Введение

Основанием для создания Шмиттом теории «больших пространств» послужила американская доктрина Монро (1823), поступательная эволюция которой привела к распространению и пересмотру ее принципов далеко за пределами США, что и послужило в конечном итоге установлению «американского» типа империализма: «... из исторически и географически оправданной идеи большого пространства, из наиболее успешного международно-правового (антиколониального) принципа доктрина Монро превратилась в агрессивно-империалистический, универсалистски мыслимый мировой принцип, претендующий на «повсеместное распространение» [11, с. 507].

Геоисторический анализ, предложенный Шмиттом в «Порядке больших пространств», показал, что, оторвавшись от «конкретного большого пространства», доктрина Монро в ее не ограниченном одним государством варианте, приобретает «деформированный, колониальный, империалистический смысл», ревизия которого возможна лишь при условии изменения содержательного наполнения самого понятия «большое пространство».

Для Шмитта, в отличие от представителей современной международно-политической науки¹, большое пространство подразумевает не количественный (размер), а качествен-

ный — организованность, консолидированность, освоенность, интегрированность — и конкретный (географический) смысл. По мнению Шмитта, именно качественный и географический признаки больших пространств делают последние субъектами мировой политики, способными в будущем выстроить эффективную систему международного права и установить «новый мировой порядок». А в качестве ретроспективного примера большого пространства немецкий правовед и философ предлагает рассматривать *империю* (на примере Первого рейха), характерным признаком которой является (*конкретный*) *порядок*.

К. Шмитт: причины обращения к теме средневековой Европы

«Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*» — один из тех трудов Карла Шмитта, в котором немецкий философ уделяет европейскому христианскому Средневековью (и, в частности, Священной Римской империи) особое внимание. Причин этому как минимум две.

Первая связана с тем, что в «Номосе» Шмитт постулирует основные принципы международного права, и, несмотря на то, что средневековое право, предполагавшее соблюдение некоторых важных правовых норм (в процессе захвата земли, инициирования войны, заключения мира, перемирия, пленения и т. д.), не могло рассматриваться как истинное право народов, оно, тем не менее, было *прообразом* современного международного права Европы: «... межгосударственное европейское право XVI—XX вв.: возникло в результате распада *средневекового порядка*, поддерживавшегося императорской и папской властью ...» (курсив наш. — Б. А.) [12, с. 29].

Вторая причина, связанная с первой, — уверенность Шмитта в том, что именно европейское Средневековье являло собой *глобальный пространственный порядок*, характеристикой которого выступает осознание своего пространства как мира (дома, космоса), отделенного физической границей от другого пространства, где царит не-порядок (беспорядок) и которое исключено из зоны правового поля, а значит открыто для захвата его земель: «Такое слово как "мир" ... живет в мысли о порядке немецкого Средневековья всегда местно и тем самым конкретно: как мир в доме,

¹ В мировой глобалистике понятие «пространство» (часто сопровождаемое атрибутивом «политическое») используется для определения больших по размеру конкретных политических образований (регионов). Введение в понятийное поле международных отношений категории «политическое пространство» произошло в конце XX в. в связи с интеграционными процессами в европейском регионе и последующей за этим интеграцией мирового транснационального пространства в целом (примером объединительных процессов в Европе стало создание Евросоюза). При этом, как утверждают исследователи в области международных отношений, говорить о сложившейся концепции политического пространства сегодня было бы преждевременно.

как мир на рынке, сохранение мира в замке, мир вещей, церковный мир, общественный мир»²[11, с. 571].

Апелляция к этому периоду европейской истории видится Шмитту крайне важной, поскольку «... без знания проявлений остаточного влияния этого средневекового христианского пространственного порядка невозможно правильное историко-правовое понимание развившегося из него межгосударственного международного права» [12, с. 29].

Об определении и соотношении понятий «(большое) пространство – (конкретный) порядок – рейх – империя»

Возможность проследить преемственность идей Шмитта о «больших пространствах» в рамках сегодняшних политико-правовых дебатов удастся не так часто: для осмысления категории *пространство* современные специалисты в области международных отношений гораздо чаще пользуются словосочетанием *политическое* (или даже *многомерное*) *пространство*, а в качестве актуальных рассматривают теорию Ф. Ратцеля с его законами территориального роста, панрегиональную концепцию К. Хаусхофера или предложенную Ф. Науманном в качестве средства разрешения большинства глобальных проблем «свободу принятия решений».

Отнюдь не пытаясь умалить роль выше-названных исследователей и их вклад в современную глобалистику, автор статьи склоняется к мысли о том, что новый категориальный аппарат, предложенный Шмиттом в его тео-

² Именно такое представление о пространственном порядке эпохи европейского Средневековья способствовало тому, чтобы первые императоры Священной Римской империи рассматривали Германию как свой «мир», а Италию или Бургундию – как разделенное границей пространство, открытое для военного вторжения, что в конечном итоге сподвигло их к организации итальянских походов. Под влиянием дальнейших земельных захватов состав государств, входивших в империю, неоднократно менялся: в период расцвета это были Германия, север и центральная часть Италии, Чехия и некоторые регионы Франции. В начале XI в. – Германия, Италия, Бургундия, позднее в том же XI в. к империи вновь присоединилась Чехия, в XII в. – Сицилия. Длительно поддерживаемый императором и папой, пространственный порядок со временем начал распадаться, и к XVI в. его место заняло межгосударственное европейское право, в процессе становления которого граница перестала обозначать лишь отграничение одного пространства от другого с потенциальной возможностью его захвата. К XVIII – XIX вв. в связи с изменением доглобального сознания граница уже воспринималась как символ включения соседнего пространства в международно-правовое поле с обязательностью его международно-правового признания.

рии «больших пространств», а главное – сама теория – остаются без должного обсуждения с их стороны.

В исследованиях по международному праву и международным отношениям традиционно используются такие понятия, как *глобализация*, *деглобализация*, *глокализация*, *панрегионализм*, которые нередко «оказываются недостаточными и позволяют сделать слишком мало», чтобы «по-новому мыслить политическое пространство» [5, с. 42]. Исходя из этого автор статьи считает необходимым вкратце репродуцировать предложенные Шмиттом интерпретации тех понятий, которые составляют «пространственный» вокабуляр его теории, и по возможности сопоставить некоторые его части с толкованием современных интерпретаторов.

В «Порядке больших пространств» Шмитт сознательно избегает пользоваться понятием *государство*, считая, что оно не вполне соответствует актуальному состоянию политического пространства и не может быть применено по отношению к таким *влиятельным* политическим единствам, какими он видит империю и рейх. Для характеристики этих политических образований Шмитт использовал понятия *(большое) пространство*, *(конкретный) порядок*, *политическая идея*, *номос*, изменив и одновременно расширив понятийное поле политико-правового учения об истории европейской государственности и создав на его основе *политико-правовую философию пространства и порядка*.

Пространство – (конкретный) порядок. «Порядок больших пространств» Шмитт посвятил исследованию понятия *пространства*, рассматривая его сквозь призму международного права. Профессор А. Ф. Филиппов назвал эту работу Шмитта «более радикальной и теоретически более откровенной, чем его позднейшие публикации» [5, с. 45]. Элементом ее теоретического напряжения (которое по понятным политическим причинам отсутствует в «Номосе», изданном в 1950 г.) Филиппов считает выдвинутое Шмиттом обвинение юристов еврейского происхождения в «неправильном» понимании пространства. В качестве основной причины этой ошибки немецкий ученый называл отсутствие у еврейского народа собственной почвы, постулируя в качестве не требующего доказательства следующее положение: не имея собственной почвы, невозможно осознать связь между ней и тем, кто на ней живет.

Еще одним виновником радикально ложного понимания пространства Шмитт считает нормативизм, в рамках которого к простран-

ству применяются абстрактные, оторванные от конкретных единиц, мерки.

Объектом критики в этой работе Шмитта становится и чисто позитивистское видение пространства, когда для его определения пользуются логикой упрощенного силлогизма: право обращено к людям; люди находятся в пространстве, значит право имеет связь с пространством: «Иначе говоря, пространство тогда предстает как пустой контейнер, в котором любое место может быть заполнено людьми, к которым, в свою очередь, могут быть обращены приказы» [Цит. по: 5, с. 45].

Для Шмитта очевидно, что ни нормативистское, ни позитивистское толкование пространства не в состоянии определить его политико-правовую природу, а значит не в состоянии и переосмыслить его содержательное наполнение в рамках современного международного права. Шмитт понимает пространство как рамочное понятие, ограниченное конкретным порядком. Следует, однако, сразу признать, что понятие *порядка* нередко используется в исторических исследовательских текстах, но то, как интерпретируют это понятие их авторы, существенным образом отличается от интерпретации Шмитта.

Отслеживая тенденцию преемственности идеи империи в целом, австрийский публицист Ф. Хеер обыгрывает оппозицию *порядок* — *беспорядок* применительно к Римской империи: «... при старом *порядке* человек жил в том, что римляне называли *urbs deis hominibusque communis*, — домашнем хозяйстве, общем для богов, людей, зверей, всех живых существ. Возможно, были времена, когда это хозяйство было в явном *беспорядке*... Этому великому сакрально-политическому *порядку* домашнего хозяйства постоянно угрожали или изнутри, или извне чужеземные захватчики, ...которые были либо слишком сильными, либо слишком слабыми. И тем не менее все враги ... этого *порядка*, стремились по-своему обновить его...» (курсив наш. — Б. А.). В дальнейшем Хеер и Священную Римскую империю толкует как «последнее проявление векового сакрально-политического *порядка*, в котором "боги", люди, звери и все живые существа живут вместе под защитой одной или нескольких великих династий» [7]. Очевидно, что и в первом, и во втором случаях Хеер понятие *порядка* толкует расширительно, имея в виду не сам порядок, а «сакрально-политическую» упорядоченность жизнедеятельности человека, живущего общиной в ограниченном пространстве. Конец упорядоченности (*порядку*) приходил с началом войн, которые становились не просто банальной причиной наступления беспоряд-

ка, но неизменно приводили к обновлению порядка предыдущего.

Для Шмитта необходимость рассмотрения понятия *порядок* сквозь призму империи (рейха) делает его конкретным (конкретный порядок) и локальным (пространственный порядок). Атрибутивы *конкретный* и *локальный* коренным образом меняют само значение понятия *порядок*, придавая ему весьма многообразное толкование. Наиболее близким по теме нашего исследования мы считаем определение, данное Шмиттом и прокомментированное профессором Филипповым: «Конкретный порядок — это порядок совершения событий и размещения учреждений политической и правовой жизни, который невозможен не только безотносительно к пространству, но и в пустом безграничном пространстве» [5, с. 46].

При этом порядок всегда первичен, ибо именно он определяет пространство (а не наоборот). Что значит «определяет»? Характеризует? Обустроивает? Диктует правила организации? И то, и другое, и третье... Возвращаясь к теме Священной Римской империи, скажем: то, каким образом религиозный и светский институты власти отстаивали свой суверенитет, то, какие попытки предпринимались для сохранения единства власти императора и Церкви, что — или кто — влиял на перераспределение властных полномочий — все это — и еще многое другое — меняло «Первую империю», каждый раз по-новому характеризуя и ее пространство, и тот конкретный порядок, который в конце концов привел к ее разложению.

Пространство — политическая идея. С точки зрения международного права, считал Шмитт, *политическая идея* всегда предполагает пространство, и наоборот, в пространстве всегда заложена *идея* или *принцип пространства*. Осознание этого принципа народом (или представителями власти) пробуждает в нем (в них) потребность в реорганизации этого пространства в соответствии со своими потребностями (или амбициями). Данное обстоятельство доказывает ту или иную степень подвижности рамок пространства, которая, если и начинается с учреждения новых границ, то никогда не сводятся только к ним, а меняет порядок всего пространства. Нелишне повторить, что степень такого изменения различна и по-разному влияет на правовой статус пространства, которое в данном контексте уместнее именовать государством. Для Шмитта очевидно, что не любое пространство в статусе государства, даже при условии больших размеров последнего, может быть охарактеризовано как *большое пространство*.

Не размеры государственной территории, а технические и хозяйственно-экономические достижения, направленные на усиление политического влияния, придают государству статус большого пространства [11]. Научно-технический прогресс, который имеет в виду Шмитт, обуславливает создание предпосылок для экономического взаимодействия между странами с целью объединения больших пространств и создания в дальнейшем единого центра принятия решений: «Если действительно судьбой человечества является техника, а не политика, тогда проблему единства можно рассматривать как решенную» [9].

Рейх. В «Номосе» Шмитт создает образ излучения, помогающий зримо представить, как в рамках большого пространства возможно зарождение рейха. Но если рейх есть большое пространство, то не любое большое пространство — рейх. Чтобы стать таковым, то есть, воплотить в себе признаки рейха, большое пространство должно стать неделимой единицей пространственной организации в форме рейха, а не оставаться суммой малых пространств, входящих в его состав: «Человеческое множество, объединенное общей развивающей его историей созидания Рейха, именуется народом. Его самостоятельность и свобода состоит в том, чтобы возвышенным движением развиваться из самого себя до Рейха. Свобода и самостоятельность народа окажутся под угрозой, если ход этого развития может оказаться прерванным какой-либо силой; он должен войти в другое развивающееся стремление к Рейху ...» [10, с. 338].

Шмитт противопоставляет *рейх империи*, полагая, что критерием для такого различения следует считать их разное отношение к универсализму: «Если империи представляют собой универсалистские явления, охватывающие весь мир и человечество, и потому носящие наднациональный характер, то рейхи национальны по своей природе...» (курсив наш. — Б. А.) [1, с. 2]. В широком смысле слова универсализм соотносим с глобализмом, который, в отличие от многополярного миропорядка (основанного на существовании нескольких империй) предполагает в качестве большого пространства одну империю [2]. По Шмитту Первый рейх являл собой попытку построения именно такого наднационального универсалистского образования (что и стало причиной его разложения и последующей ликвидации).

С Третьим рейхом дело обстоит несколько сложнее. Определяя его как *большое пространство* (и как *империю*), роль рейхов Шмитт отводил европейским государствам,

которые обязаны были принимать по возможности равное участие в создании европейской империи под руководством Третьего рейха³.

Понятие *рейх* в интерпретации Шмитта не может и вряд ли когда-то сможет перетолковать, а значит преодолеть делегированный ему национал-социализмом изначально порочный смысл. Еще одной причиной игнорирования шмиттовского определения рейха можно считать некоторую путаницу, которая возникает при попытке осмыслить соотношение понятий *империя* — *большое пространство* — *рейх* применительно и к Первому, и к Третьему рейху.

Слово *рейх* не прижилось и в российском политическом и политологическом вокабуляре и используется лишь в научной литературе применительно к трем германским рейхам, поскольку имеет резко отрицательную коннотацию, ассоциируясь исключительно с гитлеровской Германией.

Империя. Закладывая в основу различия между *рейхом* и *империей* их отношение к универсализму, Шмитт считает, что империя — это универсалистское наднациональное образование (с претензией на мировое господство), в рамках которого действует конкретный международно-правовой порядок, игнорирующий запрет на захват чужих территорий. В отличие от империи, рейх имеет характер не-универсалистского наднационального образования, где исключается интервенция сил, принадлежащих чужому пространству: «Германский рейх определяется существенно народно и является существенно не-универсалистским, правовым порядком на основе уважения каждой народности» [11, с. 529].

То общее, что связывает понятия *рейх* и *империя* (и что отличает их от понятия *государство*) можно кратко охарактеризовать как их равнозначное влияние на все то, что находится вне их пределов: «...Нельзя представлять себе дело так, будто все пространство Земли поделено между равноправными, территориально хорошо отграниченными друг от друга государствами. На самом деле есть государства, которые лишь по видимости являются таковыми и не могут удержать свой суверенитет над территориями, есть великие державы и есть межгосударственные территории, которые на первый взгляд подпадают под юрисдикцию общего для всех международного права, но фактически регулируются

³ В данном случае прослеживается явная аналогия со Священной Римской империей, руководством которой осуществлялось Германским королевством.

в свою пользу. Империи, рейхи — это как раз такие мировые силы, и разговор идет о том, как распространяется их влияние на сферы, далеко выходящие за границы политических единств» (курсив наш. — Б. А.) [5, с. 47].

Конкретный порядок и империя. Шмитт характеризует конкретный порядок, используя частицу *не* и тем самым разрешая более чем вольное его понимание: «...конкретное мышление характеризуется тем, что порядок для него даже юридически *не* есть правило или сумма правил, а наоборот: правило есть лишь элемент и средство порядка» (курсив наш. — Б. А.) [10, с. 313]. Другими словами, порядок устанавливается посредством правила (правовой нормы), а не наоборот. Более того, право не может быть сведено к порядку, ибо порядок шире права, а право, укорененное в правовых привычках (которыми обладают *соответствующие «товарищи по праву»*), шире (писаных) законов (правовых норм). Короче говоря, каждый конкретный случай требует своего «права», средствами которого устанавливается конкретный порядок⁴.

Очевидно, что в обоих случаях Шмитта в первую очередь интересует конкретный рамочный порядок, «но не чисто нормативистски, поскольку с нормативистской точки зрения речь идет не о конкретных фигурах порядка, а лишь абстрактных “точках соотнесения”...» [4, с. 13]. При этом и в нормативизме (правовой норме), и в децизионизме (решении) заложен *порядок* (курсив наш. — Б. А.), ибо и судья, действующий в соответствии с нормой, и властитель, принимающий решение в случае чрезвычайного положения, — это не нормативистские или децизионистские понятия, а понятия порядка, которые Шмитт и в случае с судьей, и в случае с властителем определяет как «компетентные инстанции». Апелляция к действующей норме, то есть уход в чистый нормативизм возможен лишь в нормальной ситуации или в *представлениях* о ней как о нормальной. В противном случае, то есть в случае «не-нормальной ситуации», а значит «не-порядка», «нормативистское мышление —

чем более оно становится чисто нормативистским — ведет к постоянно усиливающемуся разделению нормы и действительности, долженствования и бытия, правила и конкретного положения вещей» [10, с. 317].

Разделение нормы и действительности применительно к империи есть не что иное как разделение представления о том, что именно она должна являть собой в соответствии с изначальными притязаниями ее создателей на мировое господство и то, что она являет собой в действительности.

Одной из причин такого разделения может стать борьба за власть, по мере обострения которой ситуация в империи перестает быть «нормальной». При этом представление об империи как о целостном политическом единстве и ее притязания на мировое господство сохраняются. Это представления того большинства, которое продолжает считать империю бастионом, созданным для противостояния пришествию антихриста. Это и представления самого императора, который сохраняет за собой функции «гаранта мира, третейского судьи, тираноборца» (в терминологии Шмитта). При этом власть императора и сама империя как вид власти требуют, с одной стороны, определенного *символического порядка*, который должен выражаться в подчинении отдельной воли воле общей (и при котором ущемление воли одного во благо всех служит критерием единства империи) и *высшего порядка*, с другой, который предполагает обязательную справедливость политического устройства мира, отвечающую всем требованиям этого высшего порядка [3].

В «Трех видах» Шмитт отвечает на вопрос о том, какое представление о порядке полагает децизионизм: «... под воздействием ... христианских представлений о миропорядке ... постоянно присутствовали представления о порядке как предпосылке *решения*. В результате этого чистое «ничего кроме решения» вновь ограничивается со стороны мышления о порядке и входит в него; оно становится следствием некоего предполагаемого порядка» (курсив наш. — Б. А.) [10, с. 323]. Возвращаясь к Первому рейху, отметим, что решения, предпринимаемые папой или императором, выражают их представление о том, какой именно порядок — светский или теологический — должен быть установлен в империи. За не-совпадением порядков, а точнее — за не-совпадением представлений о том, каким именно содержанием — светским или теологическим — должен быть наполнен порядок, кроется основная причина распада и гибели Священной Римской империи: «Если в те вре-

⁴ Неудивительно, что данная формула весьма точно характеризует политико-(не)правовые отношения Германии 30-х годов XX в., позволяя ее новым руководителям устанавливать тот конкретный порядок, который будет разрешать им максимально вольно обращаться с правом и признавать любые его формы, если того потребует конкретная ситуация... Символично, что эта формула конкретного порядка, а заодно и права, была предложена Шмиттом в 30-е гг., когда наиболее значимой задачей для него было обоснование *легитимности юридического мышления при нацистском порядке*.

мена ... политическая мысль могла вдохновляться видением огромной империи, охватывающей в перспективе не только все человечество, но и находящей свое место в устройстве всего мироздания, то попытки придать этой империи сугубо посястороннее мирское содержание или, наоборот, сугубо теологический смысл уже привели к существенным проблемам» [6, с. 178].

Когда мы говорим о «чистом» децизионизме, то имеем в виду такой его тип, который в основе своей имел не-порядок, но был приведен в порядок силой принятого суверенного решения. При этом принимающий решение суверен компетентен принимать его вовсе не на основании уже существующего порядка, а на основании того решения, которое устанавливает вместо не-порядка и неопределенности порядок и безопасность государственного состояния, что в конечном итоге превращает его в официального суверена, его решение — в суверенное решение и делает возможным все остальное — закон и порядок.

Следует, однако, отметить, что чрезвычайная ситуация, как и право императора о принятии суверенного решения, разными исследователями трактуется по-разному. В отличие от Хеера российский философ права И. А. Исаев считает, что под воздействием такой ситуации «рождается особая форма права, в действительности являющаяся лишь «правом полиции», а неявный источник имперского права заложен в применении чрезвычайного положения для установления и поддержания порядка [3, с. 49]. Другими словами, возникновение ситуации, называемой чрезвычайной, есть лишь предлог для того, чтобы имперская власть имела основание, чтобы, первое, установить чрезвычайное положение и, второе, апеллировать к воображаемым имперским ценностям.

Воображаемое, образ, фантом, символ — именно эти характеристики сопровождают понятие империи в объемном сочинении Исаева с символическим названием «Государство-фантом, или Воображаемая империя». Тот факт, что в период позднего Средневековья император лишился возможности прямого воздействия, Исаев не считает причиной неминуемого распада империи. Именно ее фантомное присутствие там, где она фактически отсутствовала, способствовало ее усилению: «... через систему знаков и символов имперская власть стремилась находиться везде и единовременно. И эта функция присутствия, как ни странно, только усиливала ее воздействие, подчеркивая фантастическую безграничность того пространства, в котором власть

как бы пребывает» [3, с. 25–26]. Не меньшим отрывом от территории, от своего фактического присутствия характеризуются сегодня и некоторые большие политические пространства: «...оно (европейское пространство) все менее жестко привязывается к территории, трактуется исключительно как виртуальное... не имеет географической основы» [8, с. 21].

О релевантности применения теории «больших пространств» сегодня

Шмитт считает большое пространство «конкретным современным историко-политическим понятием». При этом он допускает возможность других, «более красивых обозначений» того, что сегодня называется большим пространством, но пока они не появились, предлагает пользоваться имеющимся: «Большое пространство — это возникающая из обширной современной тенденции развития область человеческого планирования, организации и активности. Большое пространство есть для нас прежде всего *связное пространство достижения*» (курсив наш. — Б. А.) [11, с. 486]. Еще одно шмиттовское определение характеризует большое пространство как «организующее, определяющее начало, в результате которого появляется *сопряженное пространство достижения*, ...принадлежащее наполненному историей и соразмерному истории *рейху*» (курсив наш. — Б. А.). [Там же, с. 564]. В первом и втором определениях большое пространство характеризуется связностью или сопряженностью, что подразумевает *единство*, в каждой части которого отражается целое, а не *сумма* отдельных частей, входящих в его состав.

Итак, в качестве *единства* по Шмитту может выступать большое пространство в форме империи или рейха. И тогда возникает вопрос, реально ли их единство или мы только представляем их как единство, то есть верим в миф, согласно которому они представляют собой это единство.

Реальность единства империи или рейха Шмитт предлагает определять посредством *пространственного измерения*, ссылаясь на доктрину министра иностранных дел США Г. Стимсона, который склоняется к политическому единству мира по причине неспособности империи или рейха к преодолению противоборства между одной частью страны и другой (что привело к гражданской войне (1861–1865) между северными и южными штатами США) и между одной частью мира и другой (что спровоцировало длительное геополитическое противостояние США и Советского Союза). Размер пространства играет в данном случае ключевую роль, поскольку,

по мнению Стимсона, он всегда будет *недостаточным* для преодоления подобного рода мощного противостояния, наличие которого Шмитт характеризует как *тревожный дуализм*.

Дуализм Шмитта, в отличие от дуализма Стимсона, не сводится к противоборству *двух* политических систем или войне между Севером и Югом. Размыкая границы двойственной стимсоновской модели, дуализм Шмитта открывает путь для третьих сил, способствующих установлению равновесия больших пространств и «создающих новое международное право, на новом уровне и с новыми измерениями», но с апелляцией к европейскому праву, прообраз которого зарождался в недрах Священной Римской империи, как и с апелляцией к подлинному плюрализму, прообраз которого нашел свое выражение в плюралистичности *Jus Publicum Eurgoraem* времен Римской империи: «Враждебное напряжение, присущее дуализму, диалектически предполагает общность и тем самым опять единство» [9]. Подтвержденная таким образом гегелевская триада «тезис — антитезис — синтез» может быть наиболее убедительно продемонстрирована на примере разделения властных полномочий, исполнение которых осуществлялось папой и императором в рамках единства их представлений о Священной римской империи как о *Respublica Christiana*, но при этом порождало (на основании этого единства) конфликт интересов обоих. «Следует ли из этой ...общности историко-философской картины мира, что сегодняшний дуализм ближе к окончательному единству, чем к новому многообразию?» [9].

То, что Шмитт определяет как единство мира, международно-политическая наука характеризует как *мировую политическую унификацию*, задаваясь более определенным,

с точки зрения его прогностического потенциала, вопросом о том, каковы сегодняшние причины интеграционной турбулентности, сложившейся «по внешнему контуру» европейского проекта (Северная Африка, Украина). Но если исследователи в сфере международных отношений связывают сегодняшний геополитический кризис с «достижением европейской интеграцией цивилизационных, финансово-экономических пределов и ограничений в сфере безопасности» [8], то для Шмитта очевиден *нравственный кризис* человека, измерением которого выступает «несоответствие технического и морального прогресса».

Заключение

Большинство положений шмиттовского учения о больших пространствах в значительной степени опередили свое время, предлагая новое прочтение таким актуальным сегментам современного социального знания, как социология пространства, международно-правовая наука, история права, медиэвистика и теория империи.

Политически корректное определение дальнейших перспектив развития глобальных интеграционных процессов не представляется возможным без детального изучения теории «больших пространств», которая оказывала и оказывает определяющее влияние на состояние современного миропорядка. С этой точки зрения перспективность исследования труда Карла Шмитта о больших пространствах трудно переоценить: «...его значение намного превосходит и исторический, и политический, и географический контекст, закладывая фундамент особой политико-юридической модели мышления, которой, скорее всего, суждено воплотиться в жизнь только в XXI в.» [2].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артамошин С. В. Концепция «рейха» в теории «великого пространства» Карла Шмитта // Вестник Брянского государственного университета. — 2017. — № 4. — С. 31 — 35.
2. Дугин А. Г. Четвёртая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. — Санкт-Петербург : Амфора, 2009. — 343 с.
3. Исаев И. А. Государство-фантом, или Воображаемая империя («Северные мотивы») // *Lex Russica*. — 2017. — № 4 (125). — С. 9 — 49.
4. Кильдюшов О. Читая Шмитта // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова ; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. — Москва : Изд. дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. — С. 7 — 32.
5. Филиппов А. Ф. К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта // Социологическое обозрение. — 2009. — Т. 8, № 2. — С. 41 — 51.
6. Филиппов А. Ф. Суверенитет как политический выбор // Суверенитет : сборник / сост. Н. В. Гараджа. — Москва : Европа, 2006. — С. 173 — 190.
7. Хеер Ф. Священная Римская империя. История союза европейских государств от зарождения до распада / пер. с нем. Л. А. Карповой. — Москва : Центрполиграф, 2023. — 447 с. — (Всемирная история).

8. Чихарев И. А., Прохоренко И. Л. Трансформации европейского политического пространства: измерения и направления // Политическая наука. — 2014. — № 2. — С. 8–25.

9. Шмитт К. Единство мира / пер. с нем Ю. Ю. Коринца. — URL: <https://m-introduction.livejournal.com/616664.html> (дата обращения: 15.09.2024).

10. Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Государство: право и политика / пер. с нем О. Кильдюшов. — Москва: Территория будущего, 2013. — С. 309–355.

11. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил // Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. — Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2008. — С. 479–572.

12. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum* / пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца. — Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2008. — 669.

REFERENCES

1. Artamoshin S. V. The concept of "Reich" in the theory of "Great Space" by Karl Schmitt. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*, 2017, no. 4, pp. 31–35. (In Russian).

2. Dugin A. G. *Chetvertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei XXI veka* [The Fourth Political Theory. Russia and the Political Ideas of the 21st Century]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2009. 343 p.

3. Isaev I. A. A Phantom State, or an Imaginary Empire ("Northern" motives). *Lex Russica*, 2017, no. 4, pp. 9–49. (In Russian).

4. Kildyushov O. V. Reading Schmitt. State and political form. In Schmitt C.; Kildyushov O. V., Anashvili V. V. (eds). *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [State and Political Form]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010, pp. 7–32. (In Russian).

5. Filippov A. F. To Carl Schmitt's political and legal philosophy of space. *Sociologicheskoe obozrenie = Sociological Review*, 2009, vol. 8, no. 2, pp. 41–51. (In Russian).

6. Filippov A. F. Sovereignty as a political choice. In Garadzha N. V. (ed.). *Suverenitet* [Sovereignty]. Moscow, Evropa Publ., 2006, pp. 173–190. (In Russian).

7. Heer Friedrich. *Das Heilige Romische Reich. The Holy Roman Empire*. Weidenfeld & Nicolson, 1995. 392 S. (Russ. ed.: Heer F.; Karpova L. A. (ed.). *Svyashchennaya Rimskaya imperiya. Istoriya soyuza evropeiskikh gosudarstv ot zarozhdeniya do raspada*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2023. 447 p.).

8. Chikharev I. A., Prokhorenko I. L. Transformations of the European political space: dimensions and directions. *Politicheskaya nauka = Political science*, 2014, no. 2, pp. 8–25. (In Russian).

9. Schmitt Carl. Die Einheit der Welt. *Merkur*, 1952, Vol. 1, Jahrgang, 1. Heft, Januar. (Russ. ed.: Schmitt C.; Korinets Yu. (ed.). *Edinstvo mira*. URL: <https://m-introduction.livejournal.com/616664.html>).

10. Schmitt Carl. *Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens*. Berlin, 1934. (Russ. ed.: Schmitt C. O trekh vidakh yuridicheskogo myshleniya. In Schmitt C.; Kildyushov O. V. (ed.). *Gosudarstvo: pravo i politika*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2013, pp. 309–355).

11. Schmitt Carl. *Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte: ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht*. Unveränderte Ausgabe der 4., erw. Aufl. Berlin, Leipzig, Dt. Rechtsverlag, 1941. Berlin: Duncker und Humblot, 1991. (Russ. ed.: Schmitt C. Poryadok bolshikh prostranstv v prave narodov, s zapretom na interventsuyu dlya chuzhdykh prostranstvu sil. In Schmitt C.; Loshchevskii K., Korinets Yu. (eds). *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum Europaeum*. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2008, pp. 479–572).

12. Schmitt Carl. *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*. Berlin, Duncker & Humblot, 1997. 308 S. (Russ. ed.: Schmitt C.; Loshchevskii K., Korinets Yu. (eds). *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum Europaeum*. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2008. 669 p.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонов Борис Александрович (Москва) — кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6, e-mail: heidel@rambler.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Antonov, Boris A. (Moscow) — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor, Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047, e-mail: heidel@rambler.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 346

А. Г. Аистов

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Российская Федерация
ORCID: 0009-0009-0622-8085
Researcher ID: KRR-1441-2024

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ: СУЩНОСТЬ И СООТНОШЕНИЕ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 17–23.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.2.
Дата поступления 17.06.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования в настоящей статье является саморегулирование, его сущность и соотношение с государственным регулированием. Проанализированы позиции ученых-правоведов по двум противоположным подходам понимания саморегулирования: как продолжения государственного регулирования и как альтернативы ему. Разработано авторское понятие саморегулирования как социального явления, раскрыта его сущность, разграничено правовое и социальное саморегулирование. Приведены аргументы против рассмотрения саморегулирования как альтернативы государственному регулированию. Указывается, что такое противопоставление ставит вопрос о возможности полной замены государственного регулирования на саморегулирование, что, в свою очередь, создаёт опасность внутренних конфликтов между обществом и государством, препятствует развитию регулирования в целом, делает его неэффективным. Рассмотрено правовое саморегулирование в контексте гражданского общества. Отмечено, что саморегулирование в развитом гражданском обществе является не просто продолжением государственного регулирования, а основной идеей, принципом на котором строится всё государственное регулирование. Сделаны выводы, что саморегулирование как правовая категория является частью государственного регулирования, должна развивать и дополнять его, повышать его эффективность и гибкость. В конечной перспективе саморегулирование должно стать основной идеей, принципом построения государственного регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Саморегулирование; государственное регулирование; правовое регулирование; гражданское общество; умное регулирование; самоорганизация.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Аистов А. Г. Саморегулирование: сущность и соотношение с государственным регулированием // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 17–23. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.2.

SELF-REGULATION: THE ESSENCE AND RELATIONSHIP WITH GOVERNMENT REGULATION

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 17–23.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.2.
Received 17.06.2024, accepted 09.09.2024, available online
30.09.2024.

ABSTRACT

The subject of the research in this article is self-regulation, its essence and relationship with government regulation. The positions of legal scholars on two opposite approaches to understanding self-regulation are analyzed: as a continuation of government regulation and as an alternative to it. The author's concept of self-regulation as a social phenomenon is developed, its essence is revealed, legal and social self-regulation are differentiated. The arguments against considering self-regulation as an alternative to state regulation are presented. It is pointed out that such an opposition raises the question of the possibility of completely replacing state regulation with self-regulation, which, in turn, creates a danger of internal conflicts between society and the state, hinders the development of regulation as a whole, and makes it ineffective. Legal self-regulation in the context of civil society is considered. It is noted that self-regulation in a developed civil society is not just a continuation of state regulation, but the main idea, the principle on which all state regulation is based. It is concluded that self-regulation as a legal category is part of state regulation, should develop and complement it, increase its effectiveness and flexibility. In the final perspective, self-regulation should become the main idea, the principle of building state regulation.

KEYWORDS

Self-regulation; government regulation; legal regulation; civil society; smart regulation; self-organization.

FOR CITATION

Aistov A. G. Self-Regulation: The Essence and Relationship with Government Regulation. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 17–23. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.2.

Начиная с 2000-х годов в отечественной юридической и экономической литературе стала активно изучаться такая правовая категория как саморегулирование.

Саморегулирование рассматривается во всём многообразии его аспектов как деятельность, саморегулируемая организация и т. д. через призму экономических отношений. Это обусловлено в первую очередь переходом России от плановой экономики к рыночной, основными чертами которой являются многообразие форм собственности; свобода предпринимательской

и иной, не запрещенной законом экономической деятельности; свободное ценообразование; равенство субъектов; конкуренция и — на чём стоит акцентировать внимание — минимальное вмешательство государства.

Наиболее актуальным вопросом является соотношение саморегулирования с государственным регулированием.

Саморегулирование рассматривается большинством авторов как альтернатива государственному вмешательству в экономику России, способ правовой децентрализации.

Так, И. Р. Акчурина и А. М. Туфетулов [1, с. 176 – 181] отмечают, что в российской юридической науке имеются два противоположных подхода к вопросу о соотношении государственного регулирования и саморегулирования:

- 1) саморегулирование понимается как продолжение государственного регулирования;
- 2) саморегулирование противопоставляется государственному регулированию.

Более аргументированным, по мнению авторов, является второй подход, поскольку саморегулируемые организации обладают возможностью автономно, без вмешательства государства, регулировать отношения в определенной сфере (проектирование, строительство, аудит, управляющие компании, перевозчики и т. д.). Они обладают правом устанавливать правила и стандарты для своих членов, которые отсутствуют в действующем законодательстве Российской Федерации, но не противоречат ему.

Авторы поддерживают позицию Д. О. Грачева, который указывает, что если саморегулируемая организация (далее по тексту – СРО) устанавливает стандарты и правила, идентичные тем, что есть в действующем законодательстве, то ни о каком саморегулировании не может быть и речи [6, с. 16 – 21].

И. Р. Акчурина и А. М. Туфетулов подчеркивают, что саморегулирование в любом случае будет подчинено правилам, установленным государством, однако такие правила только создают условия для гармоничного взаимодействия субъектов, но не обеспечивают его.

Авторы отмечают преимущества саморегулирования над государственным регулированием, которые выражаются в:

- 1) гибкости норм саморегулирования;
- 2) более быстрой адаптации к динамично изменяющимся общественным отношениям;
- 3) существенном влиянии на содержание норм саморегулирования непосредственными участниками рынка;
- 4) оптимизации расходов и времени при разрешении споров по сравнению с судебным разбирательством.

Таким образом, они приходят к выводу, что доля саморегулирования в частной, предпринимательской сфере должна увеличиваться, и в настоящее время тенденция развития саморегулирования позитивная, однако этот процесс требует более серьезных усилий, как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества.

Необходимо отметить, что Постановление Конституционного Суда Российской Фе-

дерации от 19 мая 1998 г. № 15-П¹ которым было установлено, что Конституция РФ не запрещает государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям при условии, что это не противоречит Конституции Российской Федерации и её федеральным законам, стало основой для становления практики передачи саморегулируемым организациям с обязательным членством государственно-властных полномочий, что, в свою очередь, породило дискуссии о возможности замены саморегулированием государственного регулирования.

Так, А. В. Басова считает, что саморегулируемые организации, созданные на добровольном членстве, призваны осуществлять дополнительное к государственному регулирование, в то время как основанные на обязательном членстве – частично его заменять [3, с. 12].

Т. А. Андропова и О. А. Тарасенко имеют особый взгляд на исследуемый вопрос. По их мнению, в России имеются две модели:

- 1) модель классического регулирования;
- 2) модель саморегулирования.

Первая модель подразделяется на регулирование, основанное на обязательном членстве или на добровольном членстве.

Вторая модель может дополняться требованием о лицензировании определенного вида деятельности либо работать без него. Исходя из этого, институт саморегулирования – часть государственного регулирования предпринимательской или профессиональной деятельности, так как государство в лице законодателя само определяет те сферы, где будет использоваться тот или иной способ регулирования и его объем. При этом в высокорисковых сферах предпринимательской деятельности, например, в сфере финансового рынка России, значительную долю занимает сочетание саморегулирования и государственного регулирования, то есть саморегулирование, когда стандарты и правила финансового рынка разрабатываются совместно предпринимательским сообществом и Банком России [11, с. 131 – 138].

Кроме того, авторы отмечают, что в ст. 55 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г.

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1998 г. № 15-П // Российская газета. 1998. 28 мая.

№ 248-ФЗ² установлено правило, согласно которому результаты деятельности саморегулируемых организаций с добровольным членством по осуществлению контроля за предпринимательской или профессиональной деятельностью своих членов могут быть признаны регулирующими органами, выполняющими в отношении членов СРО виды контроля на основании соглашения о признании результатов такой деятельности СРО, которое СРО заключает с регулирующим органом. Приведённая норма права, в совокупности с Концепцией совершенствования механизмов саморегулирования от 30 декабря 2015 г. свидетельствует о том, что саморегулирование в России начинает нарастать, а два подвида классического регулирования (обязательное и добровольное членство) всё больше сближаются [2, с. 30 – 37].

Авторы поддерживают мнение А. А. Мохова, который утверждает, что раз институт саморегулирования предпринимательской или профессиональной деятельности может регулироваться или отменяться при определенных условиях государством, то это в очередной раз указывает на то, что он является продолжением государственного регулирования [9, с. 9 – 14].

Особого внимания заслуживает позиция С. В. Васильевой, которая, рассматривая вопрос соотношения государственного регулирования и саморегулирования через призму не только экономических отношений, но и государственно-правовой науки, в рамках двух имеющихся подходов не придерживалась ни одного из них, при этом отмечая особую роль гражданского общества, по праву притязавшего на саморегулирование, в ограничении государственного вмешательства, патернализма [4, с. 189 – 199].

По ее мнению, определить границу, разделяющую государственное регулирование и саморегулирование, возможно посредством теории конституционализма, обратившись к позиции О. Е. Кутафина : «... начала саморегулирования проявляют себя, как только государственное вмешательство упирается в правовые ограничители, не позволяющие власти дальше усиливать своё влияние на общество. Как только государство в своем внутривластном движении проходит точку равновесия (оптимального регулирования), которую безошибочно фиксирует механизм саморегулирования, начинается активизация некоего правового начала, сдерживающего

интервенционистскую тенденцию тем сильнее, чем дальше заходит государственное регулирование. Правовое начало побеждает эту тенденцию и начинается движение в обратную сторону. Пределы конституционного вмешательства в сферу общественного саморегулирования должны устанавливаться с таким расчетом, чтобы это вмешательство не могло повредить институтам и механизмам саморегулирования» и позиции А. Г. Румянцева, согласно которой баланс между свободой индивида и конституционным порядком фиксируется на границе между общественным произволом и государственным вмешательством [8, с. 24 – 25; 12, с. 33, 34].

Анализируя представленные выше точки зрения, С. В. Васильева приходит к выводу, что благоприятная среда для возникновения саморегулирования находится где-то на отрезке между переходом индивидов к произволу и государственным вмешательством, выходящим за пределы поддержания набора объективных ценностей, признаваемых в данный момент в данном обществе.

Она справедливо указывает, что саморегулирование в конституционном праве осуществляется в таких сферах, как заключение и реализация политических соглашений, партийное строительство, общественный контроль и др., то есть в институтах демократического правового государства.

С. В. Васильева делает вывод о том, что саморегулирование по природе является проявлением свободы гражданского общества, в которую право не может основательно вторгаться. Саморегулирование возможно только в том случае, если общественные институты разработают соответствующие акты и будут их применять на условиях контроля и ответственности. Нормы саморегулирования не противоречат правовым нормам, но противостоят государственному вмешательству, патернализму [5, с. 39 – 51].

На наш взгляд, саморегулирование — это способность социальной группы создавать внутри себя порядок, основанный на правилах поведения, общих и единых для всех членов группы, а также способность поддерживать этот порядок, привлекать к ответственности за его нарушения и защищать его от внешних угроз.

Саморегулирование как социальная форма организации общества сформировалась до государственного регулирования, так как еще до образования первых государств индивиды объединялись в социальные группы по признаку единого рода занятий (охотники, собиратели и т. п.), вырабатывали правила поведе-

² Российская газета. 2020. 5 авг.

ния для своей группы, следили за их соблюдением и наказывали за их нарушение.

Социальное саморегулирование фактически является источником и основой государственного регулирования, поскольку одно произошло из другого. Процесс трансформации социального саморегулирования в государственное регулирование можно отследить на любом этапе развития общества и государства на примере правовых норм. Так, еще до закрепления и регулирования правовыми нормами таких понятий, как ассоциации, союзы, общины коренных малочисленных народов и т. д., все эти юридические конструкции имели объективную форму выражения, то есть создавались социальными группами посредством саморегулирования и только после этого отражались в правовых нормах, которые, как правило, дублировали уже выработанные правила поведения.

Вместе с тем саморегулирование как современная правовая категория имеет отличную от своей изначальной социальной природы сущность и форму.

В Федеральном законе от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» под саморегулированием понимается «самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил»³.

Из анализа приведенного понятия следует, что саморегулирование в РФ возможно только в экономической сфере, в строго-определенных рамках, установленных государством. Следовательно, государство решает, есть место в своей правовой системе саморегулированию или нет, если есть, то в какой сфере жизнедеятельности общества и в каких границах, а значит, саморегулирование как правовая категория является продолжением государственного регулирования.

Позиция И. Р. Акчурина и А. М. Туфетулова о том, что саморегулирование является альтернативой государственному регулированию, на наш взгляд, является ошибочной. Рассматривая саморегулирование как альтернативу государственному регулированию, мы противопоставляем, сталкиваем их, претендуем на полную замену одного на другое. Исто-

рия не знает случаев, когда саморегулирование полностью бы вытеснило государственное регулирование, что привело бы к распаду последнего. Более того, такое противопоставление препятствует развитию регулирования в целом, делает его неэффективным, создаёт опасность внутренних конфликтов между обществом и государством. Если бы саморегулирование действительно представляло собой альтернативу государственному регулированию, то такое саморегулирование было бы государством подавлено, так как подрывало бы авторитет самого государства и ставило под угрозу его существование. Исходя из этого, правовой институт СРО в России создан для того, чтобы продолжить государственное регулирование, усовершенствовать, сделать его более гибким и точным.

Вызывает сомнения и позиция С. В. Васильевой в части противостояния норм саморегулирования государственному вмешательству, патернализму. Нормы саморегулирования созданы с дозволения государства и имеют незначительную юридическую силу в рамках всей системы законодательства. Государство может одним своим решением упразднить институт саморегулирования, и тогда все нормы саморегулирования перестанут действовать. Более того, нормы саморегулирования обеспечиваются силой государства, его аппаратом, что также ставит под сомнение возможность противостоять государственному вмешательству, патернализму.

Вместе с тем саморегулирование как социальная категория является вторым после самоорганизации этапом развития организации общества ввиду того, что самоорганизация представляет собой способность индивидов объединиться в социальную группу для получения результата, достижение которого требует специальных навыков, знаний, ресурсов, не обладая при этом устойчивостью, системой правил поведения, способностью обеспечить исполнение этих правил, а в случае неисполнения привлечь к ответственности виновное лицо и т.д. В этой связи необходимо обратить внимание на позицию В. Ю. Скоробогатова, согласно которой саморегулирование понимается как свойство всей правовой системы, выражающееся, в частности, в её самоорганизации: способности правовой системы сохранять базовые свойства системы: устойчивость, целостность, способность сопротивляться деструктивному внешнему воздействию [10, с. 8]. На наш взгляд, автор расширяет понятие самоорганизации, наделяя его признаками саморегулирования, так как регулирование вне зависимости от того, является оно государственным или

³ О саморегулируемых организациях : Федер. закон от 1 дек. 2007 г. № 315-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Российская газета. 2007. 6 дек.

нет, представляет собой системный упорядоченный процесс, самостоятельно возобновляемый, ориентированный на поддержание устойчивости, баланса и эффективности системы посредством введения в этот процесс регуляторов (правил поведения), а организация происходит в отношении какого-либо единичного процесса и направлена на получение результата, после достижения которого возникшая в следствии этого процесса система упраздняется.

Поэтому правовое саморегулирование является необходимой потребностью и отражением зрелости гражданского общества. Только в развитом гражданском обществе права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью, на которое государство не вправе посягать — в противном случае гражданское общество встаёт на защиту своих прав и свобод в рамках имеющихся правовых механизмов, созданных государством, что приводит к соответствующим реформам государственного регулирования. В развитом гражданском обществе государственное управление изначально построено на саморегулировании — последнее не представляет собой альтернативу, оно является ядром, одной из основных идей, принципом государственного регулирования.

Когда гражданское общество достигает в своём развитии того состояния, что оно может самостоятельно решать большинство важных для себя вопросов, не опираясь на государственный аппарат принуждения, тогда происходит трансформация государственного регулирования от установления границ между регулированием обществом и государством, до их размывтия, слияния. Саморегулирование

проникает в основы государственного управления, оптимизируется государственный аппарат, всё больше государственных должностей становятся выборными, доля диспозитивных норм в публичных отраслях права заметно увеличивается. Общество и государство приходят к пониманию, что эффективное и качественное регулирование возможно только посредством построения государственного регулирования на идее саморегулирования.

В этой связи значимой является позиция М. Л. Давыдовой, которая в качестве перспективного направления развития современного правового регулирования видит «умное регулирование» — достижение регулятивного результата наименее обременительным способом [7, с. 14 — 29]. Умное регулирование предполагает использование саморегулирования как одного из важных средств, позволяющих сэкономить ограниченные ресурсы государства, получив нормы, которые разработаны самими участниками регулируемых отношений. Характеристики умного регулирования не противопоставляют его другим подходам к организации регулятивного воздействия, а демонстрируют стремление объединить все лучшие наработки и рекомендации, подняв их на новый уровень.

Таким образом, саморегулирование как правовая категория не должна противопоставляться государственному регулированию, она является его неотъемлемой частью, должна развивать и дополнять последнее, повышать его эффективность и гибкость. В конечной перспективе саморегулирование должно стать основной идеей, принципом построения государственного регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акчурина И. Р., Туфетулов А. М. К вопросу о соотношении саморегулирования и государственного регулирования в РФ // Актуальные проблемы экономики и права. — 2012. — № 2. — С. 176 — 181.
2. Андропова Т. А., Тарасенко О. А. О соотношении терминов «государственное регулирование», «саморегулирование», «правовой режим» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 12. — С. 30 — 37.
3. Басова А. В. Саморегулируемые организации как субъекты предпринимательского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Москва, 2008. — 25 с.
4. Васильева С. В. Саморегулирование как способ правовой децентрализации в России // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2013. — № 4. — С. 189 — 199.
5. Васильева С. В. Саморегулирование и самоорганизация в системе демократии: внутри права, по ту сторону права или параллельно ему? // Сравнительное конституционное обозрение. — 2009. — № 5. — С. 39 — 51.
6. Грачев Д. О. Правила саморегулируемых организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2009. — № 2. — С. 16 — 21.
7. Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. — 2020. — № 11. — С. 14 — 29. — DOI: 10.12737/jrl.2020.130.
8. Кутафин О. Е. Понятие конституционного государства // Современный российский конституционализм: проблемы теории и практики : сб. тр. каф. конституционного и муниципального права России,

посвящ. 15-летию Конституции Российской Федерации / отв. ред. О. Е. Кутафин, Е. С. Шугрина. – Москва : МГЮА, 2008. – 287 с.

9. Мохов А. А. Правовые режимы осуществления экономической деятельности и саморегулирование предпринимательской или профессиональной деятельности // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2015. – № 4. – С. 9–14.

10. Скоробогатов В. Ю. Саморегулирование как свойство правовой системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Москва, 2013. – 22 с.

11. Тарасенко О. А. Перспективная модель организации саморегулирования на банковском рынке // *Государство и право*. – 2022. – № 11. – С. 131–138. – DOI: 10.31857/S102694520017209-0.

12. Rummyantsev A. Die Garantie des kollektiven Gutes der fehlerfreien Berichterstattung als medienübergreifender Rechtsgrundsatz: Zugleich ein Beitrag zu einer funktional-institutionellen Theorie des Medienrechts. – Berlin : LIT Verlag Dr. W. Hopf, 2007. – 472 S. – (Juristische Schriftenreihe; Bd. 260).

REFERENCES

1. Akhchurina I. R., Tufetulov A. M. On the issue of correlation between self-regulation and state regulation in the Russian Federation. *Aktualniye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2012, no. 2, pp. 176–181. (In Russian).

2. Andronova T. A., Tarasenko O. A. On the correlation of terms: "State regulation", "Self-regulation", "Legal regime of economic activity". *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 12, pp. 30–37. (In Russian).

3. Basova A. V. *Samoreguliruemye organizatsii kak subiekty predprinimatelskogo prava. Avtoref. Kand. Diss.* [Self-regulating Organizations as Subjects of Business Law. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2008. 25 p.

4. Vasilieva S. V. Self-regulation as a way of legal decentralization in Russia *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya = Public administration issues*, 2013, no. 4, pp. 189–199. (In Russian).

5. Vasilieva S. V. Self-Regulation and Self-Organization in the System of Democracy: Inside the Law, on the Other Side of the Law or Parallel to It? *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2009, no. 5, pp. 39–51. (In Russian).

6. Grachev D. O. Rules of self-regulatory organizations. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2009, no. 2, pp. 16–21. (In Russian).

7. Davydova M. L. Smart Regulation as the Basis for Improving Modern Law-Making. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 11, pp. 14–29. (In Russian). DOI: 10.12737/jrl.2020.130.

8. Kutafin O. E. The Concept of a Constitutional State. In Kutafin O. E., Shugrina E. S. (eds). *Sovremennyyi rossiiskii konstitutsionalizm: problemy teorii i praktiki. Materialy kafedry konstitutsionnogo i munitsipalnogo prava Rossii, posvyashchennyi 15-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Modern Russian Constitutionalism: Problems of Theory and Practice. Materials of the Department of Constitutional and Municipal Law of Russia, dedicated to the 15th anniversary of the Constitution of the Russian Federation]. Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Publ., 2008. 287 p. (In Russian).

9. Mokhov A. A. Legal regimes of realization economic activity and the autoregulation of entrepreneurial or professional activity. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2015, no. 4, pp. 9–14. (In Russian).

10. Skorobogatov V. Yu. *Samoregulirovanie kak svoystvo pravovoi sistemy. Avtoref. Kand. Diss.* [Self-regulation as a Property of the Legal System. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2013. 22 p.

11. Tarasenko O. A. Prospective model of organization of self-regulation in the banking market. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 11, pp. 131–138. (In Russian). DOI: 10.31857/S102694520017209-0.

12. Rummyantsev A. *Die Garantie des kollektiven Gutes der fehlerfreien Berichterstattung als medienübergreifender Rechtsgrundsatz: Zugleich ein Beitrag zu einer funktional-institutionellen Theorie des Medienrechts*. Berlin, LIT Verlag Dr. W. Hopf, 2007. 472 S.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аистов Андрей Григорьевич (Волгоград) – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (400062, Россия, г. Волгоград, проспект Университетский, 100, e-mail: aistovandrey@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aistov, Andrey G. (Vologograd) – Postgraduate Student of the Constitutional and Municipal Law Department, Volgograd State University (100 Prospect Universitetsky, Vologograd, 400062, Russia, e-mail: veruver@mail.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342.743:346.544.2

Д. Н. Дрозд

Университет Национальной
технологической инициативы 2035
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0003-7774-6070
ResearcherID: LCT-0214-2024

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГРАНТОВОЙ ПОДДЕРЖКИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 24 — 31.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.3.
Дата поступления 23.04.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования в рамках данной статьи являются правоотношения, складывающиеся в процессе получения и использования грантов на финансирование научных исследований. Определяются критерии льготного налогообложения, особенности финансово-правовых отношений организаций, предоставляющих условия для реализации проекта, и научных коллективов. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства в области предоставления и реализации грантов, его важное теоретическое и практическое значение как внутри страны, так и на межгосударственном уровне. Раскрывается правовая основа предоставления и использования научных грантов, особенности соглашений по предоставлению научных грантов и правоотношений участников грантовых соглашений. Анализируются типичные вопросы налогообложения средств гранта и уплаты страховых взносов. Подчеркиваются особенности субъектного состава правоотношений по предоставлению грантов. В целях изучения практики проведения отбора проектов, поддержанных научным грантом, проведен анализ документов Российского научного фонда, изучены аналитические материалы Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Наука; научные исследования; законодательство о науке и научно-технической политике; гранты; налогообложение; финансово-правовой статус организаций; научные коллективы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дрозд Д. Н. Финансово-правовые аспекты грантовой поддержки научных исследований // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 24 — 31. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.3.

FINANCIAL AND LEGAL ASPECTS OF GRANT SUPPORT FOR SCIENTIFIC RESEARCH

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 24 – 31.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.3.
Received 23.04.2024, accepted 09.09.2024, available online
30.09.2024.

ABSTRACT

The subject of the research in this article is the legal relations that develop in the process of obtaining and using grants to finance scientific research. The criteria of preferential taxation, the specifics of financial and legal relations of organizations providing conditions for the implementation of the project, and research teams are determined. The necessity of improving legislation in the field of grant provision and implementation, its important theoretical and practical significance both within the country is substantiated, so it is at the interstate level. The article reveals the legal basis for the provision and use of scientific grants, the specifics of agreements on the provision of scientific grants and the legal relations of participants in grant agreements. Typical issues of taxation of grant funds and payment of insurance premiums are analyzed. The peculiarities of the subject composition of the legal relations on the provision of grants are emphasized. In order to study the practice of selecting projects supported by a scientific grant, the documents of the Russian Science Foundation were analyzed, analytical materials of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation were studied.

KEYWORDS

Science; scientific research; legislation on science and scientific and technical policy; grants; taxation; financial and legal status of organizations; research teams.

FOR CITATION

Drozd D. N. Financial and Legal Aspects of Grant Support for Scientific Research. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 24 – 31. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.3.

Экономический рост и социальный прогресс непосредственно определяются уровнем развития науки и технологий. Конкурентное преимущество на мировом рынке получают страны, обеспечившие себе лидерство в сфере исследований и разработок, в том числе за счет эффективного управления научно-технологическим развитием, гибкой реакцией на изменение глобальной повестки и появление новых вызовов. Развитие науки и технологий не представляется возможным без наличия эффективных механизмов финансирования, а также совершенствования основ правового регулирования финансирования научных исследований и технологий.

Одним из финансовых инструментов, направленных на поддержку научных исследований в Российской Федерации, является грант.

Анализ правового регулирования показывает, что на данный момент в российском законодательстве существуют различные подходы к понятию «грант», как следствие, отсутствует и унифицированное легальное определение. Различные отрасли законодательства — бюджетное и налоговое законодательство, а также законодательство в области науки — по-разному квалифицируют правовой статус грантов. При этом в рамках правового подхода принято рассматривать исключительно финансово-распределительную функцию гранта, хотя очевидно, что роль грантов только этим не ограничивается. Характерная для современной науки возрастающая значимость грантов не только приводит к появлению новых открытий и процессов в науке, но и стимулирует заинтересованность ученых к участию в конкурсах, которые становятся одной из форм профессиональной деятельности, требующей изменения в структуре их рабочего времени, а также формирования новых знаний и навыков.

Соглашаясь с мнением Е. А. Стрельцовой [12, с. 188], что смыслообразующим является конкурсный механизм распределения грантов, а наличие экспертной оценки отличает систему предоставления грантов от пожертвований, которые, как правило, предоставляются без проведения отбора экспертами, согласно личной воле жертвователя, в отсутствие специальной конкурсной документации, можно утверждать, что грантовый механизм финансирования научных исследований служит не только для распределения экономического ресурса в научном поле, но и для трансляции научного капитала в социальном поле. Грант является правовым стимулом, способствующим складыванию в современной российской науке новой продуктивной моде-

ли общественных отношений [11, с. 13], что в свою очередь представляется весьма важным в современных условиях.

Таким образом, можно говорить о социальных, экономических и юридических функциях грантов. Социальная функция гранта заключается в стимулировании научного поиска и количественном росте научного сообщества во времени и пространстве. Кроме того, грантовая поддержка способствует усилению взаимодействия и научного общения — как между различными странами, так и между различными научными школами. Экономическая функция гранта состоит в обеспечении наиболее эффективного использования средств государственного бюджета, поскольку грантовая форма финансирования является гибкой (адаптируемой под разные внешние условия) и одновременно прозрачной с точки зрения проведения конкурса и последующего контроля за реализацией грантового проекта. Юридическая функция гранта заключается в возможности оформлять широкий спектр общественных отношений.

Основой предоставления поддержки научных исследований в виде гранта являются грантовые правоотношения, которые в широком смысле можно определить как общественные отношения, возникающие в процессе назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научных исследований. Грантовые правоотношения представляют собой многостороннюю сделку, которую целесообразно рассматривать как самостоятельный тип — грантовое соглашение [2, с. 83].

Вместе с тем в российском гражданском законодательстве понимание «гранта» как сделки отсутствует. В рамках Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) для регламентации взаимоотношений заказчика и исполнителя по проведению научных исследований или конструкторских работ применяются договор на выполнение научно-исследовательских и (или) опытно-конструкторских работ, всегда носящий возмездный характер. Поскольку одной из важных характеристик грантовых отношений является безвозмездность, предоставление гранта целесообразно регулировать другим видом договоров. Наиболее подходящий по смыслу и сути к понятию грантового соглашения договор пожертвования, определенный статьей 582 ГК РФ, не устанавливает необходимость использовать предоставляемые средства по определенному назначению, что противоречит сущности грантов, которые предоставляются всегда на заранее определенные цели.

Для более глубокого исследования правоотношений, возникающих в процессе предоставления и использования грантов, а также выявления причин практических сложностей, появляющихся в процессе исполнения грантополучателями своих обязательств, необходимо детально рассмотреть субъектный состав грантовых правоотношений, а также проанализировать их роль и интересы. В грантовом соглашении участвуют три субъекта: государственные научные фонды, отдельные ученые или научные коллективы, а также научные и образовательные организации, через которые осуществляется поступление средств поддержки.

После проведения мероприятий по объединению Российского фонда фундаментальных исследований (далее — РФФИ) с Российским научным фондом (далее — РФФ) в соответствии с поручением Правительства Российской Федерации в рамках реализации мероприятий по реформированию институтов развития¹ изменился субъектный состав грантовых правоотношений. Ранее грантовое соглашение являлось многосторонней сделкой, и большинство конкурсов, проводимых специализированными научными фондами, подразумевало участие в грантовом правоотношении еще одного субъекта — организацию, предоставляющую условия для реализации проекта. Как правило, это было указанное участником конкурса в заявке российское юридическое лицо — государственная организация, осуществляющая научную и (или) научно-образовательную деятельность, которое предоставит научному коллективу условия для реализации проекта в случае выделения гранта.

В настоящее время в соответствии с Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 291-ФЗ «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» РФФ предоставляет грант только через юридическое лицо — научную организацию, образовательную организацию. И это обязательное условие всех проводимых РФФ конкурсов. В данном случае это может означать, что грантовое соглашение теперь является двусторонней сделкой, а его участниками — грантодатель (РФФ) и грантополучатель (организация-победитель).

Некоторые исследователи, занимающиеся данной проблематикой, и ранее указывали

¹ Поручение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № ММ-П13-15259; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3710-р // СПС «КонсультантПлюс».

на то, что роль научных и образовательных организаций вторична, и на них возлагается лишь исполнение ряда функций, связанных с поступлением и выплатой денежных средств в виде грантов [2, с. 15], и не уделяли внимание изучению правоотношений двух сторон грантового соглашения — государственных научных фондов и получателей грантов. Предполагаемая коллизия публичных и частных интересов участников общественных отношений, возникающих в процессе осуществления грантовой деятельности на всех этапах, включая и отношения грантополучателей со своими организациями-работодателями, а также с организациями, предоставляющими условия для реализации научного проекта, также представляет интерес для изучения.

Формы поддержки ученых могут быть различными (нематериальные объекты, например, право пользования каким-либо имуществом, либо результатом интеллектуальной деятельности (программы, базы данных и пр.), наиболее распространенной формой поддержки научных исследований остаются денежные средства, что, в свою очередь, связано с большим количеством способов их расходования, и делает цель договора более осуществимой, а для потенциальных получателей выступает фактором дополнительной заинтересованности в участии в проекте.

В соответствии с правилами РФФ «О реализации соглашений между РФФ, руководителем проекта и организацией о предоставлении гранта на проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований»² грант предоставляется организации³: именно ей принадлежат приобретаемые за счет средств гранта материалы и оборудование (согласно п. 7 ч. 2 ст. 256 НК РФ указанное имущество не подлежит амортизации). Грант является безвозмездным поступлением и отражается в Плане счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организации как доход будущих периодов (безвозмездные поступления)⁴. Грант не является денежными средствами,

² URL: https://rscf.ru/fondfiles/faq-page/about_agreements.pdf.

³ Грант является безвозмездным поступлением и отражается в Плане счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций как доход будущих периодов (безвозмездные поступления).

⁴ Об отражении в бухгалтерском учете и отчетности бюджетного учреждения операций по получению и расходованию грантов: Письмо Минфина России от 25 июня 2018 г. № 02-06-10/43614. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71901902/>.

находящимися во временном распоряжении организации-получателя⁵, предоставляется на выполнение конкретного научного проекта, указанного в грантовом соглашении, а средства гранта и иные привлеченные средства — средства софинансирования (если его наличие предусмотрено грантовым соглашением) также должны расходоваться только на цели проекта.

Накладные расходы и их размер, определяемые грантовым соглашением или локальным актом организации, используются только на цели, непосредственно связанные с созданием организацией необходимых условий для выполнения проекта членами научного коллектива.

Следует отметить особый правовой режим средств, передаваемых по грантовому соглашению, и порядок такой передачи, которые влияют на ряд имущественных последствий, возникающих у получателей грантов.

Организация, являясь получателем гранта, сталкивается, в первую очередь, с вопросом, касающимся исчисления налога на прибыль организаций. Обязательным критерием для установления налога является определение объекта налогообложения, который в отношении налога на прибыль организаций определяется как прибыль, полученная налогоплательщиком (ст. 247 Налогового Кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ)). В целях определения необходимости уплаты налога или ее отсутствия, требуется выяснить, будут ли средства грантов восприниматься как доход, учитываемый при определении налоговой базы. Согласно ст. 251 НК РФ, при определении налоговой базы не учитывается имущество, полученное налогоплательщиком в рамках целевого финансирования. Гранты являются одним из вариантов целевого финансирования, при этом для признания денежных средств или иного имущества грантами необходимо наличие ряда условий, при которых соответствующая сумма не включается в объект налогообложения по налогу на прибыль организации. Если хотя бы один из установленных в НК РФ обязательных критериев не соблюдается, то включение полученного финансирования в объект налогообложения по налогу на прибыль организаций происходит по общим правилам.

⁵ Указанная позиция о том, что грант РФ не является грантом физическому лицу, подтверждается решением Арбитражного суда г. Москвы от 28 мая 2021 г. по делу № А40-100879/20-51-742 (URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/30Xyu7SidAQ6/>).

Учитывая, что непосредственная реализация поддержанного проекта осуществляется не юридическим лицом, а физическим лицом — ученым, имеющим отношение к данной организации в рамках трудового или гражданско-правового договора, возникает вопрос о налогообложении дохода указанных лиц. Физические лица уплачивают иной налог — налог на доходы физических лиц — и представляется целесообразным перейти к рассмотрению этого вопроса. Согласно п. 1 ст. 41 НК РФ доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемая в соответствии с главами «Налог на доходы физических лиц», «Налог на прибыль организаций» НК РФ. По общему правилу при определении налоговой базы по налогу на доход физических лиц учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах, или доходы, право на распоряжение которыми у него возникло (п. 1 ст. 219 НК РФ). Вместе с тем ст. 217 НК РФ содержит перечень доходов, освобожденных от налогообложения, среди которых указываются гранты.

Несмотря на то, что данная статья содержит несколько пунктов, посвященных налогообложению грантов, наибольший интерес вызывают положения п. 6 ст. 217 НК РФ, в котором указывается, что от налогообложения освобождаются суммы, получаемые налогоплательщиками в виде грантов (безвозмездной помощи), предоставленных для поддержки науки и образования, культуры и искусства в Российской Федерации международными, иностранными и (или) российскими организациями по перечням таких организаций, утверждаемым Правительством Российской Федерации.

На сегодняшний день налоговые органы в качестве основного критерия квалификации, попадают ли гранты под режим льготного налогообложения, предусмотренный статьями 217 и 251 НК РФ, рассматривают нахождение организации-грантодателя в утвержденных Правительством Российской Федерации перечнях международных, иностранных и российских организаций, получаемые налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых не подлежат налогообложению и не учитываются в целях налогообложения в до-

ходах российских организаций-получателей грантов⁶.

В результате анализа представленных норм можно сделать вывод о различии правил налогообложения в зависимости от субъектов, предоставляющих финансирование. Так, если грантодателем является организация, указанная в одном из двух представленных выше постановлений Правительства Российской Федерации, то грантополучатели освобождаются от обязанности уплаты налога на доходы физических лиц. В то время как гранты от иных субъектов подчиняются общим правилам налогообложения, даже несмотря на то, что предоставляемые ими денежные средства аналогично соответствуют иным критериям признания денежных средств грантами. Таким образом, первым фактором, имеющим значение для решения вопроса о налогообложении, является источник предоставления денежных средств – грантодатель.

Но не только источник финансирования является критерием, дифференцирующим правила налогообложения доходов лиц, получающих соответствующие денежные средства в рамках гранта. Вторым фактором, оказывающим влияние на выбор модели поведения субъектов в рамках налогообложения грантов, является субъект, в итоге получающий денежные средства гранта. Так, ст. 217 НК РФ четко закрепляет, что налогообложению не подлежат доходы, полученные налогоплательщиками в виде грантов, то есть речь идет о тех физических лицах, которые официально указаны как грантополучатели.

Известно, что для реализации гранта могут привлекаться иные лица, не являющиеся грантополучателями, например, на основе гражданско-правового договора для выполнения конкретных работ и (или) услуг за счет средств гранта. Лица, получающие денежные средства, являющиеся частью гранта, но не имеющие статуса грантополучателя, не являются субъектами, освобождаемыми от налогообложения в рамках ст. 217 НК РФ. Доходы

указанных лиц подлежат налогообложению в установленном порядке по общим правилам. Указанный подход подтверждается Министрством финансов Российской Федерации⁷.

Возвращаясь к ранее обозначенному вопросу о том, как в рамках вопроса налогообложения оценивать доходы, получаемые физическими лицами из средств гранта, предоставленного организации, можно сделать вывод, что в таком случае доходы физических лиц аналогично будут подчиняться общим правилам налогообложения.

Указанный подход к вопросу налогообложения грантов, с одной стороны, обусловлен недопущением злоупотребления правом, так как налоговые послабления предоставляются только в случае, когда грантодатель является субъектом, статус которого признан Правительством Российской Федерации, и когда речь идет только о непосредственном грантополучателе, выигравшем соответствующий конкурс. Такой дифференцированный подход, во-первых, создает сложности при решении вопроса о наличии необходимости уплачивать налог в каждом конкретном случае. Во-вторых, ставит в неравное положение получателей денежных средств, так как, несмотря на одинаковую изначальную сумму грантов, в реальном размере до грантополучателей будет доходить разная сумма в зависимости от того, кто является грантодателем.

В некоторой степени данную ситуацию возможно будет сбалансировать, во-первых, благодаря изменению перечня грантодателей, признанных Правительством Российской Федерации⁸, во-вторых, путем введения налогового вычета. Указанные изменения позволят создать баланс между недопущением использования грантов не для целей реализации проекта и получением индивидом денежных средств в полном объеме. Условием получения налогового вычета может стать подтверждение завершения проекта, на реализацию которого были предоставлены денежные средства.

⁶ Разработанный Минобрнауки проект постановления Российской Федерации «О внесении изменений в перечень российских организаций, получающие налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых, предоставленные для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации, не подлежат налогообложению» расширяет перечень таких организаций. Расширение списка грантодателей, признанных Правительством Российской Федерации, позволит уравнивать положение грантополучателей в вопросах реально получаемого размера денежных средств, оказываемых в непосредственном распоряжении грантополучателя.

⁷ Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 29 окт. 2019 г. № 03-04-05/82999 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Проект постановления Российской Федерации «О внесении изменений в перечень российских организаций, получающие налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых, предоставленные для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации, не подлежат налогообложению» разработан Минобрнауки и проходит необходимые согласования.

Порядок обложения страховыми взносами выплат, производимых в пользу физических лиц за счет средств гранта определен статьей 420 НК РФ и разъяснен письмом Министерства финансов Российской Федерации от 2 марта 2018 г. № 03-15-07/13341⁹.

В соответствии с пунктом 1 статьи 420 НК РФ объектом обложения страховыми взносами для организаций признаются выплаты и иные вознаграждения в пользу физических лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования (за исключением вознаграждений, выплачиваемых лицам, указанным в подпункте 2 пункта 1 статьи 419 НК РФ), в частности в рамках трудовых отношений и по гражданско-правовым договорам, предметом которых являются выполнение работ, оказание услуг.

Учитывая, что согласно подпункту 1 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса плательщиками страховых взносов являются лица, производящие выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, то у организации, производящей данные выплаты, возникает обязанность по начислению и уплате страховых взносов с указанных выплат.

Если организация производит выплаты физическим лицам, которые состоят с ней в трудовых отношениях или заключили с ней гражданско-правовые договоры, предметом которых являются выполнение работ, оказание

услуг, то суммы таких выплат, в том числе и средства гранта (за исключением сумм, поименованных в статье 422 Налогового кодекса) подлежат обложению страховыми взносами независимо от источника их финансирования.

При этом уплата страховых взносов с данных выплат не может осуществляться за счет средств физических лиц, получающих выплаты за счет средств гранта. В случае, если выплаты гранта производятся грантодателем непосредственно в пользу грантополучателя – физического лица, не состоящего с ним в трудовых отношениях или в отношениях, вытекающих из гражданско-правовых договоров на выполнение работ, оказание услуг, то такие выплаты объектом обложения страховыми взносами не признаются.

Следует отметить, в гл. 34 НК РФ («Страховые взносы») не нашли отражения нормы об обложении страховыми взносами тех выплат физическим лицам, которые бы изменили позицию научных организаций и грантодателей-научных фондов, представленную выше.

Эта проблема отражена столь подробным образом не только в силу ее чрезвычайной практической значимости, но и потому, что само ее возникновение было всецело обусловлено неверной юридической квалификацией природы грантовых правоотношений, а это обстоятельство, в свою очередь, спровоцировано непоследовательным законодательным регулированием грантовой деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артемова И. В. Организация трудовой деятельности в рамках гранта // Советник в сфере образования. – 2016. – № 1. – С. 55 – 60.
2. Белявский О. В. Правовой режим гранта как инструмента государственного финансирования фундаментальных научных исследований в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04. – Москва, 2019. – 159 с. [с. 15, 83].
3. Белявский О. В. Проблемы правового регулирования грантовой поддержки фундаментальных научных исследований в Российской Федерации // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13, № 4. – С. 170 – 189.
4. Белявский О. В., Васянина Е. Л. Эффективность системы грантовой поддержки научных исследований // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 395 – 399.
5. Запольский С. В., Сморгочова Л. Н. Правовой режим научного гранта: проблемы определения и пути совершенствования // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 148 – 156.
6. Запольский С. В., Сморгочова Л. Н. Субсидии и гранты – правовые инструменты развития экономики // Хозяйство и право. – 2020. – № 11. – С. 88 – 100.
7. Ильина И. Е. Анализ деятельности научных фондов, обеспечивающих поддержку фундаментальных исследований в России // Наука. Инновации. Образование. – 2015. – № 18. – С. 179 – 203.
8. Лазар Г. М., Стрельцова Е. А. Грантовая система финансирования российской науки: итоги одного социологического опроса // Социология науки и технологий. – 2015. – Т. 6, № 3. – С. 38 – 49.

⁹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_293472/b57436e9b2278b9895426251014c4be30921f28f/.

9. Матузов Н. И. Правовая система и личность. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1987. – 293 с.
10. Провалянский Д. И. Гранты – понятие и признаки // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6, № 12А. – С. 201 – 210.
11. Провалянский Д. И. Правостимулирующая роль грантов // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 9. – С. 76 – 86.
12. Стрельцова Е. А. Исследовательские гранты: социологический анализ понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7 (45), ч. II. – С. 186 – 188.
13. Яковлев В. Ф. Избранные труды. – Москва : Статут, 2012. – Т. 2: Гражданское право. История и современность. Кн. 1. – 976 с.

REFERENCES

1. Artemova I. V. Organization of Work Activities Within the Framework of the Grant. *Sovetnik v sfere obrazovaniya = Advisor in the Field of Education*, 2016, no. 1, pp. 55 – 60. (In Russian).
2. Belyavskiy O. V. *Pravovoi rezhim granta kak instrumenta gosudarstvennogo finansirovaniya fundamentalnykh nauchnykh issledovaniy v Rossiiskoi Federatsii. Kand. Diss.* [The Legal Regime of The Grant as an Instrument of State Financing of Fundamental Scientific Research in the Russian Federation. Cand. Diss.]. Moscow, 2019. 159 p.
3. Belyavskiy O. V. Problems of Legal Regulation of the Grant Support of Basic Scientific Research in the Russian Federation. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, vol. 13, no. 4, pp. 170 – 189. (In Russian).
4. Belyavskiy O. V., Vasyanina E. L. The effectiveness of the system of grant support for scientific research. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve = Lacks in Russian legislation*, 2018, no. 4, pp. 395 – 399. (In Russian).
5. Zapolsky S. V., Smorchkova L. N. Legal regime of a scientific grant: problems of definition and ways of improvement. *Pravo i praktika = Law and Practice*, 2020, no. 2, pp. 148 – 156. (In Russian).
6. Zapolsky S. V., Smorchkova L. N. Subsidies and Grants Are Legal Instruments for Economic Development. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*, 2020, no. 11, pp. 88 – 100. (In Russian).
7. Iliina I. E. Analysis of the Activities of Science Foundations, which Provide Support for Fundamental Research in Russia. *Nauka. Innovatsii. Obrazovaniye = Science. Innovation. Education*, 2015, iss. 18, pp. 179 – 203. (In Russian).
8. Lazar M. G., Streltsova E. A. Grant Funding System of Russian Science: the Results of a Public Opinion Poll. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii = Sociology of Science and Technology*, 2015, vol. 6, no. 3, pp. 38 – 49. (In Russian).
9. Matizov N. I. *Pravovaya sistema i lichnost* [Legal System and Personality]. Saratov university Publ., 1987. 293 p.
10. Provalinsky D. I. Grants: conception and features. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2016, vol. 6, iss. 12A, pp. 201 – 210. (In Russian).
11. Provalinsky D. I. Grants as legal incentives. *Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo = Society: politics, economics, law*, 2016, iss. 9, pp. 76 – 86. (In Russian).
12. Streltsova E. A. Research Grants: A Sociological analysis of the Concept. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2014, vol. 7, iss. 45, pt. 2, pp. 186 – 188. (In Russian).
13. Yakovlev V. F. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Statut Publ., 2012. Vol. 2, bk. 1. 976 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дрозд Дина Николаевна (Москва) – руководитель проектов автономной некоммерческой организации «Университет Национальной технологической инициативы 2035» (123242, Россия, г. Москва, Малый Конюшковский переулок, д. 2, e-mail: l_dinka@inbox.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Drozd, Dina N. (Moscow) – Project Manager of the autonomous non-profit organization "University of National Technological Initiative 2035" (2 Maly Konyushkovsky Lane, Moscow, 123242, Russia, e-mail: l_dinka@inbox.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 347

Е. В. Михайлова

*Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0313-3813
ResearcherID: HMD-3152-2023*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 32 — 39.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.4.

Дата поступления 12.05.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается, что правоотношения, складывающиеся в сфере налогообложения физических и юридических лиц в Российской Федерации, представляют собой важнейший элемент административно-правового регулирования. Конституция Российской Федерации провозглашает важнейший правовой принцип этой сферы — принцип законности, в соответствии с которым взимаются только законно установленные налоги. При этом нормы налогового законодательства должны отвечать требованию определенности, и четко устанавливать все существенные признаки и порядок определения подлежащих уплате налогов. Отмечено, что граждане и организации обязаны платить только прямо установленные законом налоги. Регулирование вопросов, связанных с налогообложением, в подзаконных актах является недопустимым, налогообложение граждан и организаций должно быть соразмерным конституционно значимым целям, в том числе связанным с оптимальным регулированием экономических отношений, стимулированием свободной рыночной экономики, основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как важных ее субъектов, а также надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости, надежности гражданского оборота. Доказано, что налогообложение денежных средств, полученных юридическим лицом, проходящим процедуру несостоятельности (банкротства), от реализации принадлежащего ему имущества, нарушает как права этого юридического лица, так и права и законные интересы его кредиторов, поскольку имущество реализуется именно в целях покрытия имеющейся перед ними задолженности. Установленный Письмом Минфина порядок налогообложения доходов юридических лиц, проходящих процедуру банкротства, не отвечает требованию определенности норм налогового права. Выявлена неопределенность норм налогового законодательства в части определения налогообложения юридических лиц, проходящих процедуру банкротства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Налог; налоговое законодательство; публичное правоотношение; принцип законности; правовая определенность; административное судопроизводство; арбитражное судопроизводство; налог на прибыль; банкротство.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Михайлова Е. В. О некоторых вопросах налогообложения в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 32–39. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.4.

UDC 347

E. V. Mikhailova
*Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0313-3813
ResearcherID: HMD-3152-2023*

**ABOUT SOME ISSUES OF TAXATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION****PUBLICATION DATA**

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 32 – 39.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.4.
Received 12.05.2024, accepted 09.09.2024, available online 30.09.2024.

ABSTRACT

The article substantiates that the legal relations developing in the field of taxation of individuals and legal entities in the Russian Federation represent the most important element of administrative and legal regulation. The Constitution of the Russian Federation proclaims the most important legal principle of this sphere – the principle of legality, according to which only legally established taxes are levied. At the same time, the norms of tax legislation must meet the requirement of certainty, and clearly establish all essential features and the procedure for determining taxes payable. It is noted that citizens and organizations are obliged to pay only taxes directly established by law. Regulation of issues related to taxation in by-laws is unacceptable, taxation of citizens and organizations should be proportionate to constitutionally significant goals, including those related to the optimal regulation of economic relations, stimulation of a free market economy based on the principles of self-organization of business activities of entrepreneurs as important subjects, as well as appropriate guarantees of stability, predictability, reliability civil turnover. It is proved that the taxation of funds received by a legal entity undergoing insolvency (bankruptcy) procedure from the sale of property belonging to it violates both the rights of this legal entity and the rights and legitimate interests of its creditors, since the property is sold precisely in order to cover the debt owed to them. The procedure for taxation of income of legal entities undergoing bankruptcy proceedings established by the Letter of the Ministry of Finance does not meet the requirement of certainty of tax law norms. The uncertainty of the norms of tax legislation in terms of determining the taxation of legal entities undergoing bankruptcy proceedings has been revealed.

KEYWORDS

Tax; tax legislation; public legal relations; principle of legality; legal certainty; administrative proceedings; arbitration proceedings; income tax; bankruptcy.

Налоговое законодательство является одним из самых сложных для правоприменения. В него постоянно вносятся изменения, но всё равно остаётся много пробелов и противоречий, которые требуют своего разрешения. Само понятие налога критикуется многими учёными. Так, В. В. Курочкин и Н. И. Осетрова пишут: «Дефиниция, данная в Налоговом кодексе РФ (НК РФ) <...> требует корректировки как в целях правильного применения законодательства о налогах и сборах, так и в целях формирования и повышения налоговой культуры российских граждан, которая еще не достигла уровня, существующего в странах со сложившейся рыночной экономикой, и одной из причин этого является недостаточно высокое качество нашего законодательства» [5, с. 12–13].

Ещё больше проблем возникает при пересечении налогового законодательства с положениями о банкротстве. В ч. 1 ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации закреплено, что при установлении налогов учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога. В связи с этим, представляется, что прохождение гражданином, организацией процедуры банкротства свидетельствует о фактической невозможности нести обязанности, в том числе по уплате налогов.

Ч. 1 ст. 41 НК РФ закрепила, что доход признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить. Н. С. Параскевич отмечает, что «...указывая и на прибыль, и на доход в качестве объектов налогообложения, законодатель не указывает на существенные различия между этими понятиями» [7, с. 142]. В доктрине прибыль определяется как разница между доходами и расходами [2, с. 23; 3, с. 113]. Экономисты отмечают, что расчет налогооблагаемой прибыли основан на применении метода определения финансового результата, известного как «выручка – затраты» [9, с. 541; 10, с. 21].

Понятие экономической выгоды, а, следовательно, и само понятие «дохода», действующее налоговое законодательство не раскрывает. Однако представляется очевидным, что экономическая выгода заключается в увеличении денежной массы субъекта, то есть она должна превышать денежные средства или имущественные права, имевшиеся в его распоряжении до осуществления действий, на-

правленных на реализацию товаров (работ, услуг) и имущественных прав. Иначе говоря, средства, полученные от продажи недвижимого имущества, принадлежащего субъекту на праве собственности, не являются экономической выгодой вследствие выбытия из его собственности соответствующего реализованного имущества. Предусмотренное п. 1 ст. 268 НК РФ право уменьшить полученный доход на остаточную стоимость амортизируемого имущества не всегда может исправить ситуацию. Недаром налоговеды предлагают перейти «...к налогообложению исключительно доходов и капиталов, выводимых из организации» [4, с. 93].

Аналогичным образом рассуждают о понятии доходов и высшие суды, что отражается в ряде их актов. Так, в одном из Обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации указано, что суд пришел к выводу о том, что предусмотренный диспозицией частью 1 статьи 171 УК РФ (незаконное предпринимательство) квалифицирующий признак данного состава преступления – извлечение дохода в крупном размере – составляет выгоду, полученную от незаконной предпринимательской деятельности, за вычетом расходов, связанных с ее осуществлением¹. Затем Верховный Суд РФ уточнил свою позицию: «Под доходом в статье 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности»².

Пленумом Верховного Суда РФ разъяснено, что упущенной выгодой является неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было³.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 1999 года (утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 5 апр. 2000 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² П. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 1).

³ П. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8).

Таким образом, доходом или экономической выгодой, являются денежные средства, увеличивающие имущественную массу субъекта, полученные в связи с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности, за вычетом понесенных расходов (в том числе — по реализации принадлежащего ему имущества).

Поэтому п. 1 ст. 268 НК РФ устанавливает для налога на прибыль организаций следующие правила: «При реализации товаров и (или) имущественных прав налогоплательщик вправе уменьшить доходы от таких операций на стоимость реализованных товаров и (или) имущественных прав, определяемую в следующем порядке:

1) при реализации амортизируемого имущества (за исключением объектов, в отношении которых налогоплательщик использовал право на применение инвестиционного налогового вычета в соответствии со статьей 286.1 настоящего Кодекса и налогового вычета в соответствии со статьей 343.6 настоящего Кодекса) — на остаточную стоимость амортизируемого имущества, определяемую в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 257 настоящего Кодекса <...>.

2) при реализации прочего имущества (за исключением ценных бумаг, продукции собственного производства, покупных товаров) — на цену приобретения (создания) этого имущества, если иное не предусмотрено пунктом 2.2 статьи 277 настоящего Кодекса, а также на сумму расходов, указанных в абзаце втором пункта 2 статьи 254 настоящего Кодекса ...».

Исследователи отмечают: «В Российской Федерации налог на прибыль впервые был введен в 1992 году и первоначальное название было “налог на прибыль предприятия”, первого января 2002 года он официально был переименован в «налог на прибыль организаций»» [6, с. 131]. Однако особенности взимания данного налога применительно к юридическим лицам, проходящим процедуру банкротства, законодательством до сих пор не установлены. Экономисты констатируют, что «...нечёткость, двусмысленность или неполнота нормативной базы могут привести, с одной стороны, к возможности уклонения от уплаты налога на законных основаниях, а с другой — к злоупотреблениям со стороны налоговых органов, выражающимся в расширительном толковании положений закона» [8, с. 34].

В ч. 2 ст. 3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» установлено, что юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и

(или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены.

Таким образом, в соответствии с указанными нормами действующего законодательства, прохождение юридическим лицом процедуры несостоятельности (банкротства) означает его неспособность исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, в том числе — налогов. Как указано в правовой позиции Пленума ВАС РФ, признание должника банкротом означает установление невозможности выполнения им своих обязательств в обычном порядке и полного удовлетворения всех требований кредиторов, в том числе по обязательным платежам⁴.

Следует учитывать также положение ч. 1 ст. 145 Налогового кодекса РФ, в соответствии с которым организации и индивидуальные предприниматели, за исключением организаций и индивидуальных предпринимателей, применяющих систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог), имеют право на освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с исчислением и уплатой налога, если за три предшествующих последовательных календарных месяца сумма выручки от реализации товаров (работ, услуг) этих организаций или индивидуальных предпринимателей без учета налога не превысила в совокупности два миллиона рублей.

Неопределенность формулировки ч. 1, ч. 2 ст. 249 НК РФ, не позволяющая определить, учитываются ли в целях налогообложения в качестве доходов средства, полученные от реализации уже принадлежащего субъекту налогообложения, проходящему процедуру банкротства, имущества, имущественных прав, стала основанием для распространения практики взимания налога на доходы, полученные от реализации имущества должника, проходящего процедуру банкротства, реализуемого в целях расчета с кредиторами.

В частности, согласно Письму Минфина РФ от 1 февраля 2022 г. № 03-03-07/6429⁵ при

⁴ Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом: Постановление Пленума ВАС Российской Федерации от 25 янв. 2013 г. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Нормативные акты для бухгалтера. 2022. № 6.

реализации организацией-банкротом имущества в ходе процедур банкротства налог на прибыль организаций уплачивается такой организацией в общеустановленном положении главы 25 НК РФ порядке. Здесь следует подчеркнуть, что в соответствии с принципом законности порядка налогообложения, установленного в Российской Федерации, налогообложение регулируется исключительно на уровне законодательства, и никакие иные акты не могут определять этот порядок. Так, М. Ю. Березин отмечает: «Пробелы, существующие в налоговом законодательстве и являющиеся следствием непростительной спешки законодателей, позволяют органам исполнительной власти (Министерству финансов РФ и Федеральной налоговой службе РФ) субъективно толковать положения нормативных правовых актов о налогах» [1, с. 50].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что в силу требования определенности правового регулирования, которое следует из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, налоговые установления должны быть понятны субъектам соответствующих правоотношений из содержания конкретного нормативного положения или системы нормативных положений, находящихся в очевидной взаимосвязи⁶. При этом конституционные критерии правомерного регулирования налогообложения распространяются на все структурные элементы налогового обязательства и предполагают определение понятного и непротиворечивого порядка уплаты налога⁷.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, ни у одной из сторон налоговых правоотношений не должно быть прерогатив, которые бы не были сбалансированы соответствующими юридическими возможностями, имеющимися в распоряжении другой стороны⁸.

⁶ По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 2 статьи 256 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Санкт-Петербурга и жалобой государственного унитарного предприятия «Топливо-энергетический комплекс Санкт-Петербурга»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 15. Ст. 2591.

⁷ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2009 г. № 10-П (Российская газета. 2009. 10 июля) и от 13 апреля 2016 г. № 11-П (Российская газета. 2016. 27 апреля).

⁸ По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации

Налогообложение денежных средств, полученных юридическим лицом, проходящим процедуру несостоятельности (банкротства), от реализации принадлежащего ему имущества, нарушает как права этого юридического лица, так и права и законные интересы его кредиторов, поскольку имущество реализуется именно в целях покрытия имеющейся перед ними задолженности. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, одна из целей Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» — обеспечение прав реальных и потенциальных кредиторов. Тем самым налогообложение средств, полученных от реализации организацией, проходящей процедуру банкротства, принадлежащего ей на праве собственности имущества для удовлетворения требований кредиторов, существенно ухудшает экономическое положение как банкротящегося субъекта, так и его кредиторов. При этом, согласно правовой позиции Конституционного Суда, поскольку взимание налогов как обязательных индивидуально безвозмездных денежных платежей, необходимых для покрытия публичных расходов, связано с вторжением государства в право собственности, имущественные права, свободу предпринимательской деятельности и тем самым — в сферу основных прав и свобод, регулирование налоговых отношений должно осуществляться так, чтобы было гарантировано равное исполнение обязанностей налогоплательщиками и не создавались бы условия для нарушения их конституционных прав, а также прав и законных интересов других лиц⁹.

В связи с вышеизложенным, представляется, что содержание частей 1 и 2 статьи 249 Налогового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой оно относит средства, полученные организацией, проходящей процедуру банкротства, в целях удовлетворения требований кредиторов, к налогооблагаемым доходам, не содержит определения понятия и признаков налогооблагаемых доходов, и части 1 статьи 251 Налогового кодекса Российской Федерации

в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапанова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2017 г. № 9-П // Российская газета. 2017. 5 апреля.

⁹ По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 г. № 9-П // Российская газета. 2005. 22 июля.

ской Федерации в той мере, в какой она не учитывает освобождение от налогообложения средств, полученных организацией, проходящей процедуру банкротства, от продажи имущества в целях удовлетворения требований кредиторов, не соответствуют конституционно-правовым требованиям законности и определенности налогообложения, его конституционно значимым целям и принципам.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ, однако, пока говорят об обратном: «Впредь до внесения федеральным законодателем в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, требования об уплате налога на прибыль организаций при реализации имущества, составляющего конкурсную массу в деле о банкротстве, подлежат удовлетворению в составе третьей очереди требований кредиторов, включенных в реестр»¹⁰. ФНС разъясняет данную позицию так: «В общей сумме налога, подлежащего уплате в налоговом (отчетном) периоде, сумма погашаемого в соответствии с налогом на прибыль от реализации имущества должника, составляющего конкурсную массу, определяется пропорционально стоимости реализации имущества должника на торгах в общей сумме вырученных от реализации конкурсной массы денежных средств. Для этого из общей суммы выручки, полученной должником за налоговый (отчетный) период, вычитается сумма выручки, полученная от реализации имущества должника, составляющего конкурсную массу и налог на прибыль делится в указанной пропорции на относящийся к третьей очереди реестра требований кредиторов — в части налога на прибыль от реализации имущества должника, составляющего конкурсную массу, и на относящийся к пятой очереди текущих требований — в части иного налога на прибыль»¹¹.

¹⁰ По делу о проверке конституционности статей 248 и 249, пункта 1 статьи 251 и статьи 271 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 3 статьи 5 и пункта 2 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой общества с ограниченной ответственностью «Предприятие строительных работ энергетики»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2023 г. № 28-П // Российская газета. 2023. 9 июня.

¹¹ О применении Постановления КС РФ от 31.05.2023 № 28-П (очередность уплаты налога на прибыль от реализации имущества): Письмо ФНС России от 20 июля 2023 г. № КЧ-4-18/9242@ (вместе с «Порядком действий уполномоченного органа в различных ситуациях, связанных с вопросами очередности удовлетворения требования об уплате налога на прибыль организации от реализации имущества, составляющего конкурсную массу в деле о банкротстве») // СПС «КонсультантПлюс».

Более того, относительно налога на сверхприбыль Минфин рассуждает аналогичным образом: «...организация, признанная в соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» <...>, банкротом, удовлетворяющая требованиям Федерального закона № 414-ФЗ, признается налогоплательщиком налога на сверхприбыль»¹².

Близкое по смыслу разъяснение дано Конституционным Судом РФ и относительно реализации предмета залога при банкротстве: «...требования об уплате текущей задолженности по имущественным налогам, связанным с предметом залога, а также соответствующих пеней удовлетворяются за счет средств, полученных от его использования и реализации, до начала расчетов с залоговым кредитором; если удовлетворение указанных требований до начала расчетов с залоговым кредитором в обстоятельствах конкретного дела фактически приводит к утрате для залогового кредитора экономического смысла залога и при этом не установлено, что именно поведение залогового кредитора создало условия для формирования такого объема налоговой задолженности, который порождает соответствующие негативные последствия, арбитражный суд вправе соразмерно распределить средства, полученные от использования или реализации предмета залога, между требованиями об уплате имущественных налогов и требованиями залогового кредитора»¹³.

Поскольку Конституционный Суд РФ поставил перед законодателем задачу урегулировать вопросы, связанные с очередностью удовлетворения требования об уплате налога на прибыль организаций при реализации имущества, составляющего конкурсную массу в деле о банкротстве, в настоящее время в Государственную Думу ФС РФ внесен законопроект, в соответствии с которым «...уплата текущих обязательных платежей в процедуре банкротства производится в пятую очередь текущих платежей. В случае наличия требований реестровых кредиторов первой и второй очереди вводится «механизм замещения» — выплата такой задолженности производится

¹² Письмо Минфина России от 1 декабря 2023 г. № 03-03-06/1/116047 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами публичного акционерного общества «Сбербанк России» и общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Агроторг»»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2024 г. № 16-П // Российская газета. 2024. 24 апреля.

за счет средств на уплату текущих требований по налогу на прибыль от реализации конкурсной массы с исключением указанных обязательных платежей из числа текущих и включением их в первую или вторую очередь реестра требований кредиторов»¹⁴.

Если указанный законопроект будет принят, это внесёт определённую ясность в правовое регулирование и принесёт казне дополнительные доходы. Но в настоящий момент сложно оценить, будет ли это способствовать стабильности гражданского оборота и защите интересов кредиторов такого банкрота.

Подводя итог, следует отметить следующее. Правоотношения, складывающиеся в сфере налогообложения физических и юри-

дических лиц в Российской Федерации, представляют собой важнейший элемент административно-правового регулирования. Конституция Российской Федерации провозглашает важнейший правовой принцип этой сферы — принцип законности, в соответствии с которым взимаются только законно установленные налоги. При этом нормы налогового законодательства должны отвечать требованию определенности, и четко устанавливать все существенные признаки и порядок определения подлежащих уплате налогов. Таким образом, выявлена неопределенность норм налогового законодательства в части определения налогообложения юридических лиц, проходящих процедуру банкротства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Березин М. Ю. Сравнительный анализ поэлементной конструкции налога // Финансы и кредит. — 2006. — № 1 (205). — С. 50–60.
2. Васина А. В., Малышева Л. В. Налог на прибыль: актуальная практика // Молодежная наука — развитию агропромышленного комплекса : материалы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Курск, 3–4 дек. 2020 г. — Курск : Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И. И. Иванова, 2020. — Ч. 3. — С. 23–28.
3. Дедова О. В., Дворецкая Ю. А. Совершенствование налогового учета на предприятии // Вестник Брянского государственного университета. — 2019. — № 3 (41). — С. 112–119.
4. Кручанова Ю. А. Актуальные проблемы налогового учета при исчислении налога на прибыль организаций и возможные направления его совершенствования // Учет и статистика. — 2018. — № 2 (50). — С. 91–97.
5. Курочкин В. В., Осетрова Н. И. К вопросу о понятии налога // Вестник Финансовой академии. — 2003. — № 3 (27). — С. 12–20.
6. Новиков Р. Р., Махова А. А. Налогообложение прибыли в России и за рубежом // Экономические исследования и разработки. — 2019. — № 12. — С. 130–132.
7. Параскевич Н. С. Проблемы терминологии при определении объекта обложения по налогу на прибыль организаций // Право и государство: теория и практика. — 2010. — № 2 (62). — С. 141–145.
8. Перонко И. А., Тюпакова Н. Н. Принцип определенности в элементной структуре налога // Финансы и кредит. — 2008. — № 48 (336). — С. 34–41.
9. Тюпакова Н. Н. Прибыль как объект налогообложения // Итоги научно-исследовательской работы за 2017 год : сб. ст. по материалам 73-й науч.-практ. конф. преподавателей, Краснодар, 14 марта 2018 г. — Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2018. — С. 541–542.
10. Тюпакова Н. Н., Литовкина А. В. Особенности формирования налоговой базы по налогу на прибыль организации // Междисциплинарность науки как фактор инновационного развития : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 20 нояб. 2017 г. — Екатеринбург : ООО «Аэтерна», 2017. — Ч. 2. — С. 20–25.

REFERENCES

1. Berezin M. Yu. Comparative analysis of the element-by-element design of the tax. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2006, no. 1 (205), pp. 50–60. (In Russian).
2. Vasina A. V., Malysheva L. V. Income tax: current practice. *Molodezhnaya nauka — razvitiyu agropromyshlennogo kompleksa. Materialy Vserossiiskoi (natsionalnoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Kursk, 3–4 dekabrya 2020 g.* [Youth science — development of the agro-industrial complex. Materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists, Kursk, 3–4 December 2020]. Kursk State Agricultural Academy named after I. I. Ivanov Publ., 2020. Pt. 3, pp. 23–28. (In Russian).

¹⁴ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" : Законопроект № 532703-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/532703-8?ysclid=m18qivrxk3379497026>.

3. Dedova O. V., Dvoretzkaya Yu. A. Improving tax accounting at an enterprise. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*, 2019, no. 3 (41), pp. 112–119. (In Russian).

4. Kruchanova Yu. A. Actual problems of tax accounting in the calculation of the tax on profit of organizations and possible directions of its improvement. *Uchet i statistika = Accounting and Statistics*, 2018, no. 2 (50), pp. 91–97. (In Russian).

5. Kurochkin V. V., Osetrova N. I. What is the Meaning of the Tax? *Vestnik finansovoi akademii = Bulletin of the Financial Academy*, 2003, no. 3 (27), pp. 12–20. (In Russian).

6. Novikov R. R., Makhova A. A. Taxation of profits in Russia and abroad. *Ehkonomicheskie issledovaniya i razrabotki = Economic development research journal*, 2019, no. 12, pp. 130–132. (In Russian).

7. Paraskevich N. S. Problems of terminology with the determination of the object of taxation from the tax to the profit of the organizations. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2010, no. 2 (62), pp. 141–145. (In Russian).

8. Peronko I. A., Tyupakova N. N. The principle of certainty in the elemental structure of tax. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2008, no. 48 (336), pp. 34–41. (In Russian).

9. Tyupakova N. N. Profit as an object of taxation. *Itogi nauchno-issledovatel'skoi raboty za 2017 god. Materialy 73-i nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, Krasnodar, 14 marta 2018 g.* [Results of scientific research work for 2017: a collection of articles based on the materials of the 73rd scientific and practical conference of teachers, Krasnodar, 14 March 2018]. Krasnodar, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin Publ., 2018, pp. 541–542. (In Russian).

10. Tyupakova N. N., Litovkina A. V. Features of the formation of the tax base for the income tax of an organization. *Mezhdistsiplinarnost nauki kak faktor innovatsionnogo razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 20 noyabrya 2017 g.* [Interdisciplinary science as a factor of innovation development. Materials of International Research Conference, Ekaterinburg, 20 November 2017]. Yekaterinburg, Aeterna Publ., 2017. Pt. 2, pp. 20–25. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Екатерина Владимировна (Москва) – доктор юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права РАН, главный научный сотрудник (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova, Ekaterina V. (Moscow) – Dr. Sci. (Law), Docent, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher (10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

УДК 347.453

В. С. Сбитнев

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4040-7396
ResearcherID: JVN-0544-2024*

РАЗВИТИЕ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ИНСТИТУТУ АРЕНДЫ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 40 — 48.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.5.
Дата поступления 01.07.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

Институт арендных отношений советского периода — особый правовой институт, который претерпел изменения в условиях административно-командной экономики. При этом в рамках цивилистической науки ученые продолжили развитие правовой мысли, которая формировалась со второй половины XIX века, но с учетом публичной составляющей. Отсутствие частной собственности, которая является основным объектом по договору аренды, привело к активному применению такой правовой конструкции в публичных отношениях, что не могло не оказать влияние и на развитие цивилистической доктрины. В период с начала 20-х годов по начало 90-х годов XX века в цивилистической науке продолжились споры о вещно-правовом и обязательственно-правовом характере договора, об абсолютном или относительном характере возникающих правоотношений, об условиях договора аренды. Множество научных исследований этого периода посвящено исследованию института арендных отношений. В рамках настоящего исследования автор обращается к трудам М. М. Агаркова, О. С. Иоффе, Л. А. Лунца, Т. Е. Новицкой, Г. И. Петрищевой, Г. Н. Полянской, В. А. Рясенцева, Е. А. Флейшиц и других. Исследование доктринальных позиций, описанных в трудах советских ученых-цивилистов, предоставит возможность в полной мере выявить особенности договора аренда, проследить тенденции развития этого института и изменение научной мысли в связи с меняющимся законодательством, правовой и экономической системой государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Аренда; договор аренды; имущественный наем; наниматель; существенные условия договора; вещное право; обязательственное право; плановая экономика.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сбитнев В. С. Развитие доктринальных подходов к институту аренды в советское время // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 40 — 48. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.5.

DEVELOPMENT OF DOCTRINAL APPROACHES TO THE INSTITUTION OF LEASE IN THE SOVIET PERIOD

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 40 – 48.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.5.
Received 01.07.2024, accepted 09.09.2024, available online
30.09.2024.

ABSTRACT

The institute of lease relations of the Soviet period is a special legal institution that has undergone changes in the conditions of the administrative and command economy. At the same time, within the framework of civil science, scientists continued the development of legal thought, which was formed from the second half of the XIX century, but taking into account the public component. The absence of private property, which is the main object under the lease agreement, led to the active application of such a legal structure in public relations, which could not but have an impact on the development of civil doctrine. In the period from the beginning of the 20s to the beginning of the 90s of the XX century, disputes continued in civil science about the substantive and binding nature of the contract, about the absolute or relative nature of the legal relations arising, about the terms of the lease agreement. Many scientific studies of this period are devoted to the study of the institute of rental relations. In the framework of this study, the author refers to the works of M. M. Agarkov, O. S. Ioffe, L. A. Lunts, T. E. Novitskaya, G. I. Petrishcheva, G. N. Polyanskaya, V. A. Ryasentsev, E. A. Fleishits and others. The study of the doctrinal positions described in the works of Soviet civil scientists will provide an opportunity to fully identify the features of the lease agreement, trace the trends in the development of this institution and the change in scientific thought in connection with the changing legislation, legal and economic system of the state.

KEYWORDS

Lease; lease agreement; property hiring; employer; essential terms of the contract; property law; law of obligations; planned economy.

FOR CITATION

Sbitnev V. S. The Development of Doctrinal Approaches to the Institution of Lease in the Soviet Period. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 40 – 48. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.5.

Формирование и развитие арендных отношений представляет особый интерес для современной цивилистической науки и правоприменительной практики. Доктринальные исследования советского периода оказали существенное влияние на становление правовой конструкции договора аренды, который существует в настоящее время. Именно поэтому изучение и сравнение различных научных подходов, которые формировались после Октябрьской революции 1917 года, представляется актуальным для современных ученых, изучающих особенности арендных отношений и вырабатывающих различные новые направления развития этого института.

Задачей настоящего исследования является описание, анализ и сравнение основных тенденций развития научной мысли советских ученых, которые занимались изучением института аренды, его правовой природы, существенных условий и правомочий сторон, а также выявлением причин, оказавших существенное влияние на развитие института арендных отношений. Настоящая работа является продолжением научного исследования трудов дореволюционных ученых, посвященных институту арендных отношений [14]. Понимание особенностей развития института аренды и причин изменения его правового регулирования является важным направлением цивилистических исследований, которые способствуют дальнейшему совершенствованию законодательства в этой сфере и встраиванию классических договорных конструкций в изменяющиеся общественные отношения.

Становление гражданского законодательства в СССР началось с коренных реформ во всех сферах общественной жизни. Исключением не стала и экономическая сфера, которая подверглась серьезным изменениям, так как экономика страны начала преобразовываться в административно-командную систему, собственность переходила государству, что повлекло существенное изменение общественных отношений. В связи с изменением экономической системы начало меняться и законодательство, появились законодательные акты, регулирующие имущественные отношения, в частности Гражданский кодекс РСФСР 1922 года¹. Впоследствии был принят Гражданский кодекс РСФСР 1964 года².

¹ Гражданский кодекс РСФСР (утв. Постановлением ВЦИК от 11 нояб. 1922 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1922. № 71. Ст. 904.

² Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

С изменением политической и социальной структуры общества и, как следствие, иммиграцией многих дореволюционных ученых в стране появлялась новая научная интеллигенция, которая и стала формировать доктрину гражданского права, в том числе посвященную договору имущественного найма.

Изменение экономической системы страны повлекло трансформацию имущественных отношений. Не стал исключением и договор имущественного найма, который вообрал в себя некоторые положения, существовавшие до прихода советской власти. В целом же договор формировался с учетом тех тенденций экономического развития, которые существовали в СССР.

Договор аренды в современном понимании имел в СССР такое же наименование, как и в Российской империи — договор имущественного найма. При этом интересная позиция в начале 30-х годов XX века прослеживается в трудах Е. А. Флейшиц, которая считала, что «аренда есть вид имущественного найма» [16, с. 107], а сам термин аренды в её работах использовался по отношению к аренде предприятий, согласно Гражданскому кодексу РСФСР 1922 года. Так, категории «аренда» и «имущественный наем» рассматривались как частное и общее по отношению друг к другу.

Противоположной точки зрения придерживалась Г. И. Петрищева, которая считала, что термин «аренда» и «договор имущественного найма» с юридической точки зрения равнозначны [11, с. 97]. Г. Н. Полянская отмечала, что термины «договор аренды» и «договор имущественного найма» не отличаются в правовом режиме и чаще всего применяются случайно, поэтому данные термины не отличаются никакой спецификой [10, с. 138].

Различия в указанных позициях в первую очередь связаны с развитием правового регулирования отношений. Если Е. А. Флейшиц, обосновывая свою позицию, опиралась на переходное законодательство начала советского периода, то Г. И. Петрищева и Г. Н. Полянская основывались на более сформированном и устоявшемся правовом регулировании с учетом более стабильных арендных отношений, существующих на практике.

Как подчеркивал М. М. Агарков, договоры имущественного найма, в том числе найма жилых помещений, играли большое значение в быту [1, с. 197]. Согласно исследованию Г. И. Петрищевой, договор имущественного найма между государственными, кооперативными и общественными организациями

способствовал укреплению социалистической экономики, выполнению плановых заданий социалистическими организациями [11, с. 98]. Как утверждала Г. Н. Полянская, договор имущественного найма также способствовал удовлетворению возрастающих культурных и материальных потребностей граждан [10, с. 133].

В отличие от дореволюционного законодательства, в законодательстве советского государства содержалась дефиниция договора имущественного найма (ст. 152 ГК РСФСР 1922 года, ст. 275 ГК РСФСР 1964 года). При этом ученые давали и свои определения с учетом норм действовавшего законодательства. Так, например, О. С. Иоффе считал, что договор имущественного найма — это «договор, в силу которого одна сторона, наймода-тель, обязуется передать имущество в пользование другой стороне, нанимателю, обязуемому вносить плату за использование этого имущества и по истечении срока действия договора возвратить его наймодателю» [5, с. 307].

Опираясь на данную дефиницию, ученый делал вывод, что договор имущественного найма является консенсуальной, возмездной сделкой, которая носит взаимный характер, так как возлагает на стороны взаимные права и обязанности. При этом такие права и обязанности, как отмечал в своих работах О. С. Иоффе, с одной стороны, носят относительный характер, так как участники отношений по имущественному найму связаны договором, но с другой стороны, им присущ и абсолютный характер, так как наниматель имеет возможность защищать свое право владения от любого нарушителя, а сам договор сохраняет свое действие (в пределах срока), даже в том случае если право собственности переходит другому лицу [5, с. 307–308].

Существенные условия договора имущественного найма выделяли немногие, так как законодатель не обозначил в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года перечень условий, которые относились к существенным. Именно поэтому наука сама вырабатывала и обосновывала отнесение тех или иных условий к существенным условиям договора аренды. Например, Г. Н. Полянская указывала, что при несогласовании условий о предмете и наемной плате договор не мог считаться заключенным. При этом Г. Н. Полянская не отнесла срок к существенным условиям договора, так как существовала возможность его заключения и на неопределенный срок [10, с. 158].

В рамках существовавшей административно-командной системы экономики

О. С. Иоффе отмечал, что имущественный наем — это «чаще всего неплановый договор» [5, с. 310], для заключения которого не требуется ничего, кроме соглашения сторон. Однако из общего правила всегда бывают исключения. Так, для заключения договора имущественного найма между социалистическими организациями требовалось наличие определенной «административно-правовой предпосылки», которая, как отмечал О. С. Иоффе, предавала частному договору имущественного найма определенные черты «планового договора» [Там же]. При этом, в случае если такой административно-правовой акт, с которым связывали начало имущественных отношений в сфере найма, отсутствовал, то договор имущественного найма признавался недействительным.

В издании под редакцией О. А. Красавчикова также указывается на существование договоров имущественного найма, которые носили плано-регулируемый характер и неплановый характер [11, с. 98].

Субъектами договора имущественного найма являлись наймода-тель и наниматель. На стороне обоих субъектов могли выступать как граждане, так и социалистические организации. Право сдавать имущество в наем принадлежало субъекту, у которого такое имущество находилось на праве собственности или на праве оперативного управления.

Заключение договора имущественного найма на систематической основе разрешалось, как отмечал О. С. Иоффе, только социалистическим организациям, в уставную деятельность которых входило такое правомочие. Для граждан возможность систематически сдавать имущество в наем запрещалась, так как это могло привести к систематическому получению прибыли, что противоречило экономической системе, существовавшей в тот период в СССР [5, с. 311], и приравнивалось к нетрудовым доходам [11, с. 99]. Среди граждан, как отмечал В. А. Рясенцев, было распространено заключение договоров имущественного найма спортивного инвентаря и музыкальных инструментов [12, с. 80].

Таким образом, стороны были вправе самостоятельно выбирать себе контрагентов, основываясь на общей правоспособности, большую роль занимало распоряжение административного органа, который позволял сдавать то или иное имущество в наем, в частности, это было актуально для плановых договоров.

Срок, как подчеркивал О. С. Иоффе, являлся обязательным элементом договора, поскольку имущество передавалось друго-

му лицу во временное владение. При этом, О. С. Иоффе считал, что период действия договора обязательно должен быть определен в нем самом, так как существовали договоры, которые носили срочный либо бессрочный характер. Если в самом договоре был установлен срок, он не должен был превышать максимальный срок, предусмотренный законодательством. В случае, если договор являлся бессрочным, то у сторон было право расторгнуть такой договор в любой момент, заранее предупредив об этом другую сторону [5, с. 313–314]. Таким образом, в случае отсутствия в договоре конкретного срока его нельзя было признать недействительным [9, с. 124]. При этом срочный договор мог стать бессрочным в случае, если по истечении срока наниматель продолжал пользоваться имуществом, а наймодатель не возражал, то есть выражал «молчаливое согласие» [16, с. 110]. Кроме того, срок договора имущественного найма мог быть поставлен в зависимости от конкретной цели, например, строительная машина арендовалась, как правило, на весь срок строительных работ [10, с. 161].

Форма договора имущественного найма, если он заключался на срок более одного года, была письменной, вне зависимости от суммы договора. Если требование о его письменной форме не соблюдалось, то стороны по такому договору лишались права, как указывал О. С. Иоффе, ссылаться в судебном споре на свидетельские показания [5, с. 311]. Для найма государственных предприятий по Гражданскому кодексу РСФСР 1922 года предусматривалось правило об обязательном нотариальном удостоверении. А также, как подчеркивал В. А. Рясенцев, особую роль занимали типовые формы договоров, которые утверждались государством [12, с. 80].

Предмет договора имущественного найма, как указывала Г. И. Петрищева, должен был быть неупотребляемой индивидуально определенной вещью. При этом не каждое имущество подлежало передаче по договору имущественного найма, так, например, категорически запрещена была сдача в аренду земель сельскохозяйственного назначения [11, с. 100].

Объект договора имущественного найма О. С. Иоффе разделял на два вида. Первый (основной) — это материальный объект — сдаваемое внаем имущество. Второй — юридический объект — действие по его передаче в пользование другому лицу [5, с. 313]. Данная позиция ученого объединяет противоположные концепции объекта договора имущественного найма, существовавшие в Российской империи.

Наемная плата, которая вносилась нанимателем, обычно выражалась, как отмечал О. С. Иоффе, в периодических месячных, квартальных, годовых денежных платежах, но также была предусмотрена возможность единократной выплаты за весь период, если стороны согласовывали такой порядок оплаты [5, с. 316–317]. Если имущество сдавалось внаем социалистическими организациями, то плата определялась тарифами. Наличие тарифов еще раз подтверждает, что ряд договоров носили плановый характер, в них преобладало сильное публичное начало. Для граждан таких тарифов не было предусмотрено, но, как подчеркивал О. С. Иоффе, должны были соблюдаться пределы, которые исключали «превращение наемной платы в источник наживы» [5, с. 316–317]. Наемная плата могла быть выражена только в денежной форме, согласно Гражданскому кодексу РСФСР 1964 года, но как указывал О. С. Иоффе, наемная плата в неденежной форме также могла устанавливаться при заключении договора между гражданами. Такая же возможность закреплялась и по Гражданскому кодексу РСФСР 1922 года, и, как отмечала Е. А. Флейшиц, допускалось «сочетание денежной платы с другими ее формами, также как и сочетание различных неденежных форм платы» [16, с. 112]. Стоит отметить, что возмездность такого договора, как считала Г. Н. Полянская, не всегда характеризовалась эквивалентностью [10, с. 135], так как встречное исполнение могло быть не равнозначным.

Условие о наемной плате являлось одним из необходимых условий договора [11, с. 97]. Эта позиция основывается на трактовке дефиниции договора имущественного найма, которая содержалась в ст. 275 ГК РСФСР 1964 г. Данный вывод свидетельствует о том, что плата по договору найма была существенным условием договора, согласно позиции Г. И. Петрищевой.

Как советское законодательство, так и законодательство дореволюционной России прямо не закрепляли существенные условия договора имущественного найма, как следствие, в научной литературе появлялись различные точки зрения о таких условиях. Позиции ученых часто основывались либо на судебной практике, либо на общем понимании института арендных отношений. Стоит отметить, что в советское время в связи с более лаконичным законодательным регулированием ученые относили к существенным условиям договора имущественного найма условие о предмете, а некоторые — условие о цене. Дореволюционные цивилисты к суще-

ственным условиям также относили срок договаривающихся сторон [14, с. 52].

Содержанием договора имущественного найма являлись корреспондирующие права и обязанности сторон. Круг таких прав и обязанностей и их распределение между наймодателем и нанимателем в советский время оставался достаточно традиционным. Интерес в данном случае представляет правомочие по передаче имущества нанимателем в поднаем и перенаем. Как отмечал О. С. Иоффе, возможность поднайма, по Гражданском кодексу РСФСР 1964 года, существовала и заключалась в передаче вещи во временное пользование другому субъекту нанимателем. При этом обязанным лицом по данному договору оставался наниматель, именно он нес все обязательства и отвечал за неблагоприятные последствия перед наймодателем. Несмотря на то, что перенаем по гражданскому законодательству не был предусмотрен, как считал О. С. Иоффе, это не противоречило основным началам и концепции советского гражданского законодательства, а потому его использование не исключалось [5, с. 309]. При перенаеме наниматель выбывал из отношений, заменяя себя другим лицом.

При найме государственного предприятия на наймодателе также лежала обязанность эксплуатировать арендное предприятие. При этом, как подчеркивала Е. А. Флейшиц, обязанность по эксплуатации предприятия, с одной стороны, являлась правом стороны, но с другой стороны, в то же время обязанностью, так как государство преследовало свои интересы, в том числе экономические интересы государства и общества [16, с. 119]. В случае неисполнения такой обязанности договор имущественного найма мог быть досрочно расторгнут, что полностью соответствовало, как отмечал В. А. Рясенцев, принципу плановой организации народного хозяйства [12, с. 85].

В цивилистической науке советского периода продолжалась дискуссия относительно характера отношений, возникающих из договора имущественного найма. Так, например, М. М. Агарков относил отношения по имущественному найму к обязательственным правоотношениям [1, с. 41]. Такой же позиции придерживался и О. С. Иоффе, который отмечал, что договору имущественного найма свойственен как относительный, так и абсолютный характер, что защита прав нанимателя возможна от любого нарушителя, что в случае перехода права собственности на наемное имущество к любому другому лицу договор найма в пределах срока своего

действия сохраняет силу и для нового собственника [5, с. 308]. Таким образом, ученый приходил к выводу, что для договора имущественного найма свойственен и вещный характер правоотношений. Г. Н. Полянская, развивая данное положение, подчёркивала, что для нового собственника и для того, чтобы договор имущественного найма имел юридическое значение, было не важно, знал ли собственник в момент приобретения такого имущества об обременении или нет [10, с. 136].

В. А. Рясенцев подчеркивал, что договор имущественного найма носил вещно-правовой характер. В подтверждение своей позиции ученый приводил пример, когда у нанимателя после заключения договора возникало право требования от наймодателя передачи ему имущества [12, с. 82].

При этом, как отмечала Г. Н. Полянская, отношения между нанимателем и третьими лицами не могли перевесить обязательственные отношения, которые играли первостепенную роль в рамках исполнения договора [10, с. 138].

И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц также считали, что для конструкции договора имущественного найма было свойственно «в значительной мере сглаживающие различие между правом собственности и обязательственными правами» [9, с. 40].

Основываясь на трудах советских цивилистов, современные ученые, в том числе Е. В. Вавилин, делают вывод о том, что право аренды представляет собой совокупность вещных и обязательственных прав [2, с. 60].

В советское время отдельное внимание исследователи уделяли изучению самостоятельных видов договоров имущественного найма. Так, например, в связи с развитием арендных отношений в сфере транспорта стали появляться отдельные исследования в этой области [6]. Несколько исследований советских ученых — А. П. Сергеева [15] и М. В. Васильевой [3] — посвящены отношениям по договору аренды памятников истории и культуры [13]. В связи с популяризацией найма жилых помещений как одного из основных видов найма существовавшего особенно в период раннего СССР исследователи устремляли свои взгляды и в этом направлении [4].

Безусловно, существенное влияние на развитие отношений, законодательства и как следствие научной мысли оказывал административно-командный характер экономических отношений, существовавший в СССР. Ученые анализировали правовую природу такой договорной конструкции через плановый характер отношений, пытались встроить

рыночный институт, востребованность которого напрямую связана с существованием частной собственности, в систему отношений, где частной собственности практически не существовало.

Конструкция договора имущественного найма частично была взята из законодательства Российской империи, поэтому в трудах советских ученых можно увидеть множество схожих позиций относительно предмета, формы и содержания договора. Советская правовая мысль не стала отходить от основных принципов, заложенных в Российской империи, продолжила развивать дискуссию о вещно-правовом и обязательственном характере правоотношений, выдвигать новые аргументы об абсолютности и относительности правоотношений, анализировать существенные условия договора.

В отличие от представителей дореволюционной цивилистической школы советские ученые в большей степени подчеркивали именно вещно-правовую природу договора имущественного найма. В законодательстве прослеживались изменения регулирования отношений по сравнению с договором аренды, существовавшим в Российской империи. Так закреплялись более короткие сроки аренды, преумножилось количество правил, которые регулировали порядок и возможность передачи в аренду, появились типовые формы договора аренды, в том числе фактически был изменен субъектный состав арендных отношений в связи с тем, что физические лица практически исключались из отношений по аренде недвижимости. Передавать во временное владение и пользование объекты недвижимости могло только государство или социалистические организации, которым было предоставлено на праве оперативного управления указанное имущество. Договор аренды недвижимости выполнял в СССР совершенно иную функцию — он был важным инструментом, с помощью которого государство распоряжалось своим имуществом. При этом физические лица могли передавать вещи в аренду, но в таком случае речь будет

идти о «бытовом» найме. Такие сделки чаще всего заключались в устной форме.

Таким образом, советские ученые-цивилисты, исследовавшие правовую природу договора имущественного найма, рассматривали его с позиции командной экономики и с учетом развития правовой системы советского государства. Перед ними стояла задача, отказавшись от буржуазного прошлого, рассматривать особенности новых правовых институтов в реалиях существовавшего политического строя. В то же время нельзя не согласиться с Т. Е. Новицкой, которая основным отличием договора имущественного найма советского периода считала его направленность на защиту интересов Советского государства [8, с. 92], а не частного сектора.

В трудах советских ученых, несмотря на совершенно иные экономические и политические обстоятельства и отрицание предшествующей государственно-правовой системы, прослеживается преемственность в праве и правовой мысли, а также не исключались догматические позиции, выработанные предшествующими поколениями ученых. Таким образом, советская цивилистическая доктрина сохранила имманентные преемственные правовые символы [7, с. 97], которые свойственны русской правовой традиции. Впоследствии уже российская цивилистическая школа продолжила, основываясь на трудах своих предшественников, совершенствовать институт аренды.

Исследование трудов ученых, которые формировали правовую доктрину договора имущественного найма в период становления социалистического государства, показывают, что именно в это время продолжали складываться теоретические основы договора аренды, который впоследствии стал частью правовой системы Российской Федерации. Труды советских ученых не только повлияли на формирование законодательной базы, но и дали вектор развития цивилистической науки современной России, став классикой для современных исследователей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. — Москва : Статут, 2012. — Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. — 535 с.
2. Вавилин Е. В. Содержание договора аренды: аренда плата и пользование арендованным имуществом // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2011. — № 3 (79). — С. 60—64.
3. Васильева М. В. Гражданско-правовые средства охраны и использования памятников истории и культуры : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Москва, 1988. — 189 с.
4. Горнштейн Я. И. Некоторые вопросы договора найма жилого помещения в СССР // Вопросы гражданского права и процесса : сб. ст. / под ред. Б. Б. Черепашина. — Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1969. — С. 58—83.
5. Иоффе О. С. Обязательственное право. — Москва : Юридическая литература, 1975. — 880 с.
6. Левенсон Д. С. Договор аренды транспортных средств. — Москва : Юридическая литература, 1969. — 120 с.
7. Мисроков Т. З. Преимущество в праве и верховенство права: совместимость теоретических основ // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 6 (145). — С. 96—98.
8. Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года : История создания. Общая характеристика. Текст. Приложения. — Изд-е 2-е, испр. и доп. — Москва : Зерцало-М, 2002. — 224 с. — (Серия «Памятники советского законодательства»).
9. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательствах : учеб. пособие. — Москва : Госюриздат, 1950. — 412 с.
10. Отдельные виды обязательств / Г. Н. Полянская [и др.] ; под общ. ред. К. А. Граве, И. Б. Новицкого. — Москва : Госюриздат, 1954. — 360 с.
11. Советское гражданское право : в 2 т. / Г. И. Петрищева [и др.] ; под ред. О. А. Красавчикова. — Москва : Высшая школа, 1968. — Т. 2. — 520 с.
12. Советское гражданское право : учеб. пособие / под ред. В. А. Рясенцева. — Москва : Всесоюзный юридический заочный институт, 1955. — Ч. 2. — 294 с.
13. Сбитнев В. С. Договор аренды памятников истории и культуры как вектор развития национальной политики в сфере сохранения исторического наследия страны: история вопроса // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : сб. науч. тр. VI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, Москва, 8 июня 2023 г. — Москва : Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2023. — С. 90—94.
14. Сбитнев В. С. Развитие доктринальных подходов к институту аренды в трудах дореволюционных учёных-цивилистов // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 2. — С. 49—57. — DOI: 10.21639/23136715.2024.2.5.
15. Сергеев А. П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. — Ленинград : Изд-во Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А. С. Пушкина, 1990. — 190 с.
16. Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. — Москва : Статут, 2015. — Т. 2. — 720 с.

REFERENCES

1. Agarkov M. M. *Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected works on civil law]. Moscow, Statut Publ., 2012. Vol. 2. 535 p.
2. Vavilin E. V. The Content of the Lease Agreement: Rent and Use of the Leased Property. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Academy of Law Bulletin*, 2011, no. 3 (79), pp. 60—64. (In Russian).
3. Vasileva M. V. *Grazhdansko-pravovyye sredstva okhrany i ispolzovaniya pamyatnikov istorii i kultury. Kand. Diss.* [Civil Law Means of Protection and Use of Historical and Cultural Monuments. Cand. Diss.]. Moscow, 1988. 189 p.
4. Gornstein Ya. I. Some Issues of a Residential Lease Agreement in the USSR. In Cherepakhin B. B. (ed.). *Voprosy grazhdanskogo prava i protsessy* [Issues of civil law and procedure]. Leningrad University Publ., 1969, pp. 58—83. (In Russian).
5. Ioffe O. S. *Obyazatelstvennoe pravo* [The Law of Obligations]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1975. 880 p.
6. Levenson D. S. *Dogovor arendy transportnykh sredstv* [Vehicle Rental Agreement]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1969. 120 p.
7. Misrokov T. Z. Continuity in the rule of law and the rule of law: compatibility of theoretical foundations. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2020, no. 6 (145), pp. 96—98. (In Russian).
8. Novitskaya T. E. *Grazhdanskii kodeks RSFSR 1922 goda: Istoriya sozdaniya. Obshchaya kharakteristika. Tekst. Prilozheniya* [The Civil Code of the RSFSR of 1922: The History of Its Creation. General Characteristics. Text. Applications]. 2nd ed. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002. 224 p.
9. Novitskii I. B., Lunts L. A. *Obshcheye uchenie ob obyazatelstvakh* [The General Doctrine of Obligations]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1950. 412 p.

10. Polyanskaya G. N. et al.; Grave K. A., Novitskii I. B. (eds). *Otdelnye vidy obyazatelstv* [Certain Types of Obligations]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1954. 360 p.

11. Petrishcheva G. I. et al.; Krasavchikov O. A. (ed.). *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Soviet Civil Law]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1968. Vol. 2. 520 p.

12. Ryasentsev V. A. (ed.). *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Soviet Civil Law]. Moscow, All-Union Correspondence Law Institute Publ., 1955. Pt. 2. 294 p.

13. Sbitnev V. S. The Lease Agreement of Historical and Cultural Monuments as a Vector of Development of National Policy in the Field of Preservation of the Historical Heritage of the Country: Background. *Voprosy sovershenstvovaniya pravookhranitelnoi deyatel'nosti: vzaimodeistvie nauki, normotvorchestva i praktiki. Materialy 6-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchennykh, Moskva, 8 iyunya 2023 g.* [Issues of Improving Law Enforcement: The Interaction of Science, Rulemaking and Practice. Materials of the 6th International Research Conference of Young Scientists, Moscow, 8 June 2023]. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Publ., 2023, pp. 90–94. (In Russian).

14. Sbitnev V. S. The Development of Doctrinal Approaches to the Institution of Lease in the Works of Pre-revolutionary Civil Scientists. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 2, pp. 49–57. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.5.

15. Sergeev A. P. *Grazhdansko-pravovaya okhrana kulturnykh tsennostei v SSSR* [Civil Protection of Cultural Property in the USSR]. Pushkin Leningrad State University Publ., 1990. 190 p.

16. Fleishits E. A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2015. Vol. 2. 720 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сбитнев Виталий Сергеевич (Москва) — юрист Московской коллегии адвокатов «Мовсесян и партнеры», аспирант кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, e-mail: vitaly1404@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sbitnev, Vitaly S. (Moscow) — Lawyer of the Moscow Bar Association «Movsesian and Partners», Postgraduate Student of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russia, e-mail: vitaly1404@mail.ru).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

УДК 347.1

Е. В. Филиппов

*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0009-0007-2729-7667
ResearcherID: KLD-4623-2024*

ПРИЗНАНИЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 49 — 58.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.6.
Дата поступления 25.05.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

Признание права является лишь одним из способов защиты гражданских прав, что требует определения его места в системе способов защиты. Большинство научных работ, посвященных признанию права, направлены на установление особенностей данного способа защиты без попыток установления взаимосвязи с иными элементами данной системы. В работе обосновывается необходимость применения системного подхода при анализе признания права как способа защиты гражданских прав. Высказывается авторская позиция на цивилистическое понимание соотношения понятий «защита» и «охрана» как правовых конструкций, которые направлены на обеспечение порядка и баланса между субъектами общественных отношений, регулируемых нормами гражданского права. Посредством анализа теоретических положений рассматривается вопрос о дефиниции права на защиту, а также критикуется отнесение права на защиту только к юрисдикционной форме защиты, как это установлено статьей 11 Гражданского кодекса Российской Федерации. Обосновывается недопустимость отнесения способов защиты к категориям гражданского права, отмечается недостаточность законодательного регулирования отношений в области признания права. Представлен анализ отдельных проблем, обсуждаемых в юридической литературе по вопросу о соотношении признания права с иными способами защиты гражданских прав.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Защита гражданских прав; охрана гражданских прав; способы защиты гражданских прав; право на защиту; признание права.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Филиппов Е. В. Признание права в системе способов защиты гражданских прав: к постановке проблемы // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 49 — 58. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.6.

RECOGNITION OF LAW IN THE SYSTEM OF WAYS TO PROTECT CIVIL RIGHTS: TO THE PROBLEM STATEMENT

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 49 – 58.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.6.
Received 25.05.2024, accepted 09.09.2024, available online
30.09.2024.

ABSTRACT

Recognition of the right is only one of the ways to protect civil rights, which requires determining its place in the system of methods of protection. Most scientific works devoted to the recognition of law are aimed at establishing the features of this method of protection without attempting to establish a relationship with other elements of this system. The paper substantiates the need to apply a systematic approach to the analysis of the recognition of law as a way to protect civil rights. The author's position is expressed on the civil understanding of the relationship between the concepts of «protection» and «protection» as legal structures that are aimed at ensuring order and balance between subjects of public relations regulated by the norms of civil law. Through the analysis of theoretical provisions, the question of the definition of the right to protection is considered, and the attribution of the right to protection only to the jurisdictional form of protection, as established by Article 11 of the Civil Code of the Russian Federation is criticized. The author substantiates the inadmissibility of classifying methods of protection into categories of civil law, and notes the insufficiency of legislative regulation of relations in the field of recognition of law. The analysis of individual problems discussed in the legal literature on the relationship of recognition of law with other ways of protecting civil rights is presented.

KEYWORDS

Protection of civil rights; protection of civil rights; ways to protect civil rights; the right to protection; recognition of the right.

FOR CITATION

Filippov E. V. Recognition of Law in the System of Ways to Protect Civil Rights: to the Problem Statement. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 49 – 58. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.6.

Введение

Где право там и средство его защиты — *ibi jus ubi remedium*. Приведенное латинское выражение совершенно точно определяет порядок вещей, заключающийся в том, что субъективное гражданское право и средство его защиты существуют в неразрывном единстве: возникновение права порождает необходимость в его защите. Гражданское право не должно нарушаться третьими лицами, однако в современном мире абсолютное отсутствие его нарушений является утопией. Если нарушение происходит, то субъект нарушенного гражданского права использует право на защиту и применяет способы, которые установлены законом.

Обращаясь к исследованию данной проблематики нельзя не отметить, что единство взглядов ученых в отношении данного способа защиты отсутствует, несмотря на достаточное количество монографических работ, посвященных признанию права. Изучение юридической литературы позволяет сделать вывод, что авторами делается акцент на формулирование дефиниции исследуемого способа защиты гражданских прав, на анализ его применения к различным правоотношениям (вещным, обязательственным, корпоративным, складывающимся в сфере интеллектуальных прав и т.д.), а также предлагается его общая характеристика. Однако необходимо отметить, что вопрос о том, как данный способ защиты соотносится с иными способами, закрепленными в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), анализируется лишь фрагментарно, либо не затрагивается вовсе.

На уровне диссертационных исследований признание права как самостоятельный способ защиты рассматривался в работах Д. Н. Латыпова [13] и А. С. Старовойтовой [23]. В качестве примера изучения признания права применительно к отдельным видам субъективных прав можно назвать диссертационное исследование Л. В. Маркарян [17], в котором рассматривались отдельные вопросы защиты жилищных прав посредством применения указанного способа защиты. Каждый из упомянутых авторов, приступая к своим исследованиям, отмечал, что проблематика признания права недостаточно представлена в отечественной цивилистической науке. Соглашаясь с таким утверждением, стоит отметить: несмотря на то, что признание права подробно изучалось в диссертационных исследованиях, вопрос его места в системе способов защиты в настоящее время остается открытым и нуждается в научном разрешении.

Для более содержательного рассмотрения признания права как особого способа защиты гражданских прав необходимо первоначально обратиться к анализу вопросов о цивилистическом понимании защиты, охраны и права на защиту.

Понятия «защита», «охрана» и «право на защиту» в цивилистической науке

Анализируя положения ГК РФ, стоит отметить: в первую очередь в нем закрепляются положения о защите гражданских прав (ст. 11 ГК РФ, ст. 12 ГК РФ), в частности, о судебной защите. Однако ГК РФ не говорит напрямую об охране гражданских прав, как о постоянном процессе, который функционирует тогда, когда не требуется защита субъективного гражданского права. В связи с этим возникает неопределенность в том, как соотносятся понятия «защита» и «охрана» гражданских прав: защита охватывает охрану, охрана шире, чем защита либо это две самостоятельные правовые конструкции. Не углубляясь в подробное изучение юридической природы обозначенных понятий, следует подчеркнуть, что в соответствии со сложившейся в науке традицией понятием «охрана» гражданских прав охватывается вся совокупность мер, обеспечивающих нормальный ход реализации прав [10], предупреждающих нарушения субъективного гражданского права и обеспечивающих гражданский порядок в целом [3]. К таким мерам, среди прочих, относятся закрепленные в ГК РФ нормы о право- и дееспособности субъектов, установление обязанностей и т.д. Кроме того, предлагается и узкое понимание понятия «охрана» гражданских прав, в которое включаются только меры, направленные на восстановление нарушенных или оспоренных прав и интересов [10], что в сущности сводится к защите гражданских прав. В свою очередь, под защитой гражданских прав в общем следует понимать систему мер, направленную на восстановление нарушенных или оспоренных прав и законных интересов, при этом «применение любых мер защиты невозможно без инициативности защищаемого субъекта» [9].

А. С. Старовойтова указывает, что защита права охватывает совокупность гражданско-правовых способов, которые применяются только к случаям нарушения или оспаривания прав [24, с. 28]. С указанной позицией следует согласиться, поскольку такое понимание защиты гражданских прав вытекает из содержания ст. 12 ГК РФ, в которой закрепляется, что защита осуществляется путем использования способов, установлен-

ных данной статьей, а также иными способами, предусмотренными законом, и только в случае нарушения или оспаривания гражданских прав. Получается, что защита гражданских прав всеобъемлюще и всецело взаимосвязана со способами, установленными ст. 12 ГК РФ. Без законных способов защиты по смыслу ст. 12 ГК РФ невозможна защита гражданского права.

Защита гражданских прав включает в себя не только судебную защиту или защиту посредством обращения в административные органы (юрисдикционная форма), но и меры оперативного воздействия (удержание вещи, приостановление исполнения обязательства в одностороннем порядке и т.д.), а также совершение действий, направленных на урегулирование возникшего спора (претензионный порядок) — неюрисдикционная форма защиты [10, с. 13].

Вышеизложенное позволяет заключить: охрана и защита гражданских прав являются самостоятельно протекающими процессами, что соотносится с теорией регулятивных и охранительных правоотношений. Соглашаясь с позицией Е. Я. Мотовиловкера [18, с. 9], отметим, что охрана гражданских прав представляет собой процесс обеспечения нормального хода гражданских правоотношений посредством предоставления их участникам прав и возложения на них обязанностей (регулятивные правоотношения), а защита гражданских прав подразумевает правовые меры, применяемые вследствие правонарушений или других обстоятельств, препятствующих осуществлению прав (охранительные правоотношения).

Обращаясь к пониманию права на защиту, обозначим следующее. В случае нарушения субъективного гражданского права лицо вправе защищать его от неправомерных действий третьих лиц. Как отмечается А. А. Деминым, само понятие «защита» связано с реакцией лица, чьи права нарушены вследствие совершения правонарушения, либо имеется угроза нарушения субъективных гражданских прав [8]. Право на защиту с точки зрения материального права, указывается Е. А. Сухановым [5, с. 506] и В. П. Грибановым [7], следует рассматривать как одно из правомочий субъективного гражданского права. Е. А. Сухановым в поддержку данной позиции отмечается, что, во-первых, право на защиту возникает ввиду нарушения или оспаривания субъективного гражданского права, во-вторых, нарушенное субъективное гражданское право определяет способ защиты, который будет применяться для его

защиты [5, с. 506]. Данная позиция вызывает дискуссии в цивилистической науке ввиду того, что она противоречит теории регулятивных и охранительных правоотношений. Возразим также относительно позиции о том, что право на защиту является правомочием субъективного гражданского права. При нарушении или оспаривании субъективного гражданского права возникает новое гражданское правоотношение — охранительное. В рамках указанного правоотношения реализуется самостоятельное субъективное право на защиту: либо право на иск (притязания), либо на совершение одностороннего действия, которое также, как и регулятивное право, состоит из двух правомочий: правомочия требования и правомочия на совершение определенных действий обладателем права [6].

Многими учеными право на защиту рассматривается в понимании ст. 11 ГК РФ, в которой говорится только про судебную защиту нарушенного или оспоренного гражданского права. В этой связи возникают дискуссии о материальной или процессуальной природе права на судебную защиту. Право на защиту, на наш взгляд, следует рассматривать шире, поскольку субъект, право которого было нарушено, имеет право на защиту, как отмечалось ранее, юрисдикционными и неюрисдикционными способами. Рассматривать право на защиту только через призму ст. 11 ГК РФ представляется неверным, поскольку это ведет к сужению его понимания. Говоря о природе права на защиту, представляется возможным заключить, что оно обладает материально-правовой природой как самостоятельное субъективное гражданское право, а также представляет «меру возможного поведения управомоченных субъектов гражданского правоотношения» [22].

Реализация субъектом права на защиту связана с применением определённых способов, которые позволяют, исходя из специфики нарушенного права, восстанавливать нарушенные права и законные интересы.

Способы защиты гражданских прав

Многие ученые считают, что «способ защиты» можно отнести к категориям гражданского права. В частности, Д. Н. Латыповым отмечается, что «согласно современным взглядам, способ защиты является самостоятельной категорией» [15]. Использование по отношению к тому или иному правовому явлению термина «категория» не является бесспорным, поскольку ни в философских науках, ни в юриспруденции не выработан единый взгляд на его понимание, что требует обоснования употребления по отношению к

способу защиты характеристики категории. Н. П. Асланян указывает, что «авторы многих гражданско-правовых текстов отождествляют понятия и категории и упорно употребляют термин "категория" исключительно в зависимости от собственных предпочтений» [1]. Относительно правовой категории ученый отмечает, что она «должна обладать качеством фундаментальности, предельно обобщать информацию об объекте познания, быть исходными относительно такого объекта» [Там же]. Важным является то, что категория находится «на вершине, выше которой в данном сегменте ничего нет, и посредством которой можно определить все понятия, расположенные ниже этой вершины, в то время как его самого невозможно "подвести" ни под одно из нижележащих понятий» [Там же]. Аналогичная позиция отражена в работе П. С. Барина, который заключил, что категории представляют собой «общие понятия, входящие в предмет определенной правовой науки и отражающие основополагающие закономерные связи и отношения правовой действительности в системном виде, обладающие методологической, гносеологической, практически-прикладной и идеологической ценностью, преследующие в качестве своей основной цели движение к новому научно-правовому знанию» [2]. Вместе с тем понятие определяется Н. П. Асланян как «мысль, возникающая о том или ином объекте» [1]. Стоит отметить, что данная мысль подразумевает под собой совокупность признаков, которые характеризуют объект. Таким образом, исходя из взглядов ученых на проблему категории, следует заключить, что способ защиты тяготеет больше в сторону понятия, поскольку ему не присущи те ключевые признаки, которые позволяют отнести его к категории.

Говоря о дефиниции понятия «способ защиты гражданских прав», стоит отметить, что ГК РФ не содержит легальной его трактовки. В этой связи следует предположить, что данное понятие не требует легальной дефиниции, поскольку из его существа следует, что это некоторые средства, приемы, инструменты, которые позволяют субъекту защищать его нарушенное право. В свою очередь, в науке гражданского права исследуемое понятие подробно изучается, среди авторов наличествуют дискуссии относительно его содержания.

Д. Н. Латыповым в докторском диссертационном исследовании, которое посвящено способам защиты гражданских прав в РФ, проведен комплексный анализ взглядов ученых на понятие «способ защиты гражданских прав», который позволил ему заключить, что способы — это совокупность приемов, средств, мер правового характера, направленных на достижение целей защиты гражданских прав субъектов гражданских правоотношений, реализуемых в установленной законом форме при соблюдении обязательных условий применения конкретного способа защиты» [14, с. 44]. Таким образом, ученым способы защиты гражданских прав определяются через приемы, средства и меры правового характера. Предположим, что согласно позиции Д. Н. Латыпова про способы защиты можно говорить, употребляя любую из указанных единиц.

Вместе с тем в науке встречаются иные определения. Так, А. И. Кузевановым под способами защиты субъективных гражданских прав понимаются «материально-правовые меры принудительного характера, предусмотренные законодательством РФ, посредством которых осуществляется восстановление, а также признание нарушенных или оспариваемых прав их обладателей» [12, с. 44]. Автор указанного определения способы защиты отождествляет только с материально-правовыми мерами, не делая акцент на приемах и средствах.

В свою очередь, способы защиты гражданских прав можно рассматривать с точки зрения функционального подхода. В этой связи стоит отметить, что данный подход используется в различных областях знаний и ориентируется на функции, выполняемые различными элементами системы. Указанный подход направлен на исследование сложных системно организованных объектов, которые понимаются в целостности, и выполняют определенные взаимосогласованные функции [21]. Итак, учитывая особенности функционального подхода, С. В. Корепановой способы защиты определяются, «как правовые средства, предназначенные для разрешения спора о праве» [11]. Автором способы защиты с точки зрения функционального подхода воспринимаются как средства, которые реализуют разрешающую функцию — функцию урегулирования спора о праве. Вместе с тем ученым акцентируется внимание на том, что для разрешения спора о праве недостаточно только самих способов защиты, необходимы также процессуальные средства (иск, решение суда и т.д.). Отчасти с такой позицией можно согласиться, поскольку юрисдикционные способы защиты не смогут реализовать разрешающую функцию без процессуальных средств, однако для применения неюрисдикционных способов защиты процессуальные средства не нужны.

Подводя итог относительно понимания способов защиты в науке гражданского права, можно заключить, что однозначной и общепринятой дефиниции не существует, каждым ученым способ защиты раскрывается с различных позиций, что, соответственно, ведет к неясности онтологической сущности исследуемого понятия. В этой связи однозначно сказать о том, что одна из вышеприведенных точек зрения на понятие «способ защиты» является верной, не представляется возможным. Однако следует отметить, что позиции ученых на способы защиты можно рассматривать как объективно раскрывающие основной смысл и содержание исследуемого понятия. В рамках настоящего исследования способ защиты следует понимать как материально-правовую меру, которую применяет для защиты субъект нарушенного гражданского права. Такая позиция подтверждается тем, что в науке способы защиты гражданских прав традиционно делятся на две группы [4, с. 100]:

- меры защиты гражданских прав;
- меры гражданско-правовой ответственности.

Меры защиты гражданских прав направлены на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, а меры гражданско-правовой ответственности носят карательный либо компенсаторно-восстановительный характер. К мерам защиты относятся все способы защиты гражданских прав, за исключением возмещения убытков, взыскании неустойки и компенсации морального вреда, которые относятся к мерам гражданско-правовой ответственности.

Гражданское законодательство характеризуется многообразием способов защиты. В частности, ст. 12 ГК РФ устанавливается незакрытый перечень способов защиты, которые могут применяться для защиты гражданских прав. Признание права открывает собой перечень легально закрепленных способов защиты гражданских прав, что, вероятно, должно свидетельствовать о безусловной важности и значимости данного способа защиты. Обратимся к его анализу более подробно.

Признание права в системе способов защиты

Признание права, как было указано в начале настоящего исследования, был и остается достаточно дискуссионным способом защиты среди всех остальных, поскольку отсутствие подробной законодательной регламентации вызывает трудности с уяснением его основных характеристик. Законодатель-

но в общих положениях ГК РФ дефиниция понятия «признание права» не установлена, однако в части четвертой ГК РФ при анализе ст. 1252 ГК РФ можно обнаружить, что законодателем сделана попытка «дефинирования» понятия «признание права». Так, в понимании пп. 1 п. 1 ст. 1252 ГК РФ признание права — это способ защиты, применяемый к лицу, которое отрицает или иным образом не признает право, нарушая тем самым интересы правообладателя. Таким образом, законодателем сделаны шаги к закреплению в ГК РФ дефиниции понятия «признание права», что является несомненным плюсом для понимания его сущности. Однако же представляется необходимым отметить, что подобная формулировка должна быть закреплена в части первой ГК РФ, например, в качестве пункта в отдельной статье, посвященной общим положениям о признании права. Отсюда возникает вопрос: можно ли использовать определение, установленное в пп.1 п. 1 ст. 1252 ГК РФ, по аналогии к иным случаям защиты субъективных гражданских прав посредством использования признания права? Представляется, что на этот вопрос сложно будет найти верный ответ, поскольку указанная норма регулирует защиту исключительных прав, которые обладают определенной спецификой. При этом же трактовка дефиниции имеет общий смысл без привязки к исключительным правам, что делает возможным ее применение по аналогии. Статья 6 ГК РФ допускает применение норм ГК РФ по аналогии, если отношения им прямо не урегулированы (аналогия закона).

Ученые анализируют различные правовые проблемы, возникающие в связи с применением данного способа защиты. Так, Д. Н. Латыпов делает выводы о проблеме отсутствия законодательного определения «признания права», случаев его применения, понятия заинтересованного лица, которое вправе обратиться для защиты права, а также перечня прав, в отношении которых таковое признание допускается [13, с. 3]. Продолжая исследование признания права, А. С. Старовойтова также отмечает, что данный способ защиты является дискуссионным, а положения действующего законодательства не дают целостного представления о рассматриваемом правовом институте [23, с. 3]. Несмотря на значительное внимание к указанной проблематике, многие вопросы остаются нерешенными, что свидетельствует о необходимости продолжения научных исследований в данной области.

Говоря о месте признания права в системе способов защиты, следует обратиться

к некоторым характеристикам системного подхода. А. В. Малько и Р. С. Маркуниным в исследовании, посвященном системному подходу, отмечается, что «одним из важных моментов применения системного метода при изучении любого объекта является его рассмотрение в виде комплекса взаимодействующих элементов». Вместе с тем авторами указывается, что исследование отдельных объектов в составе систем, через призму систем, способствует более глубокому пониманию сущности этих объектов [16]. Центральным звеном системного подхода выступает «система», которая обладает следующими признаками: множественность элементов; наличие определенных взаимосвязей и отношений между элементами; целостность.

К. В. Ображиев отмечает, что трактовок определений системы множество, в связи с чем им рассматривается общеправовое понимание понятия «система» [19]. Поддерживая такую позицию, представляется возможным рассмотреть дефиницию, содержащуюся в словаре С. И. Ожегова, где система в одном из значений определяется как «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей»¹. Указанное определение, в общем и целом, соотносится с вышеперечисленными признаками.

Вопрос о том, является ли перечень способов защиты, закрепленных в ст. 12 ГК РФ, системой, требует самостоятельного изучения. Вместе с тем очевидно, что все эти способы могут рассматриваться как совокупность элементов, которые расположены закономерно и находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. В таком случае признание права выступает одним из элементов этой сложной системы способов защиты и, соответственно, занимает в ней свое место. Если буквально рассуждать о месте признания права в системе способов защиты, то ему отведен порядковый номер «один». Действительно, признание права находится в самом начале, открывая перечень способов защиты. Такое положение признания права указывает на его значимость среди иных способов защиты, поскольку, прежде всего, цель исследуемого способа — это признание права, которым субъект законно обладает, но которое не признается или оспаривается иными лицами по каким-либо причинам, тем самым нару-

шая его. Такое положение признания права в системе способов защиты также может указывать на его универсальность, то есть применимость его для защиты любого субъективного гражданского права. В науке сложилось четкая и однозначная позиция, что признание права — это универсальный способ защиты, он может применяться для защиты вещных, корпоративных, интеллектуальных прав (имущественных, неимущественных) и даже для защиты обязательственных прав.

Говоря о месте признания права среди способов защиты необходимо также отметить, что данный способ может применяться во взаимосвязи с иными способами защиты, установленными ст. 12 ГК РФ, что зачастую происходит на практике. А. С. Старовойтовой отмечается [24, с. 43], что отличительной чертой решения по иску о признании права является то, что оно ограничивается лишь подтверждением спорного правоотношения, но не права на исполнение чего-либо со стороны ответчика, как иск о присуждении. С таким утверждением можно поспорить, поскольку признание права может применяться как самостоятельный способ защиты. Так или иначе суд, вынося решение по делу о признании права, подтверждает существовавшее правоотношение, и на лицо, которое не признавало это право, возлагается обязанность (в зависимости от признанного права) совершить определенные действия. В качестве примера следует рассмотреть признание исключительного права. Субъекту, предъявившему иск о признании права, необязательно заявлять требование о пресечении действий, нарушающих его право, поскольку этот факт презюмируется. Важным является и другой дискуссионный вопрос: о возможности замены признания права другим способом защиты при нарушении субъективного гражданского права. Так, допустимо ли использовать любой иной способ защиты вместо признания права? Будет ли такой способ защиты наиболее эффективным с точки зрения восстановления нарушенного права? Данный вопрос требует самостоятельного изучения, поскольку для ответа на него необходимо провести подробный анализ каждого из способов защиты в соотношении с признанием права. Однако отметим, что учеными даются различные ответы на данные вопросы, вплоть до предложения об исключении признания права из перечня способов защиты и отказа от рассмотрения его в качестве универсального [20], что, безусловно, вызывает дискуссии.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1999. С. 719.

Таким образом, признание права как способ защиты гражданских прав и его место в системе способов защиты требуют более детального исследования с последующим обобщением полученных результатов в целях возможного внесения изменений в ГК РФ. В частности, следует указать на необходимость законодательного закрепления дефиниции «признание права», а также его ключевых характеристик, позволяющих достоверно определять случаи применения данного способа защиты, а также круг субъектов, уполномоченных на его использование. Требуют дальнейшего исследования и

проблемные вопросы, связанные с рассмотрением признания права в соотношении с иными способами защиты, находящимися в системе: самостоятельностью признания права по отношению к иным способам защиты, совместное их использование и взаимозаменяемость. В настоящее время складывается ситуация, при которой наличествуют сложности с уяснением природы признания права, поскольку унифицированного законодательного и теоретического подхода не выработано. Такая проблема требует концептуального подхода к изменению общих положений ГК РФ в части признания права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асланян Н. П. Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы VI ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 21 – 22 сент. 2017 г.). – Иркутск : Изд-во Байкальского государственного университета, 2017. – С. 6 – 20.
2. Баринов П. С. Категории юридической науки и практики: понятие, классификация и предназначение // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 4. – С. 129 – 133.
3. Вабишевич С. С. Гражданско-правовая охрана и защита гражданских прав // Актуальные проблемы гражданского права. – 2012. – № 1. – С. 110 – 133.
4. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2017. – Т. 1. – 511 с.
5. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – Т. 1: Общая часть. – 720 с.
6. Гражданско-правовая защита имущественных прав субъектов гражданских правоотношений : монография / под ред. В. П. Кутиной. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2014. – 148 с.
7. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. – Москва : Статут, 2001. – 410 с.
8. Демин А. А. О соотношении понятий «обеспечение» и «защита» субъективного гражданского права // Legal Concept. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 111 – 118.
9. Захаренко Д. С. Иск о признании права как способ защиты интеллектуальных прав // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 32 – 36.
10. Защита гражданских прав: избранные аспекты : сб. ст. / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) ; отв. ред. А. М. Рожков. – Москва : Статут, 2017. – 432 с.
11. Корепанова С. В. Способы защиты гражданских прав с позиции функционального подхода // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 1. – С. 72 – 78.
12. Кузеванов А. И. Соотношение гражданско-правовых средств и способов защиты авторских и смежных прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Москва, 2018. – 185 с.
13. Латыпов Д. Н. Признание права как способ защиты гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Пермь, 2010. – 31 с.
14. Латыпов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.3. – Пермь, 2022. – 482 с.
15. Латыпов Д. Н. Эволюция взглядов на способы защиты гражданских прав // Закон и право. – 2022. – № 1. – С. 112 – 113. – DOI: 10.24412/2073-3313-2022-1-112-123.
16. Малько А. В., Маркунин Р. С. Значение системного подхода в исследовании юридической ответственности органов публичной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 4 – 21.
17. Маркарян Л. В. Признание права как способ защиты жилищных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Москва, 2015. – 26 с.
18. Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1990. – 136 с.
19. Ображиев К. В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 1. – С. 89 – 96.
20. Поротикова О. А. Признание права: способ защиты гражданских прав или предварительный вопрос? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – № 1 (24). – С. 98 – 107.
21. Порус В. Н. Функционализм: методологическая программа или философская парадигма? // Эпистемология и философия науки = Epistemology & Philosophy of Science. – 2006. – Т. 8, № 2. – С. 4 – 12. – DOI: 10.5840/EPS20068250.

22. Рябинин Н. А. Особенности понимания субъективного права на защиту гражданских прав // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 2 (44). — С. 14—19.

23. Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты гражданских прав: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Москва, 2020. — 29 с.

24. Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты гражданских прав: проблемы теории и практики : монография. — Москва : Проспект, 2023. — 160 с.

REFERENCES

1. Aslanian N. P. On the Relation to Categories in Civilistic Literature and the Role of Categories in Scientific Knowledge. *Zashchita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki. Materialy 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsi. Irkutsk, 21—22 sentyabrya 2017 g.* [Protection of Private Rights: Problems of Theory and Practice. Materials of the 6th International Research Conference. Irkutsk, 21—22 September 2017]. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2017, pp. 6—20. (In Russian).

2. Barinov P. S. Categories of legal science and practice: definition, classification and purpose. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn = Legal Policy and Legal Life*, 2016, no. 4, pp. 129—133. (In Russian).

3. Vabishevich S. S. Civil Law Protection and Protection of Civil Rights. *Aktualnye problemy grazhdanskogo prava = Current Problems of Civil Law*, 2012, no. 1, pp. 110—133. (In Russian).

4. Gongalo B. M. (ed.). *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2017. Vol. 1. 511 p.

5. Sukhanov E. A. (ed.). *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. 3rd ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006. Vol. 1. 720 p.

6. Kutina V. P. (ed.). *Grazhdansko-pravovaya zashchita imushchestvennykh prav subiektov grazhdanskikh pravootnoshenii* [Civil Law Protection of Property Rights of Subjects of Civil Law Relations]. St. Petersburg University of Management and Economics Publ., 2014. 148 p.

7. Griбанov V. P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Implementation and Protection of Civil Rights]. Moscow, Statut Publ., 2001. 410 p.

8. Demin A. On relationship between the concepts of "security" and "protection" of the subjective civil right. *Legal Concept*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 111—118. (In Russian).

9. Zakharenko D. S. Claim for recognition of the right as a measure to protect the intellectual rights. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2019, no. 2, pp. 32—36. (In Russian).

10. Rozhkov A. M. (ed.). *Zashchita grazhdanskikh prav: izbrannye aspekty* [Protection of Civil Rights: Selected Aspects]. Moscow, Statut Publ., 2017. 432 p.

11. Korepanova S. V. Civil rights remedies from the perspective of the functional approach. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve = Lacks in Russian legislation*, 2020, no. 1, pp. 72—78. (In Russian).

12. Kuzevanov A. I. *Sootnoshenie grazhdansko-pravovykh sredstv i sposobov zashchity avtorskikh i smezhnykh prav. Kand. Diss.* [The Ratio of Civil Law Means and Methods of Protection of Copyright and Related Rights. Cand. Diss.]. Moscow, 2018. 185 p.

13. Latypov D. N. *Priznanie prava kak sposob zashchity grazhdanskikh prav. Avtoref. Kand. Diss.* [Recognition of Law as a Way to Protect Civil Rights. Cand. Diss. Thesis]. Perm, 2010. 31 p.

14. Latypov D. N. *Sistema sposobov zashchity grazhdanskikh prav v Rossiiskoi Federatsii. Dokt. Diss.* [The System of Ways to Protect Civil Rights in the Russian Federation. Doct. Diss.]. Perm, 2022. 482 p.

15. Latypov D. N. Evolution of the views on the civil-law remedies. *Zakon i pravo = Law and legislation*, 2022, no. 1, pp. 112—123. (In Russian). URL: <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-1-112-123>.

16. Malko A. V., Markunin R. S. The Significance of System Approach in Study of Public Bodies Liability. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki = Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 2, pp. 4—21. (In Russian).

17. Markaryan L. V. *Priznanie prava kak sposob zashchity zhilishchnykh prav. Avtoref. Kand. Diss.* [Recognition of the Right as a Way to Protect Housing Rights. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2015. 26 p.

18. Motovilovker E. Ya. *Teoriya regulativnogo i okhranitelnogo prava* [Theory of Regulatory and Protective Law]. Voronezh State University Publ., 1990. 136 p.

19. Obrazhiev K. V. A Systematic Approach in Jurisprudence: Theoretical and Methodological Foundations. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina = Pushkin Vestnik of Leningrad State University*, 2012, no. 1, pp. 89—96. (In Russian).

20. Porotikova O. A. Declaration of the right: way of protecting civil rights or preliminary question? *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2016, no. 1 (24), pp. 98—107. (In Russian).

21. Porus V. N. Functionalism: A Methodological Program or a Philosophical Paradigm? *Epistemology & Philosophy of Science*, 2006, vol. 8, no. 2, pp. 4—12. (In Russian). DOI:10.5840/EPS20068250.

22. Ryabinin N. A. The aspects of understanding the subjective right to protection of civil rights. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 2 (44), pp. 14—19. (In Russian).

23. Starovoitova A. S. *Priznanie prava kak sposob zashchity grazhdanskikh prav: problemy teorii i praktiki. Avtoref. Kand. Diss.* [Recognition of Law as a Way to Protect Civil Rights: Problems of Theory and Practice. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2020. 29 p.

24. Starovoitova A. S. *Priznanie prava kak sposob zashchity grazhdanskikh prav: problemy teorii i praktiki* [Recognition of Law as a Way to Protect Civil Rights: Problems of Theory and Practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 160 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Филиппов Егор Вячеславович (Иркутск) – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: filippovegor8gmail.com).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filippov, Egor V. (Irkutsk) – Postgraduate Student of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011, e-mail: filippovegor8gmail.com).

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ И НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ НАЧАЛА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ В
ПРИЗНАНИИ ЭМБРИОНА И ПЛОДА ЧЕЛОВЕКА В КАЧЕСТВЕ
КВАЗИСУБЪЕКТОВ ПРАВА**

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 59–70.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.7.
Дата поступления 18.06.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

Начало человеческой жизни было и продолжает оставаться неопределённым понятием. Возникновение такой проблемы берёт своё начало с древнейших времён, что можно обнаружить в религиозных писаниях. Безусловно, каждый осознаёт основную суть, содержащуюся в этих трёх словах, однако научное сообщество до сих пор не может прийти к единому мнению относительно того, с какого момента жизнь человека становится ценной для общества. В данной статье автор рассматривает позиции определения начала течения человеческой жизни со стороны религии, юриспруденции и медицины, осуществляя поиск чего-то общего и наиболее актуального для эпохи современности в целях установления общепризнанных критериев для такого признания. С опорой на религиозные писания трёх величайших религий мира автором прослеживается отношение верующих к внутриутробной жизни, чему даётся соответствующая оценка. На основе юридических и медицинских знаний строятся основные выводы представленной темы. Для проведения исследования по выбранной теме были использованы методы общенаучного познания, а также специальные методы: анализ и синтез. В рамках проведённого исследования удалось установить имеющиеся законодательные неточности, возникновение которых связано с быстрым развитием общественных отношений, в соответствии с чем не удаётся вплотную приблизиться к нововозникшим отношениям. Сделан вывод о необходимости законодательного реформирования, а также предложены рекомендательные пути решения существующих проблем, дабы сбалансировать законодательное регулирование с учётом современных тенденций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Начало человеческой жизни; эмбрион человека; плод человека; квазисубъекты права; предправоспособность; живорождённый плод; внутриутробное развитие.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бешлей Н. Р. Определение и нормативное закрепление начала человеческой жизни как одно из оснований в признании эмбриона и плода человека в качестве квазисубъектов права // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 59–70. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.7.

**THE DEFINITION AND NORMATIVE CONSOLIDATION
OF THE BEGINNING OF HUMAN LIFE AS ONE OF THE GROUNDS
FOR RECOGNIZING THE HUMAN EMBRYO
AND FETUS AS QUASI-SUBJECTS OF LAW**

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 59 – 70.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.7.
Received 18.06.2024, accepted 09.09.2024, available online
30.09.2024.

ABSTRACT

The beginning of human life was and continues to be an indefinite concept. The emergence of such a problem dates back to ancient times, which can be found in religious writings. Of course, everyone is aware of the basic essence contained in these three words, but the scientific community still cannot come to a consensus on the point at which a person's life becomes valuable to society. In this article, the author examines the positions of determining the beginning of the course of human life from the side of religion, jurisprudence and medicine, searching for something common and most relevant for the modern era in order to establish generally recognized criteria for such recognition. Based on the religious writings of the three greatest religions of the world, the author traces the attitude of believers to intrauterine life, which is given an appropriate assessment. The main conclusions of the presented topic are based on legal and medical knowledge. To conduct research on the chosen topic, methods of general scientific cognition were used, as well as special methods: analysis and synthesis. Within the framework of the conducted research, it was possible to identify the existing legislative inaccuracies, the occurrence of which is associated with the rapid development of public relations, in accordance with which it is not possible to come close to the newly emerged relations. It is concluded that legislative reform is necessary, and recommended ways to solve existing problems are proposed in order to balance legislative regulation with current trends.

KEYWORDS

The beginning of human life; human embryo; human fetus; quasi-subjects of law; pre-legal capacity; live-born fetus; intrauterine development.

FOR CITATION

Beshley N. R. The Definition and Normative Consolidation of the Beginning of Human Life as One of the Grounds for Recognizing the Human Embryo and Fetus as Quasi-Subjects of Law. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 59 – 70. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.7.

Сегодня аборт — это главный разрушитель мирной жизни, потому что это война против ребёнка ... а, если мы принимаем то, что мать может убить даже собственное дитя, можем ли мы говорить другим людям, чтобы они не убили друг друга?

Святая Тереза Калькуттская

Все мы — люди, свободно живущие в современной действительности, понимаем, что человеческая жизнь выступает в качестве высшей ценности любого государства, которое провозглашает уважительное отношение к ней и должную защиту. При этом, хоть все и понимают важность и ценность данного нематериального блага, вопрос начала человеческой жизни до сих пор остаётся открытым.

Каждый из нас понимает, что общественная жизнь должна быть упорядоченной. Отсутствие упорядоченности приведёт общество к хаосу и возможной гибели. Но в чём же заключается эта самая упорядоченность? Полагаем, что в неукоснительном соблюдении норм права отдельно взятым человеком; в приспособлении своего поведения к законодательно установленным требованиям, которые отличаются динамичностью, взаимосвязанной с развитием самого общества.

При этом мы должны понимать, что право, требующее от общества правопорядка, должно предоставлять каждому его индивиду определённого рода ясность при возникновении тех или иных правовых отношений, поскольку её отсутствие становится отравляющей жизнь червоточиной, ведь человек попадает в весьма затруднительное положение вследствие неизвестности относительно того, что исполнять и к чему приспособливаться.

Закономерным в данном случае является и то, что развитие индивидуальности усиливает потребность в определённости права. Будучи лицом к лицу с обществом, личность вправе требовать от последнего точного указания того, чего от него хотят. Право на определённую правовую норму, по сути, выступает в качестве одного из неотъемлемых прав личности.

Актуальность заявленной темы исследований заключается в том, что представители различных областей знания не могут прийти к конкретной позиции относительно возникновения права на жизнь, которая вбирает в себя должный консенсуальный подход, удовлетворяющий хотя бы и не всем, но большей части людей, сведущих в данной теме. В связи с этим рассмотрение основных точек зрения поможет приблизиться к «золотой середине» в извечном поиске временного ориентира,

позволяющего заявить о подобности, сопоставимости внутриутробного человеческого существа с его прародителем.

«Человек», «человеческое существо», «жизнь» — понятия довольно простые и знакомые каждому, при этом связующим для них является понятие «жизнь». Представляется правильным рассмотреть подходы по определению начала жизни в следующей последовательности: «Религия — право — медицина».

Религия

Религия (лат. *religio* — благочестие, поклонение, почитание) выступает в качестве комплекса чувств, а также практико-ориентированных ритуальных и обрядовых действий, которые связаны с верой в высшие силы, являясь неким фактором в объединении между собой людей в определённую организацию.

Органичность существования религии в обществе характеризуется тем, что сопровождает человечество долгое время: большая часть учёных считает, что религия живёт столько, сколько существует *Homo Sapiens* — человек разумный [1, с. 45–46].

С религиозной точки зрения раскрывается и моральная сторона вопросов, связанных с сокровенным процессом зарождения, а также становления существа человеческого.

Современное российское общество, отличаясь своей поликонфессиональностью, выделяет три основные религии: буддизм, христианство, ислам.

С учётом представленных вероучений стоит рассмотреть основные идеи, провозглашаемые самими верующими относительно начала течения жизни.

Религиозно-философские системы древних культур Востока и Запада большое внимание уделяют осмыслению проблемы жизни и смерти, в связи с чем исследователи современности в поисках решения этих вопросов нередко обращаются к традиционным духовным культурам [7].

Так, основная отличительная черта буддизма заключается в его мистичности, поскольку в рамках данного религиозного течения принято различать около четырёх типов рождений, в частности:

1. рождение из яйца (андаджа) — к данному типу рождения можно отнести всех тех позвоночных животных, развитие и появление на свет которых происходит вне родительского организма, к примеру, змей, птиц, черепах и др.;

2. рождение из тепла и влажности (самсададжа) — такой тип рождения присущ беспозвоночным животным, появление которых

происходит в местах «противных и мерзких», к примеру, гельминтам, трематодам и др.;

3. рождение из утробы (джалабуя) — тип рождения, который свойственен любому живому существу, зачатому при помощи родительского организма, развивающемуся в нём и появляющегося из него, к примеру, человеку, кошке, слону и др.;

4. спонтанное рождение (опапатика) — к данному типу рождения принято относить существ верхнего и нижнего мира, то есть божеств и обитателей ада [2].

В соответствии с этим в буддизме принято выделять три мира, а также шесть видов существ, которые пребывают в процессе перерождения, в частности, богов, асуров (существ, которые обладают магической силой), людей, животных, голодных духов, существ ада, причём первые три вида из них это существа высшего рождения, вторые же — существа низшего рождения, при этом человеческое рождение относится к наилучшему из типов.

Началом течения человеческой жизни выступает слияние женских и мужских половых клеток, то есть акт оплодотворения, с момента которого человеческий зародыш наравне со взрослым индивидом имеет право на уважительное к нему отношение. Сама суть губительного отношения к ещё не родившемуся человеку — аборт — является противоречащей буддистскому учению, первая заповедь которого требует от человека полного воздержания от поступков, в основе которых лежит причинение непоправимого вреда живому существу — лишение его жизни.

Добродетель этой буддистской заповеди заключается в порицании пренебрежительного отношения — убийства ещё не родившегося ребёнка со стороны себе подобных, но уже взрослых людей [10].

При этом интересен тот факт, что убийство не подлежит оправданию: даже если лишение жизни являлось результатом исполнения отданного приказа, лицо, его исполнившее, ничуть не отличается от лица, его отдавшего, поскольку они являются убийцами, прерывателями священного и единственного в своём роде блага — человеческой жизни [11].

Однако из каждого правила есть свои исключения, согласно которым убийство себе подобного может быть воспринято в качестве выхода из ситуации неблагоприятной и, на первый взгляд, безвыходной. К ним, в частности, буддисты относят медицинские показания, состоящие из обстоятельств, при которых на чаше весов жизни оказываются ещё не рождённый малыш и его мать, где тяготение в сторону матери возможно при не-

обходимости спасения её жизни¹, и случаи, когда человеческий зародыш имеет дефекты, которые по своей природе несовместимы с жизнью.

Категоричным является отношение католиков и православных в части онтологического статуса человеческого эмбриона.

Так, в Инструкции по достоинству личности по некоторым вопросам биоэтики² указывается, что человек обладает достоинством, присущим ему от самого зачатия до самой естественной смерти, при этом достоинство должно быть признано абсолютно за каждым и никто не может быть его лишён.

Священнослужители отрицательно относятся к сведению человеческого существа на его первых этапах развития к обычной группе клеток, поскольку явным является то, что эмбриональное человеческое тело подвергнуто постепенному развитию в соответствии со своей внутренней чётко определённой программой с её надлежащей завершёностью, в связи с чем, очевидно, что плод человека с момента формирования зиготы требует к себе уважительного отношения, морально причитающееся человеку в его телесной, а также духовной целостности.

Представленные выше идеи основаны на том, чтобы само человечество признавало и продвигало все те дары, которыми человек был наделён Творцом, в частности, жизнь, знания, свободу. Церковь понимает страдания пар, которые сталкиваются с проблемами фертильности, признаёт законность их желания иметь ребёнка, даже путём экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), однако запрещает переоценивать достоинство человеческой жизни до уровня абсолютного

¹ Данный подход представляется довольно верным и консенсуальным. Дело в том, что мать, выступая в качестве сосуда новой человеческой жизни, оказавшись с ней на одних «весах жизни», имеет определённые предпочтения, которые позволяют в патовых ситуациях сделать выбор в пользу самой матери, так как содержимое разбитого сосуда (новой человеческой жизни) близко к своей скорой утрате без самого сосуда, как жидкость, вылившаяся из кувшина, близка к испарению на открытом солнце, нежели треснутый сосуд, ведь мать, покалеченная горем, со временем может отойти мыслями от утраты своего малыша, принеся в мир не одну новую жизнь, тогда как малыш, оставленный миру один, лишён возможности без помощи извне выжить в суровом мире.

² Инструкция по достоинству личности по некоторым вопросам биоэтики (Instruction dignitas personae on certain bioethical questions: Congregation for the doctrine of the faith, 8 September 2008). URL: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_20081208_dignitas-personae_en.html (дата обращения: 05.04.2024).

превосходства, акцентируя внимание на том, что любовь Бога не имеет каких-либо дифференцирующих начал между любовью к младенцу, находящемуся в материнском организме, и молодым либо же пожилым человеком, который этот организм покинул давно и развивается вне его стен, ведь Бог видит в них отпечаток своего собственного подобия.

Интересной является и позиция Русской Православной Церкви относительно начала течения человеческой жизни, изложенная в документе «О неприкосновенности жизни человека с момента зачатия», принятом 27 декабря 2023 г. Священным Синодом³.

Со ссылкой на писания христианского мыслителя Тертуллиана⁴ указывается, что человеческая жизнь имеет ценность с самого момента зачатия, в связи с чем право на жизнь возникает уже в утробе матери, благоговая тем самым любые старания, которые направлены на защиту материнства, а также деторождения. Православная Церковь призывает государство встать на защиту жизни и здоровья ещё не родившихся детей.

Немаловажно, что Православная Церковь отнеслась к изучению данного вопроса со всей серьёзностью, прибегнув к медицинской науке, что является верным шагом на пути защиты слабых и обделённых человеческих организмов.

Так, в издании указывается на факт эмбриональной уникальности, которая заключается в том, что ни клетка отцовского организма, ни клетка организма материнского не является схожей по своей биологической структуре с самим эмбрионом, являющимся на всём своём внутриутробном развитии совершенно новым человеческим организмом, ответственными за который выступают сами родители. Аборт в связи с этим Церковью порицается как намеренное убийство себе подобного, ведь человеческая жизнь неприкосновенна как до, так и после появления на свет младенца⁵.

Указав ряд обстоятельств, которые подталкивают женщин сделать аборт, в частности, отсутствие материальной, а также моральной поддержки, беременность в период несовершеннолетия и беременность без су-

пруга, Православная Церковь считает необходимым выработать действенные меры для защиты материнства и детства, в число которых входит создание при епархиях и приходах, при государственных и муниципальных учреждениях кризисных центров помощи женщинам, которые оказались в безвыходной жизненной ситуации в целях их поддержки как в период беременности, так и после родов.

Меры, предложенные Русской Православной Церковью для защиты прав ещё нерождённого ребёнка, являются наиболее верными в сложившейся правовой пробельности относительно статуса человеческого эмбриона, однако остаётся не до конца понятным вывод относительно отрицательной абортальности, так как полный отказ от аборта не является верным решением данной проблемы, поскольку возможны различные показания к применению данного экстраординарного способа лишения человеческой жизни.

Что касается ислама, то право на жизнь выступает в нем в качестве ключевого блага, перед которым все равны как в материальном, расовом, так и в других планах, поскольку им наделил сам Аллах.

Относительно содержания суры «Власть» хочется отметить истины, обозначенные одним из толкователей Корана — Маудуди. Во-первых, никто не вправе лишать жизни, кроме Аллаха; во-вторых, жизнь и смерть человека наделены особым смыслом, отражающим основные моральные концепции о добре и зле; в-третьих, жизнь является своего рода испытанием, конец которой определяется смертью самого человека; в-четвёртых, решение о признании поступков благими либо же богопорицаемыми может быть принято только самим Творцом, иные же таким правом попросту не наделены; в-пятых, под испытанием Творца следует понимать воздаяние по делам, которые были совершены человеком при жизни [5].

Из представленного следует, что жизнь в исламе имеет довольно высокую ценность, в связи с чем аборт сравним с понятием убийства, и лицо, прибегнувшее к данному способу детоубийства, становится грешником, которому впоследствии воздастся от Творца.

Право

Что касается права, то последнее призвано гармонизировать и структурировать человеческое существование путём санкционирования в существующей жизни неких правил, вбирающих в себя компромиссные начала всего общества, которые нужны для адекватной, спокойной и защищённой жизни граждан.

³ URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6088088.html> (дата обращения: 01.04.2024).

⁴ Апологетик, IX. 8 // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/apologetik/> (дата обращения: 29.01.2024).

⁵ Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. IV. 2 // Русская Православная Церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 29.01.2024).

Чтобы верно определить правовые идеи относительно начала человеческой жизни и права нерожденного ребенка на безопасное внутриутробное развитие, обратимся к научным исследованиям, нормативным правовым актам и сложившейся правоприменительной практике.

Ст. 17 ГК РФ⁶ содержит указание на то, когда человек признаётся человеком: моментом начала такого признания выступает рождение человека, у которого появляется определённый набор прав, расширяющихся по мере взросления. Так законодатель очертил чёткие границы, вне рамок которых человек лишается своей правоспособности.

С одной стороны, данная норма не подлежит расширительному толкованию, поскольку имеет строгие понятные ориентиры, с другой же стороны, данный вопрос до сих пор остаётся дискуссионным в юридической науке и практике, так как действующее законодательство не всегда успеваешь идти в ногу со временем, вследствие чего общество проявляет соответствующую реакцию, необходимую для пересмотра и переосмысления длительно существующих норм.

Позиции научного сообщества распределены по трем направлениям.

Представители первого направления (И. Я. Фойницкий [20], М. Д. Шаргородский [21]) связывали начало течения человеческой жизни с моментом отделения ребёнка от организма матери совместно с осуществлением самостоятельного дыхания.

Вторая точка зрения, прослеживаемая в работах таких учёных, как В. Д. Набоков [13], А. А. Пионтковский [9, с. 22] и др., заключается в признании начала жизни индивида после появления на свет какой-нибудь части ребёнка. При этом большая часть учёных не указывает в качестве обязательного критерия наличие самостоятельного дыхания, аргументируя это тем, что нерождённый малыш уже в утробе матери имеет свойственный для его обстановки, в которой он развивается, плацентарный тип дыхания, сменяющийся в течение определённого времени — от двадцати четырёх до сорока восьми часов — на лёгочный тип дыхания.

Представители третьей позиции (Л. Н. Линник [12], Г. Б. Романовский [18] и др.) указывают на необходимость признания начала течения человеческой жизни ещё до рождения ин-

дивида, связывая его с моментом слияния женских и мужских половых клеток, ведь с данного момента части двух разных организмов соединяются в одно целое, организуя совершенно новый, отличный от всех других организм, со своим набором диплоидных клеток.

Каждая из указанных выше теорий получает право на существование в современных реалиях вследствие их закрепления в нормативных правовых актах различных стран.

Стоит рассмотреть возможность перехода к более реальной правотворческой деятельности с реформаторскими идеями в сочетании с последними научными открытиями, — деятельности, направленной на признание и изменение определения начала человеческой жизни с соответствующим редактированием правоспособности, которая необходима плоду. Определение правового подхода, который должен лечь в основу при санкционировании начала человеческой жизни, должно следовать за анализом правового положения самого эмбриона.

В современном мире установилось три точки зрения относительно правового положения эмбриона.

Первая из них заключается в косвенном признании эмбриона полноправным субъектом правоотношений в силу наличия ряда норм, обеспечивающих признание и охрану некоторых имущественных прав, а также жизни и здоровья нерождённых детей [3].

Так, научная работа А. М. Зайцевой [8] является ярким примером изучения новых рубежей человеческого существа с выдвижениями предложений по включению его в структуру правоотношений в качестве субъекта права с наделением соответствующей правоспособностью. Автором акцентируется внимание на том, что традиционный способ наделения правоспособностью человека, связанный с моментом рождения, давно устарел, поскольку современные научно-технические и связанные с ними биологические исследования ставят под сомнение проявление такого рода ограничения правоспособности, поскольку решению вопроса относительно начала человеческой жизни не просто не может, а даже не должно каким-либо образом противоречить объективное знание естественнонаучного характера. А. М. Зайцева утверждает, что нельзя оспаривать связь, наблюдающуюся между признанием человеком и презумпциями его индивидуального и неповторимого. И поскольку процесс зачатия и дальнейшего развития человеческого эмбриона выступает в качестве биолого-физиоло-

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

гического подтверждения его уникальности, то данный факт можно трактовать как реальную возможность по наделению его правоспособностью. Так как о проявлении индивидуальности у человека можно говорить с момента его зачатия, то именно данный этап и служит основой правового признания эмбриона в качестве высшей ценности не только для его родителей, но и для государства, и как следствие, признание его полноправным субъектом правоотношений.

Авторами второй точки зрения эмбрион рассматривается как биологический объект человека, поскольку с момента отделения от человеческого организма обладает признаками, присущими всем объектам гражданских прав (полезностью, дискретностью и др.).

Приверженцы подхода, заключающегося в отнесении эмбриона к категории вещей, основывают свои доводы либо на том факте, что на доимплантационном этапе развития у эмбриона отсутствуют какие-либо индивидуальные черты, либо же на факте присутствия во многих странах легализованных аборт. Именно эти доводы выступают «фундаментом научных работ» Ю. Ф. Дружининой [6], А. Р. Пурге [17], которые, помимо отнесения человеческого эмбриона *in vitro* к категории вещей, подчеркивают свойственные ему признаки, представляющие собой совокупность следующих черт:

- 1) индивидуальная определённость;
- 2) подвижность;
- 3) «механическая (природная) сложность»;
- 4) неделимость либо же делимость (в зависимости от того, какая цель преследуется),
- 5) и помимо стандартных черт, свойственных любой вещи, авторами выводится ещё одна, специальная черта — спецификация, заключающаяся в слиянии ооцитов и сперматозоидов для образования в последующем человеческого зародыша.

Основные доводы, изложенные в научных работах указанных выше авторов по своему интересны, однако относиться к ним стоит с некоторой осторожностью, поскольку не стоит забывать о том, что признание эмбриона объектом гражданских прав автоматически влечёт его оборотоспособность. Вместе с тем такие сделки нельзя расценить как соответствующие общепризнанным положениям морали и нравственности, в силу чего они должны рассматриваться как ничтожные по правилам ст. 169 ГК РФ.

Наиболее верной представляется третья точка зрения, согласно которой правовая природа эмбрионов должна рассматриваться в русле концепции *sui generis*, когда эмбрион

и плод человека представлены в качестве особого субъекта, точнее, *квазисубъекта* права.

Под квазисубъектом права понимается лицо правообладательное, то есть носитель исключительно субъективного права, чья социально-правовая ценность, а также значимость признана в правовом сообществе [16]. При этом данное лицо, исходя из его характерных черт, не может выступать в качестве полноценного субъекта права ввиду невозможности наложения на него каких-либо обязанностей, так как непонятен процесс привлечения его к юридической ответственности за их невыполнение.

Не менее интересным примером может служить научная статья Е. А. Останиной [14], в которой анализируется право на распоряжение своим телом с позиции цивилистики. Автор подчёркивает спорность темы о признании эмбриона субъектом права, а вопросы относительно его правоспособности и вовсе не имеют однозначного ответа, ведь там, где в законодательных актах можно найти декларативное отнесение эмбрионов человека к субъектам права, отсутствует признание за ним всей полноты правоспособности как за уже родившимся человеком. При этом там, где встречаются нормы, указывающие на возникновение правоспособности с момента рождения, можно обнаружить и надделение некоторыми из них частичной правосубъектностью эмбрионов. Эмбрион человека стоит рассматривать как элемент особого правового явления: с опорой на научную статью Г. Дамшена и Д. Шёнекера «При сомнении — в пользу эмбриона», Е. А. Останиной высказывается мнение о необходимости относиться к эмбриону таким образом, чтобы обеспечить максимальную защиту дальнейшего его превращения в человека, пока не будет поставлена точка в вопросе его законодательной определённости.

Представленные выше доводы позволяют убедиться в квазисубъектности эмбриона и плода человека, как существ правообладателей (к примеру, право наследования и др.), то есть исключительно носителей субъективного права, чья социально-правовая ценность, а также значимость должны быть признана в правовом сообществе.

Медицина

За основу в развитии научной мысли абсолютистско-консенсуальной направленности (*признание эмбриона и плода человека квазисубъектами права*), на наш взгляд, стоит брать подход, согласно которому начало течения человеческой жизни признают ещё до рождения индивида, связывая с моментом слияния женских и мужских половых кле-

ток, указывая, что с данного момента части двух разных организмов соединяются в одно целое, организуя совершенно новый, отличный ото всех других организмов, со своим набором диплоидных клеток.

Эмбрион и плод человека заслуживают к себе уважительного отношения от лиц, подобных им, однако это не означает, что их стоит наделять правоспособностью в том виде, в котором обладают ею, к примеру, несовершеннолетние, поскольку тот же самый эмбрион обладает высокой степенью гибели путём его отторжения организмом матери, нежели плод человека, у которого клетки перестают быть тотипотентными. Организм матери признаёт его как родного, как следствие, отторжение сведено к минимуму, однако это не означает, что кто-то из них должен быть признан государством, а кто-то — нет. Напротив, признание должно осуществляться в отношении обоих человеческих организмов, вопрос же следует поставить относительно объёма передаваемых прав, а также времени, с которого за данным внутриутробным развивающимся организмом закрепляется определённый набор прав.

Чтобы ответить на вопросы временного характера стоит обратиться к знаниям из области медицины, которая является неким базисом в санкционировании новых правовых явлений.

Образование новых организмов происходит от себе подобных путём материальной преемственности, поскольку источником образования выступают родительские гаметы, вырабатываемые особями разного пола — мужчиной и женщиной.

Созревшие половые клетки выступают в качестве основы процесса оплодотворения, где при объединении гамет, которые отделились от родительского организма, образуется новая клетка, являющаяся одновременно организмом нового поколения, и название этого организма — зигота.

Образование зиготы, по сути, выступает началом реализации великого замысла, характеризующегося созданием генетического комплекса, не существовавшего до и никогда не повторяющегося вновь, итогом которого будет являться появление на свет человека со своими биологическими особенностями [3, с. 11–12].

Обратимся к научным познаниям лиц, напрямую взаимодействующих с человеческими организмами, которые появляются на свет путём традиционного слияния гамет, то есть внутри материнского организма, либо же *in vitro*, чтобы понимать период (зародышевый или фетальный), с которого возможно

и необходимо наделять живой человеческий организм предправоспособностью⁷.

Активно обсуждать данную проблему начали в конце XX в. Так, в декабре 1996 г. на сессии Совета Европы по биоэтике⁸ учёные путём дискурса пришли к выводу о необходимости установления обязательной охраны человеческой жизни ещё до рождения, поскольку человеческий эмбрион является индивидуальным и живым организмом, подобным человеку уже на 14 неделе после слияния женских и мужских половых клеток.

Исследования в целях выяснения начала человеческой жизни, проводимые врачами, представляют большой интерес для всех тех, кто занимается изучением данного вопроса, в том числе юристам в области медицинского права, чтобы определить грань, которая служит отправной точкой в признании за ещё нерождённым человеческим существом особого набора прав.

Доктор Дермот Кирни в период с мая по июнь 2016 года провел масштабное исследование (было опрошено 112 респондентов, работавших в крупной учебной больнице, входящей в состав университета Ньюкасла на северо-востоке Англии) по определению количества врачей которые верят, что жизнь начинается именно с момента зачатия, и по определению количества тех, которые считают, что человеческая жизнь берёт своё начало на иной, произвольно выбранной стадии внутриутробного развития⁹.

Около 34 % опрошенных берут за начало человеческой жизни момент зачатия, 30 % опрошенных выразили убеждение о начале жизни с момента появления ребёнка на свет, оставшиеся же ответы распределены неравным образом, при этом 8 % из них предполагают, что жизнь начинается на ранних стадиях внутриутробного развития, то есть в 14–21 день после зачатия.

Учёный предполагает, что наиболее верной является идея признания начала челове-

⁷ Правоспособность в данном случае должна рассматриваться с учётом исключения из правил, закрепляющих общие положения о правоспособности. К примеру, несение обязанностей не подлежит применению, поскольку тот же самый плод человека лишён возможности исполнять что-то, ретрансляция же на материнский организм требований к определённым действиям будет ущемлять права обоих индивидов.

⁸ Права человека и биомедицина // Совет Европы : офиц. сайт. URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics> (дата обращения: 29.01.2024).

⁹ The beginning of life: UK report — a survey among doctors & medical students // Catholic Medical Quarterly. URL: http://www.cmq.org.uk/CMQ/2017/Feb/beginning_of_life_uk_report.html (дата обращения: 05.04.2024).

ческой жизни с момента зачатия, поскольку уже с этого периода образуется отличный от родительского организма человек. При этом доктор с опасением относится к ответам тех врачей, которые начало человеческой жизни определяют 14 днями после зачатия, поскольку таким образом с лёгкостью может быть оправдано проведение исследований стволовых клеток. Аналогичным образом автор строит заключения и в отношении тех, кто считает, что начало человеческой жизни начинается исключительно после имплантации в матку, поскольку последние с меньшей степенью будут испытывать какие-либо этические опасения в отношении abortивных препаратов, проведения исследований над ними, а также их последующей утилизации.

Из представленных учёным результатов следует, что меньшая часть учёных, а также практикующих медиков, которые считают истиной начало человеческой жизни с момента зачатия, выступает серьёзной проблемой для признания действительной реальности в отношении внутриутробного организма (с учётом последних научных открытий). Наличие такого мнения способствует закреплению негативных элементов, в частности, признания жестокого обращения с наиболее уязвимыми живыми организмами, санкционирование проведения исследований над ними и уничтожение за ненадобностью.

Что касается позиций российских учёных в области медицины, то особое внимание стоит уделить научной работе Л. Г. Александровой, Е. В. Кулаковой, Р. Р. Латфуллиной и В. А. Спиридонова, в которой путём разбора существующих проблем относительно определения начала жизни с учётом медицинских и юридических вопросов авторы приходят к выводу о том, что плод человека уже на 22-ой неделе развития должен иметь соответствующее признание в современном обществе, поскольку даже при раннем появлении на свет врачи смогут поддержать его жизнь до полноценного развития [15].

Таким образом, представленные выше подходы учёных-медиков, вполне обоснованно вызывают вопрос: «С какого времени за внутриутробным организмом стоит признавать жизнь, и как следствие, наделять его правоспособностью?».

Можно исходить из того, что, если Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁰ момент наступле-

ния смерти человека определяется гибелью мозга, то моментом начала жизни стоит считать полноценно-сформированный мозг, появление которого обнаруживается на 35-ой неделе, но при этом стоит отметить, что его развитие начинается уже на 21-й день после зачатия, а в период между 6-ой и 8-ой неделями проявляются координированные реакции эмбриона на эндогенные и экзогенные воздействия [19].

При этом важно исходить из жизнеспособности ребёнка, отвечая на вопрос: «Сможет ли он выжить, если появится на этот свет здесь и сейчас?». Как свидетельствует приведённая выше практика, такое выживание может быть достигнуто только на 22-ой неделе внутриутробного развития путём искусственного подержания живорождённого плода до полноценного развития.

Вопрос о признании и закреплении строго определённого начала человеческой жизни до сих пор не решен, как в правовой, так и в медицинской среде, в отличие от сферы религии, где началом течения человеческой жизни выступает слияние женских и мужских половых клеток, то есть акт оплодотворения, с момента которого человеческий зародыш наравне со взрослым индивидом имеет право на уважительное к нему отношение

С учётом представленных медицинских подходов (*учитывая базисность медицины в санкционировании некоторых новых правовых явлений*) преобладающими выступают два из них. Сторонники первого считают необходимым за начало человеческой жизни брать результат слияния женским и мужских гамет, то есть образование внутри женского организма человеческого существа, отличного по своим биологическим характеристикам от родительского. Сторонники второго подхода, научная обоснованность которого более оправдана, а также консенсуальна для дальнейшего законодательного реформирования, убеждены, что за начало человеческой жизни стоит брать срок, на котором гибель ребенка при появлении на свет будет сведена к минимуму. Существующий сегодня минимальный жизнеспособный срок, равный 22-м неделям внутриутробного развития, преждевременное появление малыша на котором не будет гибельным для него самого в силу наличия медицинской возможности искусственного реабилитации ребёнка, в любой момент может быть изменён, в том числе в меньшую сторону. Вопросы такого рода для соблюдения принципов объективности и беспристрастности должны приниматься на консилиуме, состоящем из учёных и практиков в области медицины и

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

юриспруденции, а также сторонников религиозных организаций с обязательным обоснованием приведённых доводов.

Исходя из вышеизложенного, полагаем необходимым предложить следующие рекомендательные изменения:

1. Закрепить в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» момент начала человеческой жизни, показателем которой считать равным 22-м неделям внутриутробного развития с обязательным созданием на случай преждевременного появления на свет живорождённого плода необходимых медицинских условий по поддержанию его жизни до полного развития, с возможным уменьшением временной рамки с учётом установленных последних научных достижений в области медицины.

2. Закрепить в Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ¹¹ главу, посвящённую внутриутробным детям, с чётким определением ограниченного круга прав, наделение которыми возможно с учётом конкретных обстоятельств внутриутробного развития.

3. Разработать регламент, определяющий общие положения организации подготовки и проведения консилиума по решению вопроса об уменьшении периода внутриутробного развития, с которого начинает течь человеческая жизнь, с обязательным привлечением в качестве членов такого консилиума учёных и практиков в области медицины и юриспруденции, а также представителей религиозных организаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова А. Ю. *Международный туризм: учеб. пособие.* — Москва: Аспект Пресс, 2015. — 464 с.
2. Бонгард-Левин Г. М. *Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия.* — Москва: Наука, главная ред. восточной литературы, 1980. — 333 с.
3. Гибадуллина Л. Т. Правовой статус плода и эмбриона в российском и зарубежном праве // *Теория и практика современной юридической науки: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф., Самара, 11 апр. 2017 г.* — Самара: Инновационный центр развития образования и наук, 2017. — С. 27–30.
4. Данаев О. В., Бачинина О. С. *От зачатия до рождения: пособие по внутриутробному развитию человека для 8 кл.* — Минск: Промкомплекс, 2021. — 48 с.
5. Диноршоев А. М. Регулирование права на жизнь в Коране как первоисточнике мусульманского права // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики.* — 2014. — № 1 (57). — С. 13–18.
6. Дружинина Ю. Ф. Правовой режим эмбриона in vitro // *Журнал российского права.* — 2017. — № 12. — С. 129–140.
7. Жабон Ю. Ж. Концепция жизни и смерти в буддизме // *Вестник Бурятского государственного университета.* — 2009. — № 6. — С. 13–16.
8. Зайцева А. М. *Жизнь человека как объект конституционно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02.* — Москва, 2009. — 29 с.
9. Кригер Г. Л., Пионтковский А. А., Ромашкин П. С. *Курс советского уголовного права: Часть особенная: в 6 т.* — Москва: Наука, 1971. — Т. 5: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления. — 572 с.
10. Левченко И. В. *Буддизм как система правил поведения И* // *Baikal Research Journal.* — 2018. — Т. 9, № 3. — С. 19. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).19.
11. Летов О. В. 2017.02.007. Калига Т., Баруа А. Проблема аборта и отношения между плодом и матерью: исследование с буддистской точки зрения // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал.* — 2017. — № 2. — С. 37–38. — Реф. ст.: The issue of abortion and mother-fetus relations: a study from Buddhist perspectives / Т. Kalita, A. Barua // *Eubios: Journal of Asian and International bioethics.* — Christchurch, 2016. — Vol. 24, no. 5. — P. 142–145.
12. Линик Л. Н. *Конституционное право граждан Российской Федерации на жизнь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02.* — Москва, 1993. — 21 с.
13. Набоков В. Д. *Элементарный учебник особенной части русского уголовного права.* — Санкт-Петербург: Сенатская Тип., 1903. — Вып. 1, кн. 1 и 2. — 220 с.
14. Останина Е. А. *Право на свое тело: распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиций гражданского права* // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2019. — № 8. — С. 156–195.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.

15. Плод и вопросы его медико-юридической оценки / В. А. Спиридонов, Л. Г. Александрова, Р. Г. Латфуллина, Е. В. Кулакова // Практическая медицина. — 2020. — Т. 18, № 3. — С. 38–42. — DOI: 10.32000/2072-1757-2020-3-38-42.

16. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Екатеринбург, 2019. — 32 с.

17. Пурге А. Р. Правовое положение эмбрионов в современном праве России // Молодой ученый. — 2012. — № 2. — С. 202–204.

18. Романовский Г. Б. Гносеология права на жизнь. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. — 368 с.

19. Савельев С. В. Стадии эмбрионального развития мозга человека. — Москва : Аналитическая лаборатория «Веди», 2002. — 112 с.

20. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — Изд. 4-е. — Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. — Т. 1. — 577 с.

21. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. — Москва : Юридическое изд-во, 1947. — 512 с.

REFERENCES

1. Aleksandrova A. Yu. *Mezhdunarodnyi turizm* [International Tourism]. Moscow, Aspekt Press, 2015. 464 p.

2. Bongard-Levin G. M. *Drevneindiiskaya tsivilizatsiya. Filosofiya, nauka, religiya* [Ancient Indian Civilization. Philosophy, science, religion]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 333 p.

3. Gibadullina L. T. The Legal Status of the Fetus and Embryo in Russian and Foreign Law. *Teoriya i praktika sovremennoi yuridicheskoi nauki. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Samara, 11 aprelya 2017 g.* [Theory and Practice of Modern Legal Science. Materials of International Research Conference, Samara, 11 April 2017]. Samara, Innovative Center for the Development of Education and Science Publ., 2017, pp. 27–30. (In Russian).

4. Danaev O. V., Bachinina O. S. *Ot zachatiya do rozhdeniya* [From Conception to Birth]. Minsk, Promkompleks Publ., 2021. 48 p.

5. Dinorshoyev A. M. Regulation of the Right for Life in the Koran as an Initial Source of Moslemic Law. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki = Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics*, 2014, no. 1 (57), pp. 13–18. (In Russian).

6. Druzhinina Yu. F. Legal Regime of Embryo in Vitro. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 12, pp. 129–140. (In Russian).

7. Zhabon Yu. Zh. The concept of life and death in the Buddhism. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = The Buryat State University Bulletin*, 2009, no. 6, pp. 13–16. (In Russian).

8. Zaitseva A. M. *Zhizn cheloveka kak ob"ekt konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Human Life as an Object of Constitutional and Legal Regulation. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2009. 29 p.

9. Kriger G. L., Piontkovskii A. A., Romashkin P. S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava: Chast osobennaya* [The Course of Soviet Criminal Law: A Special Part]. Moscow, Nauka Publ., 1971. Vol. 5. 572 p.

10. Levchenko I. V. Buddhism as a System of Behavioral Rules. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 3. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(3).19.

11. Letov O. V. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya. Referativnyi zhurnal = Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 3, Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 37–38. (In Russian). Ref. op.: Kalita T. Barua A. The issue of abortion and mother-fetus relations: a study from Buddhist perspectives. *Eubios: Journal of Asian and International bioethics*. Christchurch, 2016, vol. 24, no. 5, pp. 142–145.

12. Linik L. N. *Konstitutsionnoe pravo grazhdan Rossiiskoi Federatsii na zhizn. Avtoref. Kand. Diss.* [The constitutional Right of Citizens of the Russian Federation to Life. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1993. 21 p.

13. Nabokov V. D. *Ehlementarnyi uchebnyy osobennoi chasti russkogo ugolovnogo prava* [An Elementary Textbook of a Special Part of Russian Criminal Law]. Saint Petersburg, Senatskaya Tipografiya Publ., 1903. Iss. 1, bk. 1 & 2. 220 p.

14. Ostanina E. A. The right to your body: orders regarding organs, tissues, cells, and embryos from the civil law perspective. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Vestnik of Economic Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 8, pp. 156–195. (In Russian).

15. Spiridonov V. A., Alexandrova L. G., Latfullina R. R., Kulakova E. V. Fetus and issues of its medical and legal evaluation. *Prakticheskaya meditsina = Practical Medicine*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 38–42. (In Russian). DOI: 10.32000/2072-1757-2020-3-38-42.

16. Ponomareva E. V. *Sub"ekty i kvazisub"ekty prava: teoretiko-pravovye problemy razgranicheniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Subjects and Quasi-Subjects of Law: Theoretical and Legal Problems of Differentiation. Cand. Diss. Thesis]. Yekaterinburg, 2019. 32 p.

17. Purge A. R. The Legal Status of Embryos in Modern Russian Law. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2012, no. 2, pp. 202–204. (In Russian).

18. Romanovskii G. B. *Gnoseologiya prava na zhizn* [Epistemology of the Right to Life]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2003. 368 p.

19. Savelev S. V. *Stadii ehmbriionalnogo razvitiya mozga cheloveka* [Stages of Embryonic Development of the Human Brain]. Moscow, Analytical Laboratory "Vedi" Publ., 2002. 112 p.

20. Foinitskii I. YA. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [The Course of Criminal Proceedings]. 4th ed. Saint Petersburg, Partnership "Obshchestvennaya Polza" Publ., 1912. Vol. 1. 577 p.

21. Shargorodskii M. D. *Prestupleniya protiv zhizni i zdorovya* [Crimes Against Life and Health]. Moscow, Yurizdat Publ., 1947. 512 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бешлей Никита Русланович (Челябинск) — помощник судьи Арбитражного суда Свердловской области, аспирант кафедры гражданского права и процесса института права Челябинского государственного университета (454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, e-mail: beshley.nikita@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Beshley, Nikita R. (Chelyabinsk) — Assistant Judge of the Sverdlovsk Region Arbitration Court, Postgraduate Student of the Civil Law and Procedure Department, Chelyabinsk State University (129 Brothers Kashirin St., Chelyabinsk, 454001, Russia, e-mail: beshley.nikita@mail.ru).

УДК 344.1

О. В. Маричева

Амурский государственный университет
Благовещенск, Российская Федерация
ORCID 0009-0001-9651-5345
ResearcherID rid85535

АДАПТАЦИЯ СОВЕТСКОГО ОПЫТА УГОЛОВНЫХ МЕР
В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 71 — 82.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.8.
Дата поступления 22.06.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

Современная реальность диктует необходимость совершенствования уголовного законодательства, в том числе системы уголовных наказаний, в условиях военного времени. Учет исторических особенностей правового регулирования в этой сфере позволяет решить эту задачу наиболее эффективно. Советский период характеризовался ужесточением карательной политики государства в период военных действий. В то же время современный Уголовный кодекс изначально не содержал подобных положений, и только сложная геополитическая ситуация последних лет сподвигла законодателя на внесение в него изменений в части учета особенностей военного времени. В статье исследуется возможность адаптации исторического опыта применения уголовных мер в военное время к современным российским реалиям. Автор на основе анализа советской практики обосновывает целесообразность внедрения некоторых ее элементов, например, ускоренного судопроизводства по делам о воинских преступлениях, возможности привлечения осужденных военнослужащих к отбыванию наказания в действующей армии. Обосновывается также невозможность включения в действующее уголовно-правовое регулирование наиболее жестких санкций (например, смертной казни, ссылки и высылки) как противоречащих современным стандартам прав человека. Делается вывод о том, что комплексное использование адаптированного советского опыта в сочетании с новыми научными разработками позволит усилить превентивный и карательный потенциал уголовного права в условиях военного времени, повысить эффективность уголовной юстиции и обеспечить защиту обороноспособности страны при соблюдении гарантий прав личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Уголовные наказания; военное время; советское законодательство; специальная военная операция; исторический опыт; смертная казнь; дифференциация наказаний; квалифицированные составы преступлений.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Маричева О. В. Адаптация советского опыта уголовных мер в военное время для современной России // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 71 — 82. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.8.

ADAPTATION OF THE SOVIET EXPERIENCE OF CRIMINAL MEASURES IN WARTIME FOR MODERN RUSSIA

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 71 – 82.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.8.
Received 22.06.2024, accepted 09.09.2024, available online 30.09.2024.

ABSTRACT

Modern reality dictates the need to improve criminal legislation, in particular, the system of criminal penalties, in wartime conditions. Taking into account the historical features of legal regulation in this area allows us to solve this problem most effectively. The Soviet period was characterized by a tightening of the punitive policy of the state during the period of hostilities. At the same time, the modern Criminal Code initially did not contain such provisions, and only the difficult geopolitical situation of recent years prompted the legislator to amend it in terms of taking into account the peculiarities of wartime. The article examines the possibility of adapting the historical experience of applying criminal measures in wartime to modern Russian realities. Based on the analysis of Soviet practice, the author substantiates the expediency of introducing some of its elements, for example, accelerated judicial proceedings in cases of military crimes, the possibility of involving convicted servicemen to serve their sentences in the active army. The author also substantiates the impossibility of including the most severe sanctions (for example, the death penalty, exile and expulsion) in the current criminal law regulation as contrary to modern human rights standards. It is concluded that the integrated use of adapted Soviet experience in combination with new scientific developments will strengthen the preventive and punitive potential of criminal law in wartime conditions, increase the effectiveness of criminal justice and ensure the protection of the country's defense capability while respecting the guarantees of individual rights.

KEYWORDS

Criminal penalties; wartime; Soviet legislation; special military operation; historical experience; death penalty; differentiation of punishments; qualified elements of crimes.

FOR CITATION

Maricheva O. V. Adaptation of the Soviet Experience of Criminal Measures in Wartime for Modern Russia. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 71 – 82. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.8.

Современное российское уголовное законодательство, сформированное в 1990-е годы, изначально не было ориентировано на регулирование правоотношений, связанных с ужесточением наказания за совершение преступлений в условиях военного времени или сходных с ним режимов. В УК РФ отсутствовали квалифицированные составы преступлений, усиливающие ответственность за совершение противоправных деяний в данных условиях, а также специальные основания для признания отягчающими обстоятельств, связанных с военным временем. Это свидетельствует о том, что уголовно-правовая регламентация ответственности за преступления, совершенные в особых условиях военного времени, первоначально не являлась приоритетом для законодателя при формировании нового российского уголовного законодательства.

Обострение международных военно-политических конфликтов в последние годы выдвинуло на первый план вопросы совершенствования российского уголовного законодательства применительно к условиям военного времени. Особую актуальность и практическую значимость данная проблема приобрела в 2022 году, когда в связи с проведением специальной военной операции на части территории Российской Федерации было введено военное положение. Это потребовало дополнительного уголовно-правового регулирования, направленного на ужесточение ответственности за совершение преступлений в условиях военной обстановки, а также оптимизацию механизмов применения уголовных наказаний к лицам, совершившим противоправные деяния в данных условиях.

Исторический опыт применения уголовных мер в условиях военного времени может послужить ценным источником и ориентиром для дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы Российской Федерации в современных геополитических реалиях. Изучение и учет наработанных ранее подходов к ужесточению уголовной ответственности за преступления, совершенные в военный период, а также к особенностям применения уголовных наказаний в этих особых условиях позволит обогатить и оптимизировать действующее российское уголовное законодательство с учетом актуальных вызовов и угроз национальной безопасности.

Одним из ключевых направлений работы по совершенствованию уголовного законодательства в условиях военного положе-

ния является дифференциация уголовных наказаний в зависимости от особенностей военной обстановки. Историческая ретроспектива показывает, что советский период характеризовался ужесточением карательной политики государства в период военных действий. Законодательные подходы к дифференциации уголовных наказаний в военное время отличались существенной спецификой, обусловленной необходимостью поддержания строгого правопорядка и обеспечения обороноспособности страны.

Возникает вопрос о целесообразности и допустимости заимствования или возврата к отдельным элементам советской практики ужесточения уголовных наказаний в условиях военного времени в контексте действующего уголовного законодательства Российской Федерации. В этом отношении интерес представляет исторический опыт, сложившийся в результате коренной трансформации государственного строя в России в 1917 году, когда подходы к назначению уголовных наказаний претерпели существенные изменения.

Во время работы Временного правительства специальная комиссия пересматривала Уголовное уложение 1903 года, предлагая, в частности, установить уголовную ответственность за публичные призывы к тяжким преступлениям, насилию и неповиновению власти. При этом дифференциация наказания предусматривалась в зависимости от «мирных» или «военных» условий совершения преступления [1, с. 7].

В то время как Временное правительство стремилось преобразовать и адаптировать существующее право, после Октябрьской революции новая власть отвергла идею преемственности правовой системы, взяв курс на радикальный пересмотр и замену дореволюционного законодательства, включая уголовное право. Однако вопрос ужесточения санкций в военное время нашел отражение в правовых актах, тем самым сохранив определенную связь с историческим опытом.

До принятия постановления Совета народных комиссаров «О красном терроре» редко применялась внесудебная репрессия [21, с. 53], но после его принятия в отношении «классовых врагов» советской власти стали использоваться два вида наказания: расстрел и изоляция в концентрационных лагерях.

Для рассмотрения дел о преступлениях военнослужащих были организованы военно-революционные трибуналы, которым при объявлении местности на военном или осадном положении были подсудны и граждан-

ские лица. При этом наказание выбиралось по усмотрению этого репрессивного органа. Председатель Революционного Военного Трибунала молодой Советской Республики К. Х. Данишевский (репрессирован в 1938 г., реабилитирован в 1956 г.) обосновывал это целесообразностью санкций «в интересах трудового строительства, обороны и улучшения благополучия трудящихся масс», ввиду чего невозможно «знать наперед, какое наказание выносить за тот или иной проступок» [6, с. 32]. Это касалось и смертной казни, которую ВЦИК не рекомендовал применять в периоды «затишья гражданской войны» [6, с. 33], следовательно, в моменты активизации военных действий, напротив, практиковать широкое ее применение. Статистика расстрелов в 1920 году, которую приводит К. Х. Данишевский, подтверждает влияние военной обстановки на выбор меры наказания: показатели росли с обострением боевых действий и снижались «в периоде затишья» [6, с. 62]. Факт зависимости меры наказания от политической обстановки отмечает и профессор истории права Я. Л. Берман (репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1956 г.): права революционных трибуналов на применение расстрела расширялись при усилении контрреволюционного сопротивления [3, с. 25]. При этом в правовых актах, регулирующих деятельность революционных трибуналов, не было перечисления конкретных преступлений, чтобы, по логике Я. Л. Бермана, ни одно контрреволюционное преступление не осталось безнаказанным [3, с. 22].

Таким образом, в первые годы советской власти тяжесть назначаемых наказаний, включая высшую меру, зависела от обстановки военного положения и военных действий. Кроме того, в периоды военного положения юрисдикция военно-революционных трибуналов распространялась не только на военнослужащих, но и на гражданских лиц [3, с. 27].

Новой властью осознавалась необходимость устранения противоречий в следственно-судебной практике посредством кодификации уголовного права, на что указывают А. А. Сулейманов [18, с. 18], И. В. Упоров и Н. А. Шеуджен [20, с. 68]. Итогом этой работы стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, заложивший основы советского уголовного законодательства и имевший принципиальное значение в его становлении [11, с. 21].

Данный нормативный правовой акт предусматривал дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от совершения преступлений в мирное или военное

время. Так, ряд преступлений против основ советской власти, общественного порядка и воинских преступлений влекли более строгое наказание при совершении в военных условиях.

Принятым в 1924 году общесоюзным Положением о воинских преступлениях почти в точности были восприняты соответствующие по тематике положения УК РСФСР 1922 года. В 1927 году было принято новое расширенное Положение, благодаря которому, по замечанию Ю. П. Оноколова, в годы Великой Отечественной войны уголовное законодательство в данной сфере существенно не изменилось [15, с. 23]. Оба этих акта устанавливали ужесточение наказания вплоть до расстрела за преступления, совершенные в боевой обстановке или в военное время.

Во второй половине 20-х годов прошлого века отношение власти к существующему уголовно-правовому регулированию несколько изменилось. Действующий уголовный закон не мог в полной мере обеспечивать правовую защиту от преступности, и на основании Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года был разработан и введен в действие Уголовный кодекс редакции 1926 года. Данный документ продолжил тенденцию усиления санкций за совершение отдельных преступлений в военной обстановке или в местностях на военном положении.

Впервые в истории российского законодательства появилась законодательно установленная возможность отсрочки исполнения приговора о лишении свободы в отношении военнослужащих с направлением их в действующую армию (примечание № 2 к статье 28 УК РСФСР 1926 года). Данная норма отражала стремление законодателя рационально использовать трудовые ресурсы в период военных действий. Как отмечают исследователи, благодаря этому положению были спасены многие жизни растерявшихся в чрезвычайной обстановке бойцов [23, с. 165]. Таким образом, законодатель проявил практический и гибкий подход к регулированию уголовной ответственности военнослужащих в условиях войны. Приоритетной задачей здесь было сохранение численного состава армии, что достигалось за счет возможности отсрочки наказания в виде лишения свободы. Следует отметить, что данное положение как положительно себя зарекомендовавшее сохранялось и в правовых актах более позднего периода.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года изменялся в течение длительного периода, что,

как отмечают исследователи, свидетельствует о его достаточном техническом совершенстве и о максимальном отражении интересов государственной власти в части применения уголовной репрессии [11, с. 23].

В довоенный период уголовный закон дополняли другие правовые акты, например, о введении уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и от 10 июля 1940 г.), спорность которой отмечается в литературе [16, с. 389]. Особенностей в наказании в связи с условиями мирного или военного времени данные акты не отражали.

Но во время Великой Отечественной войны — ввиду необходимости мобилизации всех имеющихся в государстве сил и средств — нормы УК РСФСР подверглись некоторым изменениям. Например, действие примечания № 2 к статье 28 об отсрочке исполнения приговора и направлении осужденного на фронт Указом Президиума ВС СССР от 27 февраля 1942 г. было распространено на работников железнодорожного и водного транспорта.

Особый интерес представляют изменения, касающиеся исполнения наказаний военными служащими во время войны. Военным советам фронтов, округов и флотов было разрешено освобождать военнопленных (за исключением неблагонадежных и вредных для фронта) из дисциплинарных частей и направлять их на фронт (Приказ с объявлением Указа Президиума ВС СССР от 12 августа 1941 г. № 265). Боевые потери личного состава также восполнялись за счет досрочного освобождения заключенных. В местностях, где было объявлено военное положение, освобождались от отбывания наказания осужденные за нарушения трудовой дисциплины и маловажные бытовые преступления (Указ Президиума ВС СССР от 12 июля 1941 г.). Кроме того, производство по делам лиц, чьи преступления находились в стадии расследования, прекращалось. Позднее круг досрочно освобождаемых был расширен за счет бывших военнопленных, осужденных за незначительные преступления, инвалидов и пожилых.

Одним из инструментов, позволявших эффективно использовать имеющиеся ресурсы, стало формирование штрафных воинских подразделений из осужденных по приговору военных трибуналов и осужденных с отсрочкой исполнения приговора, которые направлялись на фронт для выполнения боевых задач (Приказ НКО СССР № 298

от 28 сентября 1942 г.). Таким образом, данная норма позволяла оптимизировать применение уголовных наказаний путем замены лишения свободы участием в боевых действиях в штрафных батальонах.

В местностях на военном положении предусматривалось оперативное разбирательство уголовных дел военными трибуналами — 24 часа после получения обвинительного заключения (Указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г.). Также военные трибуналы были наделены полномочиями назначать осужденным наказание в виде службы в штрафных воинских подразделениях вместо лишения свободы. Такой подход давал возможность оперативно восполнять потери в рядах действующей армии, а также ужесточать уголовную ответственность за преступления, совершенные в военный период.

Узаконивалось наказание в виде расстрела на месте «паникеров и трусов» за беспорядочное отступление (Приказ НКО СССР от 27 июля 1942 г. № 227), срок расследования при этом составлял 48 часов (Директива Наркомюста СССР, Прокуратуры СССР от 31 июля 1942 г. № 1096).

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны оптимизация уголовного права в условиях военных действий проводилась посредством корректировки норм Уголовного кодекса, в том числе в части распространения действия отсрочки исполнения приговора и направлении осужденного на фронт на работников железнодорожного и водного транспорта, посредством издания указов и постановлений высших органов государственной власти, вводивших новые нормы об уголовной ответственности, посредством ускоренных форм судопроизводства и ужесточения санкций, вплоть до применения высшей меры наказания — расстрела. Позитивная роль этих мер в достижении победы в Великой Отечественной войне отмечается некоторыми учеными [напр.: 15, с. 25; 17, с. 231].

В послевоенный период ввиду существенных изменений социально-экономической и политической сфер потребовался пересмотр действовавших уголовно-правовых норм. Законы военного времени постепенно отменялись, сужался круг лиц, на которых они распространялись. Предпринималась, но не увенчалась успехом, попытка отмены смертной казни с заменой ее на длительное лишение свободы (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г.). Положение о воинских преступлениях 1927 года дополнялось новыми составами, что, как от-

мечает Я. Н. Ермолович, было обусловлено правоприменительной практикой Великой Отечественной войны [9, с. 19]. В целом скорректированные нормы Положения сохранили ужесточение наказания за преступления, совершенные в военное время, а также сохранили меру ответственности — расстрел.

Таким образом, развитие уголовного законодательства в послевоенный период характеризовалось постепенной отменой чрезвычайных мер военного времени, восстановлением прежних правовых норм, а также точечными изменениями, обусловленными трансформациями в политической и социально-экономической сферах и правоприменительной практикой.

Принятие в 1958 году нового советского уголовного законодательства — Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Закона об уголовной ответственности за воинские преступления, Положения о военных трибуналах — стало логичным следствием эволюции советского государства и общества. Этими актами расширялись подходы к регулированию правовых последствий осуждения военнослужащих в условиях военных действий. Среди прочего Основы допускали назначение смертной казни за особо тяжкие преступления в военное время и позволяли отсрочить исполнение приговора к лишению свободы в отношении военнослужащих с направлением их в действующую армию. Также предусматривалась возможность освобождения от наказания или его смягчения по ходатайству военного командования для военнослужащих, проявивших героизм и самоотверженность в бою.

Принятие в 1960 году Уголовного кодекса РСФСР стало закономерным результатом развития советского уголовного законодательства. Данный акт развил положения, установленные в Общесоюзных Основах уголовного законодательства, касающиеся особенностей ответственности военнослужащих в военное время.

Статья 46 УК РСФСР предусматривала возможность отсрочки исполнения приговора к лишению свободы с направлением осужденного военнослужащего или военнообязанного в действующую армию. Суд также мог освободить такого осужденного от наказания или заменить его на более мягкое, если он проявил себя как стойкий защитник Родины. Это позволяло эффективнее использовать трудовые ресурсы и поощрять добросовестное исполнение воинского долга.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года полностью включил в себя Закон СССР 1958 года

«Об уголовной ответственности за воинские преступления», не внося в него существенных изменений. Предусматривалось значительное ужесточение наказаний за преступления, совершаемые в военное время, по сравнению с мирным периодом. Это касалось как воинских преступлений (неповиновение, сопротивление начальнику, дезертирство и др.), так и некоторых государственных преступлений (уклонение от призыва по мобилизации). За многие такие преступления в военное время была установлена смертная казнь. Такая дифференциация ответственности была нацелена на повышение дисциплины и боеспособности Вооруженных Сил в условиях военного конфликта.

Следует отметить, что данные нормы о повышенной ответственности за преступления в военное время демонстрируют преимущество советского уголовного законодательства, сложившюся в предыдущие периоды. При этом высказанное отдельными авторами мнение о распространении на военное время общих отягчающих обстоятельств [7, с. 265] представляется необоснованным, так как противоречит прямым указаниям законодателя.

Следствием смены правовой системы в постсоветский период стал Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года. Однако первоначальная редакция нового УК РФ не устанавливала квалифицированных составов преступлений, связанных с военным положением или боевой обстановкой, в том числе и в отношении воинских преступлений.

Ряд авторов объясняли это тем, что в мирных условиях отсутствуют реальные предпосылки для криминализации характерных для военного времени воинских преступлений [4, с. 130]. Однако другие исследователи критиковали такой подход, указывая на нарушение конституционного принципа недопустимости обратной силы закона, отягчающего ответственность [4, с. 130].

Дискуссии вызывала норма о том, что уголовная ответственность за воинские преступления, совершенные в военное время или в боевой обстановке, должна была устанавливаться отдельным законодательством военного времени (ч. 3 ст. 331 УК РФ). Одни ученые предлагали начать реализацию данной нормы и разработать соответствующий закон [2, с. 42], другие — включить эти нормы в УК РФ [4, с. 130]. В целом заблаговременная подготовка военного законодательства отмечалась как «существенное преимущество» [8, с. 83], однако обстановка мирного времени не способствовала реализации законодателем предложений ученых.

Критике подвергалось несоответствие нормы об установлении уголовной ответственности за воинские преступления, совершенные в военное время или боевой обстановке, конституционному принципу включения в уголовный кодекс всех новых законов, регулирующих ответственность [19, с. 303]. Также высказывались опасения, что наличие двух параллельных законов с нормами об ответственности за аналогичные преступления, но в разных условиях, может привести к сложностям в правоприменительной практике [8, с. 82].

В качестве предложений по совершенствованию законодательства в этой сфере указывалось на необходимость введения новых составов преступлений, характерных для военного времени, таких как мародерство и добровольная сдача в плен [5, с. 35, 36]. Кроме того, предлагалось перенять опыт Великой Отечественной войны и ввести в УК РФ новые виды наказаний, включая ссылку, высылку, а также обязательное применение смертной казни в военное время [5, с. 35].

Отдельно отмечалась необходимость уточнения перечня обстоятельств, отягчающих наказание, в части указания на период мобилизации [8, с. 86].

Напряженная международная обстановка и проведение Россией специальной военной операции ускорили совершенствование норм уголовного законодательства в соответствии с рекомендациями юридической науки. Утратила силу дискуссионная норма о регулировании ответственности за воинские преступления в военное время отдельным законодательством. Вместо этого были установлены квалифицированные составы по ряду воинских преступлений. Перечень отягчающих наказание обстоятельств дополнен совершением преступления в условиях военного положения и сходных режимов. Введено новое основание для освобождения от уголовной ответственности — военная служба в военное время. Установлена возможность отсрочки исполнения приговора к лишению свободы в отношении военнослужащих с направлением их в действующую армию, что напоминает сходное нормативно-правовое регулирование советского периода. Эти изменения отражают последовательный подход законодателя к специфике применения уголовной ответственности в условиях военного времени, оптимизируя назначение наказаний и обеспечивая неотвратимость ответственности.

Таким образом, в условиях введения военного положения на отдельных террито-

риях страны подход к совершенствованию уголовного законодательства приобрел более оперативный, нежели превентивный, характер. Необходимость быстрого реагирования на меняющуюся ситуацию выдвинула на первый план задачу адекватного правового обеспечения мер по пресечению преступных посягательств в военное время, что повлияло на ускорение законотворческих процессов в данной сфере.

Говоря об адаптации советского опыта уголовных мер в военное время для современной России, следует отметить, что в современном российском уголовном праве прослеживается определенный разрыв преемственности с историческим опытом советского уголовного законодательства. Это указывает на отсутствие комплексного подхода к использованию накопленного ранее опыта нормативно-правового обеспечения повышенной уголовной репрессии в интересах защиты национальной безопасности.

Вместе с тем, многие уголовно-правовые меры, применявшиеся в советский период, неприемлемы в современных реалиях либо вызывают серьезные разногласия в обществе и в среде ученых. В частности, дискуссионным остается вопрос о допустимости применения в условиях военного времени смертной казни. Несмотря на то, что применение данного вида наказания в России в настоящее время приостановлено, общество еще не готово к его полной отмене [13, с. 64]. Во время войны государства прибегают к экстраординарным мерам для защиты национальной безопасности, как, например, это практиковалось в Донецкой Народной Республике до ее присоединения к Российской Федерации [14, с. 61], что вызвало дискуссию в научных кругах.

Более близкой автору представляется позиция о недопустимости ссылаться на военное положение для вынесения смертных приговоров [12, с. 93]. Право на жизнь является конституционным правом человека, и его нарушение посредством смертной казни является необратимым. Данный подход основан на приоритете защиты фундаментальных прав личности над чрезвычайными полномочиями государства в период военного времени. Таким образом, автор склоняется к мнению о невозможности применения такой исключительной меры наказания, как смертная казнь, вне зависимости от особых условий, вызванных военной обстановкой. Неприкосновенность права на жизнь должна быть обеспечена государством даже в период вооруженных конфликтов.

Имеются и противоположные мнения: о невозможности отказа от применения смертной казни в военное время ввиду несоразмерности других видов наказаний вине [14, с. 63], о том, что запрет ее применения актуален только в мирное время [22, с. 492].

Сопоставляя цели специальных режимов с целями уголовных наказаний, В. В. Звонов приоритетными называет первые [10, с. 153], отмечая возможность их «взаимного достижения» [10, с. 155]. В развитие мысли данного автора можно предположить, что приоритет военных целей «развязывает руки» законодателя в части применения исключительной меры наказания, однако до настоящего времени этого не произошло.

В целом, неоднозначность данного вопроса обуславливает необходимость его дальнейшего обсуждения и урегулирования при корректировке действующего уголовного законодательства в части адаптации к условиям военного времени.

Сомнительной представляется также интеграция в современное уголовное законодательство дополнительных видов наказаний, применявшихся в советский период военного времени, таких как ссылка и высылка, предложенные В. И. Боевым [5, с. 35]. Данные меры вызывают серьезные вопросы с точки зрения их соответствия актуальным принципам и стандартам защиты прав человека. Во-первых, ссылка и высылка представляют собой ограничения свободы передвижения и выбора места жительства, что может приравниваться к произвольному лишению свободы. Такие меры потенциально способны нарушать гарантированные Конституцией Российской Федерации права и свободы граждан. Во-вторых, предложения о возвращении ссылки и высылки как уголовных наказаний не учитывают произошедшую за последние десятилетия гуманизацию и демократизацию отечественной уголовно-правовой системы, ее сближение с международными стандартами.

Целесообразным представляется закрепление в законодательстве возможности привлечения военнослужащих, осужденных к лишению свободы, к отбыванию наказания в действующей армии. Данный подход, применявшийся в годы Великой Отечественной войны, будет способствовать эффективному использованию кадрового потенциала Вооруженных Сил в военное время. Во-первых, привлечение осужденных военнослужащих к отбыванию наказания непосредственно в действующей армии позволит восполнить нехватку личного состава, вызванную мо-

билизацией и боевыми потерями. Это особенно актуально в условиях масштабного вооруженного конфликта, когда государство нуждается в максимальной концентрации военных ресурсов. Во-вторых, такой подход будет способствовать ресоциализации осужденных военнослужащих, вовлекая их в выполнение воинского долга перед Родиной. Участие в боевых действиях может выступить в качестве эффективной меры исправления, пробуждающей чувство патриотизма и ответственности. В-третьих, практика привлечения осужденных военнослужащих к службе в действующей армии была успешно апробирована в годы Великой Отечественной войны. Она показала свою военно-мобилизационную и правоохранительную эффективность в условиях экстремальной угрозы национальной безопасности.

Таким образом, закрепление данного подхода в современном российском законодательстве будет способствовать рациональному использованию кадровых ресурсов Вооруженных Сил, а также ресоциализации осужденных военнослужащих в интересах обеспечения национальной обороны в военное время.

Представляется оправданным изучение практики применения советскими судами при рассмотрении дел о воинских преступлениях сокращенных сроков расследования и упрощенных процедур судопроизводства и адаптация ее к современным реалиям.

Во-первых, в условиях военного времени, когда государству необходимо оперативно реагировать на угрозы национальной безопасности, сокращение сроков расследования и упрощение судебных процедур будет способствовать своевременному рассмотрению дел о воинских преступлениях. Это крайне важно, учитывая повышенную общественную опасность таких деяний в условиях вооруженного конфликта.

Во-вторых, исторический опыт применения указанных подходов в советской судебной практике показал их эффективность в обеспечении правопорядка и дисциплины в Вооруженных Силах в чрезвычайных условиях военного времени.

Вместе с тем, необходимо учитывать достигнутый уровень гарантий прав человека и соблюдения принципов справедливого судебного разбирательства. Следует найти баланс между оперативностью правосудия и недопустимостью нарушения фундаментальных прав лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Специальная военная операция обусловила соответствующую модернизацию УК РФ.

Проведенный анализ демонстрирует, что адаптация отдельных элементов советского опыта применения уголовных мер в военное время может быть оправданна и полезна для современной России. Расширение перечняотягчающих обстоятельств, связанных с военными действиями и периодом мобилизации, показывает, что учтены как советский опыт установления более строгих мер ответственности за воинские преступления, совершенные в условиях военного положения, так и рекомендации юридической науки. Это обусловлено повышением в таких условиях степени общественной опасности преступлений, поскольку они, во-первых, способны нанести серьезный ущерб устойчивому функционированию органов государственной власти, жизненно важных отраслей экономики, социальной сферы. Это негативно отражается на способности государства мобилизовать и эффективно использовать ресурсы для отражения внешней агрессии. Во-вторых, в условиях военного времени повышается уязвимость гражданского населения, подвергающегося различным рискам, связанным с боевыми действиями. Совершение преступлений в данных условиях зачастую приводит к более тяжким последствиям и повышает степень страданий жертв. В-третьих, нарушение общественного порядка и совершение преступлений в период военного конфликта подрывают моральный дух граждан, деморализуют общество, что крайне нежелательно с точки зрения консолидации нации для отпора внешнему врагу.

Таким образом, расширение перечняотягчающих обстоятельств в уголовном законодательстве свидетельствует о том, что наработки советского периода в области ужесточения мер наказания за воинские преступления, совершаемые в особых условиях военного времени, нашли свое отражение в современной правовой системе.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Тщательный анализ исторического опыта в сочетании с теоретическими разработками ученых-правоведов способен обогатить действующую нормативно-правовую базу, сделав ее более адаптированной к условиям военного времени. Анализ советского опыта применения уголовных мер в военное время показывает, что некоторые его элементы могут быть целесообразны в современных российских реалиях. При этом необходимо исключить применение наиболее жестких санкций, таких как смертная казнь, ссылка и высылка, которые противоречат современным стандартам защиты прав человека.

В то же время, изучение и внедрение некоторых других советских практик, например, ускоренное судопроизводство по делам о воинских преступлениях, возможность привлечения военнослужащих, осужденных к лишению свободы, к отбыванию наказания в действующей армии представляется оправданным и способным повысить эффективность уголовной юстиции в чрезвычайных условиях.

Данные меры позволят обеспечить оперативное рассмотрение дел, сохранение боеспособности Вооруженных Сил за счет сокращения числа военнослужащих, отбывающих наказание в тылу, а также усилить ответственность за преступления, способные нанести серьезный ущерб обороноспособности страны.

Комплексное использование данных подходов позволит усилить превентивный и карательный потенциал уголовного права в условиях военного времени, обеспечив неотвратимость ответственности за совершение воинских преступлений. Вместе с тем, нельзя сбрасывать со счетов развитие юридической науки и появление новых научных концепций, которые могут послужить основой для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в современных геополитических реалиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агузаров Т. К. Охрана власти по некодифицированному революционному уголовному законодательству России // *Lex Russica (Русский закон)*. — 2012. — Т. 71, № 1. — С. 5–25.
2. Ахметшин Х. М. Преступления против военной службы // *Российская юстиция*. — 1997. — № 5. — С. 42–44.
3. Берман Я. Л. Очерки по истории судоустройства Р.С.Ф.С.Р. — Москва : Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. — 71 с.
4. Бодаевский В. П. Формирование уголовного права военного времени // *Труды Института государства и права Российской академии наук = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. — 2022. — Т. 17, № 2. — С. 128–154. — DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-bodaevskiy.
5. Боев В. И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — Москва, 2008. — 39 с.
6. Данишевский К. Х. Революционные военные трибуналы. — Москва : Реввоен трибунал Республики, 1920. — 62 с.
7. Добряков Д. А. К вопросу об усилении уголовной ответственности за совершение преступления в условиях вооруженного конфликта // *Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 21–22 апр. 2023 г.* — Чебоксары : Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2023. — С. 262–267.
8. Ермолович Я. Н. О признании совершения преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий обстоятельством, отягчающим наказание // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. — 2017. — № 5 (238). — С. 81–86.
9. Ермолович Я. Н. Развитие военно-уголовного законодательства в послевоенный период (1945–1960 гг.) // *Военно-исторический журнал*. — 2022. — № 4. — С. 16–23.
10. Звонов А. В. Цели уголовного наказания в условиях введения чрезвычайного или военного положений // *Актуальные проблемы публичного права*. Вып. 8 : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Владимир, 24–25 мая 2018 г. / под ред. О. Н. Дядькина [и др.]. — Владимир : Шерлок-Пресс, 2018. — С. 152–156.
11. Калашникова А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Казань, 2009. — 26 с.
12. Кашпер А. А. Смертная казнь в Донецкой Народной Республике: особенности назначения и исполнения // *Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф.* — Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. — Т. 1, ч. 1. — С. 92–94.
13. Крайнова Н. А. Уголовное наказание в системе противодействия преступности: новые подходы к традиционным институтам // *Журнал правовых и экономических исследований*. — 2020. — № 2. — С. 63–71.
14. Мельниченко Ю. С. Применение смертной казни в Донецкой Народной Республике в условиях военного времени // *Право и правосознание в период вооруженных конфликтов*. — 2022. — № 5. — С. 54–64.
15. Оноколов Ю. П. Развитие военно-уголовного законодательства в советский период // *Военно-юридический журнал*. — 2010. — № 7. — С. 22–26.
16. Пашкин А. Г. К вопросу о деятельности органов прокуратуры и суда в условиях введения уголовной ответственности за нарушения трудовой дисциплины в предвоенный период (на материалах Среднего Поволжья) // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. — 2022. — Т. 22, № 4 (60). — С. 387–401. — DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.387–401.
17. Реент Ю. А. Пенитенциарная система и штрафные воинские части: преступление и искупление вины в период Великой Отечественной войны // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. — 2020. — Т. 25, № 186. — С. 224–233. — DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-186-224-233.
18. Сулейманов А. А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Москва, 2007. — 26 с.
19. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения / Т. П. Бутенко, Д. В. Горбань, Ф. В. Грушин [и др.]. — 4-е изд-е, испр. и доп. — Москва : Ред. журн. «Российский криминологический взгляд», 2022. — 408 с.
20. Упоров И. В., Шеуджен Н. А. УК РСФСР 1922 года: к 100-летию первого советского уголовного закона // *Общество и право*. — 2022. — № 3 (81). — С. 68–73.
21. Федоренко С. А. Правовое регулирование деятельности революционных трибуналов при проведении красного террора в годы гражданской войны // *Общество и право*. — 2007. — № 4 (18). — С. 52–55.
22. Цапанова С. С. К вопросу реализации уголовных наказаний в условиях введения военного положения // *Актуальные проблемы публичного права : сб. науч. тр. 2-й Междунар. науч.-практ. конф.* — Владимир : Шерлок-Пресс, 2021. — С. 491–493.
23. Шатковская Т. В. Война и право: о подвиге советских юристов в годы Великой Отечественной войны // *Северо-Кавказский юридический вестник*. — 2020. — № 2. — С. 164–169.

REFERENCES

1. Aguzarov T. K. Protection of Power Under the Uncodified Revolutionary Criminal Legislation of Russia. *Lex Russica*, 2012, vol. 71, no. 1, pp. 5–25. (In Russian).
2. Akhmetshin Kh. M. Crimes Against Military Service. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 1997, no. 5, pp. 42–44. (In Russian).
3. Berman Ya. L. *Ocherki po istorii sudoustroistva R.S.F.S.R.* [Essays on the History of the Judicial System of the R.S.F.S.R.]. Moscow, Narkomyust Publ., 1923. 71 p.
4. Bodaevskiy V. P. The Formation of Criminal Law of Wartime. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 128–154. (In Russian). DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-bodaevskiy.
5. Boev V. I. *Mekhanizm ugolovno-pravovogo regulirovaniya rezhima voennogo polozheniya: spetsialnost. Avtoref. Dokt. Diss.* [The Mechanism of Criminal Law Regulation of the Martial Law Regime. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2008. 39 p.
6. Danishevskii K. Kh. *Revolutsionnye voennye tribunaly* [Revolutionary Military Tribunals]. Moscow, Revvoentribunal Respubliki Publ., 1920. 62 p.
7. Dobryakov D. A. On the Issue of Strengthening Criminal Liability for the Commission of a Crime in an Armed Conflict. *Obrazovanie, vospitanie i pravo v kontekste globalnykh vyzovov. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Cheboksary 21–22 aprelya 2023 g.* [Education, Upbringing and Law in the Context of Global Challenges. Materials of International Research Conference, Cheboksary, 21–22 April 2023]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2023, pp. 262–267. (In Russian).
8. Yermolovich Ya. N. On the recognition of the commission of a crime in conditions of armed conflict or military actions by circumstances aggravating the sentence. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voennopravovoe obozrenie = Law In The Armed Forces – Military-Legal Review*, 2017, no. 5 (238), pp. 81–86. (In Russian).
9. Yermolovich Ya. N. Progress in military penal legislation after the war (1945–1960). *Voennostoricheskii zhurnal = Military Historical Journal*, 2022, no. 4, pp. 16–23. (In Russian).
10. Zvonov A. V. The Purpose of Criminal Punishment in the Context of the Introduction of Emergency or Martial Law. In Dyadkin O. N. et al. (eds). *Aktualnye problemy publichnogo prava. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vladimir, 24–25 maya 2018 g.* [Current Problems of Public Law. Materials of International Research Conference, Vladimir, 24–25 May 2023]. Vladimir, Sherlok-Press, 2018, pp. 152–156. (In Russian).
11. Kalashnikova A. I. *Ugolovnyi kodeks RSFSR 1926 goda: kontseptualnye osnovy i obshchaya kharakteristika. Avtoref. Kand. Diss.* [The Criminal Code of the RSFSR of 1926: Conceptual Foundations and General Characteristics. Cand. Diss. Thesis]. Kazan, 2009. 26 p.
12. Kashper A. A. The Death Penalty in the Donetsk People's Republic: Features of Appointment And Execution. *Penitentsiarnaya bezopasnost: natsionalnye traditsii i zarubezhnyi opyt. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Penitentiary Security: National Traditions and Foreign Experience. Materials of International Research Conference]. Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., 2019, vol. 1, pt. 1, pp. 92–94. (In Russian).
13. Krainova N. A. Criminal Penalty in the System of Countering Crime: New Approaches to Traditional Institutions. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Studies*, 2020, no. 2, pp. 63–71. (In Russian).
14. Melnichenko Yu. S. The Use of the Death Penalty in the Donetsk People's Republic in Wartime Conditions. *Pravo i pravosoznanie v period vooruzhennykh konfliktov = Law and legal awareness during armed conflicts*, 2022, no. 5, pp. 54–64. (In Russian).
15. Onokolov Yu. P. The Development of Military Criminal Legislation in The Soviet Period. *Voennoyuridicheskii zhurnal = Military-law Journal*, 2010, no. 7, pp. 22–26. (In Russian).
16. Pashkin A. G. On the issue of the activities of the Prosecutor's office and the court in the context of the introduction of criminal liability for violations of labor discipline in the pre-war period (based on the materials of the Middle Volga region). *Gumanitarian: aktualnye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 387–401. (In Russian). DOI: 10.15507/20789823.060.022.202204.387-401.
17. Reyent Yu. A. The penal system and penal military units: crime and expiation of guilt during the Great Patriotic War. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 186, pp. 224–233. (In Russian). DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-186-224-233.
18. Suleimanov A. A. *Ugolovnyi kodeks RSFSR 1922 g.: kontseptualnye osnovy i obshchaya kharakteristika. Avtoref. Kand. Diss.* [The Criminal Code of the RSFSR of 1922: Conceptual Foundations and General Characteristics. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2007. 26 p.
19. Butenko T. P., Gorban D. V., Grushin F. V. et al. *Ugolovno-ispolnitelnoe zakonodatelstvo v usloviyakh stikhiinogo bedstviya, vvedeniya chrezvychainogo ili voennogo polozheniya* [Penal Enforcement Legislation in the Context of a Natural Disaster, the Imposition of a State of Emergency or Martial Law]. 4th ed. Moscow, Russian criminological outlook Publ., 2022. 408 p.

20. Uporov I. V., Sheujen N. A. RSFSR Criminal Code of 1922: on the 100th anniversary of the first. *Obshchestvo i pravo = Society and law*, 2022, no. 3 (81), pp. 68 – 73. (In Russian).

21. Fedorenko S. A. Legal Regulation of the Activities of Revolutionary Tribunals During the Red Terror During the Civil War. *Obshchestvo i pravo = Society and law*, 2007, no. 4 (18), pp. 52 – 55. (In Russian).

22. Tsapanova S. S. On the Issue Of The Implementation Of Criminal Penalties In The Conditions Of Martial Law. *Aktualnye problemy publichnogo prava. Materialy 2-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current Problems of Public Law. Materials of the 2nd International Research Conference]. Vladimir, Sherlok-Press, 2021, pp. 491 – 493. (In Russian).

23. Shatkovskaya T. V. War and Law: On the feat of soviet lawyers during the Great Patriotic War. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, 2020, no. 2, pp. 164 – 169. (In Russian). DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-2-164-169.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маричева Ольга Викторовна (Благовещенск) – аспирант кафедры теории и истории государства и права Амурского государственного университета (675004, Россия, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21, e-mail: olia.maricheva@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maricheva, Olga V. (Blagoveshchensk) – Postgraduate Student of the Theory and History of the State and Law Department, Amur State University (21 Ignatievskoe shosse, Blagoveshchensk, 675004, Russia, e-mail: olia.maricheva@yandex.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.911

К. А. Зарубина

*Юго-Западный государственный университет,
Курск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2725-6906
ResearcherID: rid84985*

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАНТАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 83 — 91.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.9.
Дата поступления 19.07.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

Вопросы детерминирования преступной деятельности в криминологической науке являются одними из самых дискуссионных, поскольку единого мнения относительно влияния конкретных причин, факторов и условий на рост преступности, в целом, и отдельных её разновидностей, в частности, до настоящего времени не выработано. И особо спорным является определение детерминант роста наиболее опасных разновидностей преступной деятельности, таких как профессиональная преступность. В данном исследовании была предпринята попытка анализа детерминант, обуславливающих рост криминального профессионализма в современной России. Определено, что детерминанты профессиональной преступности по характеру формирования систематичности преступной деятельности как одного из ключевых признаков криминального профессионализма можно разделить на две группы: детерминанты, обуславливающие совершение первого преступления преступником-профессионалом; детерминанты, продуцирующие совершение таким лицом преступлений на постоянной основе. Уточнено, что первая группа детерминант относится к категории «традиционных», свойственных разным видам преступной деятельности, в то время как специальные детерминанты влияют именно на становление личности профессионального преступника после совершения им первого преступления. Проведён анализ отдельных специальных детерминант, обуславливающих совершение преступлений повторно (на профессиональной основе).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Детерминанты преступности; профессиональная преступность; криминальный профессионализм; криминальная субкультура; постпенитенциарный контроль.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зарубина К. А. К вопросу о детерминантах профессиональной преступности в современной России // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 83 — 91. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.9.

ON THE ISSUE OF DETERMINANTS PROFESSIONAL CRIME IN MODERN RUSSIA

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 83 – 91.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.9.
Received 19.07.2024, accepted 09.09.2024, available online 30.09.2024.

ABSTRACT

The issues of determining criminal activity in criminological science are among the most controversial, since no consensus has been developed so far on the influence of specific causes, factors and conditions on the growth of crime in general and its individual varieties, in particular. And it is particularly controversial to determine the determinants of the growth of the most dangerous types of criminal activity, such as professional crime. In this study, an attempt was made to analyze the determinants that determine the growth of criminal professionalism in modern Russia. It is determined that the determinants of professional crime by the nature of the formation of systematic criminal activity, as one of the key signs of criminal professionalism, can be divided into two groups: determinants that cause the commission of the first crime by a professional criminal; determinants that produce the commission of crimes by such a person on an ongoing basis. It is clarified that the first group of determinants belongs to the «category» of «traditional», peculiar to different types of criminal activity, while special determinants affect the formation of the personality of a professional criminal after committing his first crime. In continuation, the analysis of certain special determinants that cause the commission of crimes repeatedly (on a professional basis) was carried out.

KEYWORDS

Determinants of crime; occupational crime; criminal professionalism; criminal subculture; post-penitentiary control.

FOR CITATION

Zarubina K. A. On the Issue of the Determinants of Professional Crime in Modern Russia. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 83 – 91. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.9.

ACKNOWLEDGEMENTS

The research work was prepared within the framework of the state assignment for 2024 «Transformation of Private and Public Law in the Context of an Evolving Individual, Society and State» (number 0851-20200033).

Согласно устоявшейся в криминологической науке точке зрения, криминальный профессионализм представляет собой особый вид преступной деятельности, являющейся для субъекта совершения преступлений источником средств существования, требующей необходимых преступных знаний, умений и навыков и обуславливающей наличие контактов с антиобщественной средой [7, с. 21 – 31]. Так, в настоящее время криминальный профессионализм и в целом профессиональная преступность характеризуются рядом признаков, таких как восприятие преступной деятельности в качестве средства для извлечения дохода, наличие криминальной специализации, квалификации и связей с преступной средой, необходимых для совершения преступлений [6, с. 13 – 17]. Вследствие этого можно заключить, что профессиональная преступность качественно отличается от других видов преступности, что позволяет говорить о самостоятельном причинном комплексе данного вида преступлений.

Причинный комплекс профессиональной преступности, по справедливому замечанию профессора В. И. Омигова, является весьма многообразным [12, с. 54 – 58]. Однако ввиду того, что профессиональная преступная деятельность характеризуется систематичностью, постоянством и особой протяжённостью во времени, причины, факторы и условия роста криминального профессионализма существенно отличаются от детерминант других видов преступности. Вследствие того, что преступная деятельность корыстной и (или) корыстно-насильственной направленности приобретает профессиональный характер именно в результате своей систематичности, повторности, условно детерминанты профессиональной преступности можно разделить на две группы.

В первую группу входят «традиционные» детерминанты преступной деятельности, обуславливающие совершение преступником его первого преступления, поскольку без совершения первого преступления лицо никогда не совершит второе, третье, четвёртое и т. д., а значит, и не приобретёт необходимые криминальные знания, умения и навыки — криминальную специализацию и квалификацию. В эту группу детерминант можно включить противоречия в сфере экономических отношений, низкий уровень доходов населения, безработицу, социальное неравенство, утрату населением традиционных духовно-нравственных ценностей, недостатки системы воспитания и т. д. Указанные детерминанты хорошо изучены криминологической наукой и влияют в целом на рост общеуголовной, а

не только профессиональной преступности в стране. В этой связи стоит подчеркнуть, что именно профессиональный характер преступная деятельность приобретает в результате влияния другой группы детерминант — специального причинного комплекса, обуславливающего совершение преступления не разово, а систематически — продолжение криминальной деятельности с целью извлечения дохода на постоянной основе. Эта группа детерминант, в свою очередь, является недостаточно изученной, что также определяет актуальность представленного исследования, вследствие чего считаем необходимым сосредоточить своё внимание именно на данном причинном комплексе.

Итак, в качестве одной из ключевых детерминант роста этого вида преступности, в первую очередь, выделим отсутствие надёжных правовых, организационно-управленческих и иных механизмов защиты от преступных посягательств «профессионалов», в том числе недостатки действующего законодательства РФ, регулирующего вопросы привлечения к уголовной ответственности преступников-профессионалов и назначения им наказания, соизмеримого с характером и степенью общественной опасности совершаемых ими преступлений. Полагаем, что отсутствие надлежащих механизмов защиты от таких общественно опасных посягательств в сознании лиц, уже ставших на преступный путь, создаёт ощущение безнаказанности и беспрепятственности продолжения осуществления такой антиобщественной деятельности, способствует укреплению и росту криминального профессионализма при совершении каждого последующего преступления. Многие современные учёные также выделяют существование обозначенной проблемы. Так, например, Н. С. Забелич и А. А. Артемьев, справедливо отмечают, что в настоящее время в России нет стройной, разработанной системы мероприятий, охватывающих всю проблему профилактики профессиональной преступности, а планируемые правоохранительными органами отдельные мероприятия не имеют комплексного характера и не всегда согласовываются с органами юстиции, прокуратуры, иными государственными органами, что влияет на рост указанной разновидности преступности [3, с. 72 – 74]. Другие исследователи также отмечают, что правоприменительная деятельность современных органов внутренних дел требует сегодня улучшения, указывая, что каждый третий случай грабежа, разбоя своевременно не раскрывается, в результате чего виновные продолжают совершать преступления, «наращивая» криминальный опыт [10,

с. 49–53]. Иные большее внимание уделяют недостаткам правовых мер противодействия профессиональной преступности, например, выделяя отсутствие в действующем УК РФ «специальной статьи» для преступников-профессионалов, а равно и специального перечня преступлений, подпадающих под определение понятия профессиональной преступной деятельности [4, с. 102–104].

Как видим, мнения отдельных современных исследователей подтверждают нашу точку зрения. Вследствие чего укажем, что отсутствие надёжных правовых, организационно-управленческих и иных механизмов защиты от преступных посягательств «профессионалов», в том числе недостатки действующего законодательства РФ, регулирующего вопросы привлечения к уголовной ответственности преступников-профессионалов и назначения им наказания, соизмеримого с характером и степенью общественной опасности совершаемых ими преступлений, можно выделить в качестве специальной детерминанты, продвигующей дальнейшее продолжение совершения преступных посягательств. В связи с этим подчеркнём особую актуальность разработки системы надлежащего контроля за такой общественно опасной деятельностью во избежание наращивания данными лицами криминального опыта и создания ситуации безнаказанности и вседозволенности в сознании таких преступников.

Следующей детерминантой роста криминального профессионализма можно назвать высокую прибыльность некоторых преступных промыслов, покрывающей риски и издержки от совершения преступлений. В настоящее время в обществе активно пропагандируется культ потребления, вследствие чего граждане активно стремятся получать не просто прибыль, позволяющую удовлетворять первичные потребности (например, потребность в пище, одежде, жилье), а сверхприбыль для роскошного образа жизни, совершения дорогостоящих покупок, оплаты ненужных приобретений и т.д. Поддаваясь на продвижение культа потребления посредством средств массовой информации и интернета, далеко не все лица выбирают законный путь получения дохода. Профессор А. И. Гуров ещё в 1990-е гг. подчеркнул, что, начиная с 80-х гг. XX в. материальный ущерб, причинённый преступной деятельностью «профессионалов», стал огромным, а преступники-профессионалы стали вести крайне расточительный образ жизни, вследствие чего портрет типичного профессионального преступника изменился [8]. Подчеркнем, что сегодня эта особо ярко выраженная корыстная мотивация деятельно-

сти преступников-профессионалов «отягощается» ситуацией, когда доходы от некоторых видов преступных промыслов значительно «покрывают» «риски» и «издержки» от совершения преступлений, вследствие чего лица, склонные к совершению преступлений, всё чаще выбирают опасный противозаконный путь получения доходов, определяя для себя выгоду даже в случае неблагоприятного исхода событий и обнаружения себя правоохранительными органами.

В качестве примера приведём дело о незаконной рубке леса, совершённой в особо крупном размере в составе организованной группы при следующих обстоятельствах. Гражданин Ф., ранее судимый (а значит, имеющий «опыт» взаимодействия с правоохранительными органами), осознавая, что незаконная рубка леса принесёт значительную прибыль, создал организованную преступную группу, состоящую из трёх лиц. Согласно материалам следствия, данные лица понимали противоправность осуществляемых деяний и оценивали риски быть задержанными сотрудниками полиции либо работниками лесного отдела во время совершения преступлений, однако значительная прибыль от данной общественно опасной деятельности воспринималась ими как средство минимизации рисков и издержек. В результате граждане, применяя криминальные навыки и умения, совершили шесть преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ, что указывает на профессиональный характер преступной деятельности, и были осуждены¹.

Другой пример — дело о сбыте наркотических средств, осуществляемом на постоянной основе (систематически) с целью извлечения дохода группой лиц, где несколько граждан могли бы «проходить» по данному делу в качестве возможных «закладчиков», однако по сообщениям правоохранительных органов отказались от вовлечения в противозаконную деятельность, мотивируя это тем, что занятие этим опасным криминальным промыслом связано с большим риском лишения свободы и малой оплатой, что не удовлетворяет их интересы (приговор Пролетарского районного суда г. Твери № 1-210/2020 от 11 ноября 2020 г. по делу № 1-210/2020)².

¹ Приговор Котельничского районного суда (Кировская область) № 1-3/50/2018 от 8 ноября 2018 г. по делу № 1-3/50/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oP4fmuP2X8Vp/> (дата обращения: 09.07.2024).

² URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3cPGYtZWnzdb/> (дата обращения 09.07.2024).

Как видим, малоприбыльные криминальные промыслы сегодня меньше интересуют «потенциальных» профессиональных преступников (как во втором примере), в то время как преступные промыслы, позволяющие получать значительную прибыль, более «популярны», и связано это, в первую очередь, с рисками и издержками, возникающими в процессе занятия такой общественно опасной деятельностью. Неслучайно к типичным чертам личности отдельных преступников-профессионалов некоторые современные исследователи сегодня относят личную рациональность и расчётливость, выражающиеся в оптимальной оценке рисков от совершения преступлений и результатов достижения преступных целей [14, с. 94 – 95], что также подтверждает обозначенную точку зрения.

В итоге высокая прибыльность отдельных криминальных промыслов «порывает» риски и издержки от преступной деятельности, вовлекая лиц в условиях активной пропаганды культа потребления к осуществлению криминальной деятельности на постоянной основе. Так, данное обстоятельство способствует вовлечению лиц не просто в преступную, а профессиональную преступную деятельность.

Также в качестве специальных детерминант развития профессиональной преступности выделим трудности в достижении исправительных целей наказания, реализуемых в существующей уголовно-исполнительной системе, а также недостатки системы постепенционного контроля, действующей в отношении освободившихся из мест лишения свободы профессиональных преступников. Общеизвестно, что обладая высокой степенью неуязвимости к уголовному преследованию, многие преступники-профессионалы, совершив множество преступлений вследствие различных обстоятельств всё же оказываются в местах лишения свободы. При этом в отношении данной категории осуждённых достижение исправительных целей наказания достаточно затруднительно. Освободившись из места заключения, многие из них возвращаются к преступному образу жизни, нередко становясь профессиональными преступниками. Так, согласно данным отдельных криминологических исследований, более 87% рецидивистов, вышедших на свободу, возобновляют связи с криминальной средой [6, с. 13 – 17], а удельный вес ранее судимых лиц среди лиц, совершивших преступления, в среднем, составляет 30 %³.

³ Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/6/> (дата обращения: 24.06.2024).

В связи с этим укажем, что в отношении преступников-профессионалов достижение исправительных целей наказания особо актуально, поскольку длительность и суровость мер наказания, низкая оплата, подневольный труд и многое другое чаще всего не способствуют исправлению таких преступников. По справедливому замечанию отдельных исследователей, в действующей системе исправительных учреждений уделяется мало внимания перевоспитанию таких осуждённых, а его длительная изоляция от общества в ещё большей мере способствует разрушению социально полезных связей, привыканию к режиму и жизни в окружении уголовников. Так, уголовное наказание в виде лишения свободы в деле противодействия профессиональной преступности и исправления преступников-профессионалов обладает ограниченными возможностями, а ужесточение наказаний за повторность преступной деятельности, в целом, оправдывается не исправительными целями, а требованиями формальной справедливости [2, с. 100 – 104]. Кроме того, подчеркнём, что длительное пребывание осуждённых к лишению свободы лиц среди «тюремного населения» не просто не меняет их мышление, но и значительно криминализует, вовлекая единожды «оступившихся» в ряды профессиональных преступников [5, с. 38 – 41].

Так, освободившись из мест лишения свободы, велика вероятность продолжения данными лицами ведения преступного образа жизни, ввиду чего находим важным должное «сопровождение» осуждённых в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Отдельно выделим важность ресоциализации профессиональных преступников, освободившихся из мест лишения свободы. Анализируя данную проблему, можно привести пример гражданина Н., прекратившего после Великой Отечественной войны заниматься преступной деятельностью (ранее был неоднократно судим) и вернувшегося к криминалу вследствие того, что на свободе мужчина не смог трудоустроиться и найти постоянный законный источник дохода [17, с. 107 – 114]. Или из современности: дело профессионального вора, гражданина Н., который уже будучи неоднократно судимым за тайные хищения чужого имущества, ввиду недостатка денежных средств после освобождения из мест лишения свободы по причине отсутствия работы и официального источника дохода (согласно материалам следствия, подсудимый не смог трудоустроиться из-за судимости, а также из-за пандемии коронавируса, а близкие родственники не оказали ему материальную поддержку) продолжил совершать кражи, вследствие

чего повторно оказался в местах лишения свободы⁴.

Подытоживая ранее сказанное, соглашаясь с мнением исследователя В. С. Шабалы, подчеркнём, что именно в период отбывания наказания, в основном, в виде лишения свободы, а также во время адаптации к новым условиям жизни после освобождения, зачастую, формируется личность профессионального преступника [16, с. 154–157], что прямо указывает на важность работы над системой адаптации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, к нормальным жизненным условиям, а также совершенствования работы всей системы уголовно-исправительных учреждений, в целом, а недостатки в работе данных систем, в свою очередь, определяются как детерминанты профессиональной преступности.

Отдельно в качестве специальных детерминант роста криминального профессионализма выделим подмену традиционных культурных норм и ценностей в обществе обычаями криминальной среды, что обуславливает психологическую деформацию неустойчивых для общества элементов, увеличивая вероятность их вовлечения профессиональную преступную деятельность (поскольку именно преступники-профессионалы являются «носителями» ценностей и норм криминальной субкультуры).

В качестве примера активного вовлечения в профессиональную преступную деятельность посредством приобщения к ценностям и нормам криминальной субкультуры можно привести распространение движения «Арестантского уголовного единства», «Арестантско-уркаганского единства» или объединения «Арестантский уклад един» (далее — АУЕ, международное общественное движение, признанное экстремистским, деятельность которого на территории России запрещена согласно решению Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. и дополнительному решению от 2 октября 2020 г.)⁵, представители которого активно поддержи-

вают и пропагандируют идеологию уголовной «романтики», криминальную субкультуру. Связь объединений АУЕ и профессионального криминального мира проявляется в использовании представителей этого движения внешней атрибутики «профессионалов» (символа «воров в законе», так называемой, «звезды воров» — восьмиконечной «розы ветров», которую ещё в советское время «набивали» себе на тело особо уважаемые криминальные авторитеты), правил поведения и принципов жизни профессиональных преступников (отрицание несения ответственности за совершение преступлений, негативное отношение к труду и власти) [11, с. 107–111], схожей иерархии соподчинённости в группировке (к примеру, в объединениях АУЕ есть «старшие», занимающиеся руководством группировки и сбором «общака», «близкие» лидера, «бойцы», обеспечивающие прикрытие различных вымогательств, «знающие» — помощники «бойцов» и другие [13, с. 99–103]).

О связи объединений АУЕ с профессиональным преступным сообществом свидетельствует современная судебная практика по уголовным делам. Так, в апреле 2023 г. в г. Екатеринбурге был вынесен обвинительный приговор по делу о создании в исправительной колонии ячейки АУЕ. Некто гражданин К. и его подельник А. обвинялись в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210.1 (занятие высшего положения в преступной иерархии), ч. 1, 2 ст. 282.2 (организация и участие в деятельности организации, осуществляющей экстремистскую деятельность) и ст. 321 (применение насилия, не опасного для жизни и здоровья осужденного, из мести за оказанное им содействие администрации учреждения, организованной группой) УК РФ. Гражданин К. имел «титул» «положенца» в преступном мире, а гражданин А. — «смотрящего». При этом данные лица активно распространяли криминальные ценности, поддерживаемые представителями движения АУЕ⁶, что в очередной раз подчёркивает тесные связи профессиональной преступности и данного движения.

Отдельно подчеркнём, что распространение движения АУЕ, вовлечение в него новых членов и пропаганда ценностей и норм криминальной субкультуры активно происходит как раз через сеть «Интернет». Так, только в социальной сети «ВКонтакте» по представлению Генеральной прокуратуры России к 2017 г. были

⁴ Приговор Ангарского городского суда Иркутской области № 1-1126/2020 от 15 октября 2020 г. по делу № 1-1126/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hGOy3hPlmAlt/> (дата обращения: 09.07.2024).

⁵ См. : Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиции Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 12.07.2024).

⁶ Организатор задержался в колонии // Коммерсант. 2023. 4 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926423> (дата обращения: 03.06.2024).

заблокированы 8 групп, в которых активно культивировались криминальные ценности АУЕ с общим числом подписчиков более 1 млн. человек [1, с. 183]. Некоторые отмечают, что и сегодня насчитываются десятки подобных пабликов [9, с. 151 – 155]. А согласно данным отдельных контент-исследований в некоторых социальных сетях в настоящее время обнаружено более 340 тыс. публикаций с хэштэгом #ауе [15, с. 322 – 329].

В связи с этим считаем, что в определенной степени попустительское отношение к процессам распространения ценностей и норм криминальной субкультуры также обуславливает рост криминального профессионализма, поскольку именно криминальная субкультура позволяет «изнутри» проникнуть в профессиональный преступный мир посредством восприятия криминальной идеологии и, приобщившись к этим нормам и принципам жизни, встать на преступный путь «профессионала». Вследствие этого считаем необходимым выделить в качестве специальных детерминант роста криминального профессионализма подмену традиционных культурных норм и ценностей в обществе обычаями преступной среды и распространение и утверждение ценностей и норм криминальной субкультуры в обществе с помощью разных способов.

Таким образом, общеуголовная преступная деятельность перерастает в профессиональную благодаря не столько ввиду влияния «традиционных» причин, факторов и условий преступности, в разной степени способствующих совершению преступлений (безработица, социальное неравенство, низкий уровень правовой грамотности и т.д.), сколько из-за воздействия специальных детерминант роста криминального профессионализма. К таким специальным детерминантам можно отнести следующие:

– высокая прибыльность некоторых преступных промыслов, покрывающая «риски» и «издержки» от совершения преступлений;

– отсутствие надёжных правовых, организационно-управленческих, технических и иных механизмов защиты от преступных посягательств «профессионалов» (в том числе недостатки действующего уголовного законодательства РФ, регулирующего вопросы привлечения к ответственности преступников-профессионалов и назначения им наказания соизмеримого с характером и степенью общественной опасности совершаемых преступлений);

– трудности в достижении исправительных целей наказания, реализуемых в существующей уголовно-исполнительной системе;

– недостаточно эффективная система постпенитенциарного контроля, действующая в отношении освободившихся из мест лишения свободы профессиональных преступников;

– подмена традиционных культурных норм и ценностей в обществе обычаями преступной среды и распространение и утверждение ценностей и норм криминальной субкультуры, являющейся «идеологической основой» самовоспроизводства профессиональной преступности.

Вследствие этого считаем, что при разработке мер противодействия рассматриваемому виду преступности необходимо особое внимание уделять именно данным детерминантам, принимая их за «основу» при решении стратегической задачи противодействия профессиональной преступности, поскольку только в этом случае возможно выстраивание, действительно, эффективной системы борьбы с профессиональной преступной деятельностью, представляющей реальную опасность для современного общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Е. А., Борисов Е. А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // *Lex Russica*. – 2017. – № 12 (133). – С. 183–184.
2. Артемьев Н. С., Забелич А. А. К вопросу об основных факторах, влияющих на состояние профессиональной преступности // *Человек: преступление и наказание*. – 2012. – № 3. – С. 100–104.
3. Артемьев Н. С., Забелич А. А. Планирование предупреждения рецидивной и профессиональной преступности // *Уголовно-исполнительное право*. – 2012. – № 2. – С. 72–74.
4. Аслаян М. М. Совершенствование института рецидива преступлений как легальной формы профессиональной преступности // *Общество и право*. – 2008. – № 2 (20). – С. 102–104.
5. Брежнева К. В. Криминологические детерминанты профессиональной преступности и отдельные проблемы ресоциализации рецидивистов // *Вестник Владимирского юридического института*. – 2020. – № 4 (57). – С. 38–41.
6. Воронин Ю. А. Криминальный профессионализм: современные тенденции // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. – 2018. – № 1. – С. 13–17.
7. Гуров А. И. Криминальный профессионализм и борьба с ним: понятие криминального профессионализма в историческом аспекте. По материалам уголовного розыска / под ред. И. И. Карпец. – Москва : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1983. – Ч. 1. – 96 с.
8. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – Москва : Юридическая литература, 1990. – 301 с.
9. Дзиковская С. Г., Грабчак О. О. Субкультура «АУЕ» – основные подходы к пониманию // *Лучшая научная статья 2017 : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конкурса : European Scientific Conference (20 апр. 2017 г., Пенза) : в 2 ч.* – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. – Ч. 1. – С. 151–155.
10. Кондратьева С. Н. Меры предупреждения профессиональной преступности // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. – 2011. – № 6 (223). – С. 49–53.
11. Меняйло Д. В., Иванова Ю. А., Меняйло Л. Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2019. – № 3. – С. 107–111.
12. Омигов В. И. Профессиональная преступность: её современное содержание // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. – 2011. – № 21. – С. 54–58.
13. Самойлов С. Ф. Критика криминальной идеологии как средство профилактики организованной преступности в молодежной среде // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. – 2019. – № 2 (44). – С. 99–103.
14. Тулегенов В. В. Киберпреступность как форма выражения криминального профессионализма // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. – 2014. – № 2 (33). – С. 94–95.
15. Хагуров Т. А., Чепелева Л. М. Социально-психологические причины распространения субкультуры «АУЕ» (невные факторы актуальной проблемы) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. – 2021. – № 2. – С. 322–339.
16. Шабаль В. С. О детерминантах формирования и криминализации личности профессионального преступника // *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*. – 2021. – № 1 (41). – С. 154–157.
17. Шабаль В. С. Предупреждение профессиональной преступности в исправительных учреждениях Республики Беларусь // *Вестник Кузбасского института*. – 2021. – № 2 (47). – С. 107–114.

REFERENCES

1. Antonyan E. A., Borisov E. A. The Question of Popularization of Criminal Subculture Among the Youth. *Lex Russica*, 2017, no. 12 (133), pp. 183–184. (In Russian).
2. Artemyev N. S., Zabelich A. A. On the question of the main factors affecting the condition of professional criminality. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Human: crime and punishment*, 2012, no. 3, pp. 100–104. (In Russian).
3. Artemyev N. S., Zabelich A. A. Planning of prevention of recidivism and career criminality. *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo = Penal Law*, 2012, no. 2, pp. 72–74. (In Russian).
4. Aslanyan M. M. Improving the institution of recidivism as a legal form of professional crime. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2008, no. 2 (20), pp. 102–104. (In Russian).
5. Brezhneva K. V. Criminological determinants of professional crime and some problems of resocialization of repeat offenders. *Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2020, no. 4 (57), pp. 38–41. (In Russian).
6. Voronin Yu. A. Criminal professionalism: contemporary trends. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2018, no. 1, pp. 13–17. (In Russian).
7. Gurov A. I.; Karpets I. I. (ed.). *Kriminalnyi professionalizm i borba s nim: ponyatie kriminalnogo professionalizma v istoricheskom aspekte. Po materialam ugolovnogo rozyska* [Criminal professionalism and the fight against it: The concept of criminal professionalism in the historical aspect. Based on the materials of the criminal investigation department]. Moscow, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1983. Pt. 1. 96 p.

8. Gurov A. I. *Professionalnaya prestupnost: proshloe i sovremennost* [Professional crime: past and present]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1990. 301 p.

9. Dzikonskaya S. G., Grabchak O. O. Subculture "AUE" – basic approaches to understanding. *Materialy 13-go Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa: European Scientific Conference, Penza, 20 aprelya 2017 g.* [The best scientific article 2017. European Scientific Conference, Penza, 20 April 2017]. Penza, MTSNS "Nauka i Prosveshchenie" Publ., 2017. Pt. 1, pp. 151 – 155. (In Russian).

10. Kondratieva S. N. Measures to prevent professional crime. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2011, no. 6 (223), pp. 49 – 53. (In Russian).

11. Menyailo D. V., Ivanova Yu. A., Menyailo L. N. AWO – criminal youth movement: essence and methods of dissemination. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, pp. 107 – 111. (In Russian).

12. Omigov V. I. Professional crime: its modern content. *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2011, no. 21, pp. 54 – 58. (In Russian).

13. Samoilov S. F. Criticism of criminal ideology as a means of prevention organized crime youth. *Vestnik Krasnodarskogo Universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar university of Russian MIA*, 2019, no. 2 (44), pp. 99 – 103. (In Russian).

14. Tulegenov V. V. Cybercrime as a factor of criminal professionalism. *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2014, no. 2 (33), pp. 94 – 95. (In Russian).

15. Khagurov T. A., Chepeleva L. M. Social-psychological reasons for the spread of the "AUE" subculture (hidden factors of the problem). *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 2021, no. 2, pp. 322 – 339. (In Russian).

16. Shabal V. S. About the determinants of formation and criminalization of the personality of a professional criminal. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus = Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 2021, no. 1 (41), pp. 154 – 157. (In Russian).

17. Shabal V. S. Prevention of professional crime in correctional institutions of the Republic of Belarus. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2021, no. 2 (47), pp. 107 – 114. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарубина Кристина Александровна (Курск) – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Юго-Западного государственного университета (305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: kris1996z@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zarubina, Kristina A. (Kursk) – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer of the Theory and History of State and Law Department, Faculty of Law, Southwestern State University (94, 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russia, e-mail: kris1996z@mail.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.852

Л. И. Лавдаренко

*Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3436-3486
ResearcherID: rid67929*

Л. П. Плеснева

*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции,
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5464-4958
ResearcherID: AAD-7840-2020*

В. А. Воткин

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7293-9354
ResearcherID: A-4660-2019*

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 92 — 100.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.10.

Дата поступления 01.06.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования и практики применения мер пресечения в современном российском уголовном судопроизводстве. Исследуются вопросы о сущности мер пресечения, критериях их выделения в системе мер принуждения в отдельный институт, а также в отдельные виды. Рассматриваются меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определённых действий в контексте обеспечения как публичных интересов, так и частных — лиц, в отношении которых эти меры пресечения применяются: подозреваемых, обвиняемых. Отмечаются недостатки правовой регламентации данных мер пресечения в части обеспечения некоторых прав и законных интересов указанных участников уголовного судопроизводства. Авторы приходят к выводам о том, что запрет подозреваемому (обвиняемому) покидать жилое помещение является составной частью домашнего ареста и в этой связи отсутствует необходимость в установлении его в качестве самостоятельной меры пресечения; что должен сохраниться сложившийся в законодательстве подход — о применении к лицу лишь одной меры пресечения. Предлагается в перечень иных мер уголовно-процессуального принуждения включить такую меру как «запрет определённых действий». Домашний арест в настоящее время не может стать альтернативой заключению под стражу в виду громоздкости механизма

его избрания и применения, с одной стороны, и с другой — в отличие от заключения под стражу он менее эффективен в достижении целей применения мер пресечения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Меры принуждения; меры пресечения; эффективность мер пресечения; ограничение прав и свобод личности; заключение под стражу; домашний арест; запрет определённых действий; подписка о невыезде.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лавдаренко Л. И., Плеснева Л. П., Воткин В. А. Меры пресечения: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 3. — С. 92 — 100. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.10.

UDC 343.852

L. I. Lavdarenko

*Irkutsk Law Institute (Branch),
University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3436-3486
ResearcherID: rid67929*

L. P. Plesneva

*Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5464-4958
ResearcherID: AAD-7840-2020*

V. A. Votkin

*Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7293-9354
ResearcherID: A-4660-2019*

PREVENTIVE MEASURES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 92 — 100.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.10.
Received 01.06.2024, accepted 09.09.2024, available online 30.09.2024.

ABSTRACT

The article examines the problems of legal regulation and the practice of applying preventive measures in modern Russian criminal proceedings. The article examines the issues of the essence of preventive measures, the criteria for their allocation in the system of coercive measures into a separate institution, as well as into separate types. Preventive measures in the form of house arrest and prohibition of certain actions are considered in the context of ensuring both public interests and private interests of persons against whom these preventive measures are applied: suspects, accused. The shortcomings of the legal regulation of these preventive measures in terms of ensuring certain rights and legitimate interests of these participants in criminal proceedings are noted. The authors come to the conclusion that the prohibition of the suspect (accused) to leave the premises is an integral part of house arrest and in this regard there

is no need to establish it as an independent preventive measure; that the established approach in legislation should be preserved — the application of only one preventive measure to a person. It is proposed to include such a measure as "prohibition of certain actions" in the list of other measures of criminal procedural coercion. Currently, house arrest cannot become an alternative to detention due to the cumbersome mechanism of its election and application, on the one hand, and on the other, unlike detention, it is less effective in achieving the goals of applying preventive measures.

KEYWORDS

Coercive measures; preventive measures; effectiveness of preventive measures; restriction of individual rights and freedoms; detention; house arrest; prohibition of certain actions; subscription not to leave.

FOR CITATION

Lavdarenko L. I., Plesneva L. P., Votkin V. A. Preventive Measures: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement Practice. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 92–100. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.10.

Уголовно-процессуальная деятельность имеет ярко выраженный принудительно-властный характер, что обусловлено сферой отношений, в которой эта деятельность осуществляется. Речь в данном случае идет о защите публичных интересов от преступных посягательств — общественно опасных деяний, наносящих зачастую непоправимый вред конкретным лицам, обществу и государству, где, по словам известного правоведа В. К. Случевского, «уголовный суд развивает свою процессуальную деятельность не в видах интересов личных, а интересов публичных, требующих неуклонного применения уголовной кары к виновнику совершившегося преступления» [24, с. 51]. Для этого необходим хорошо отлаженный, динамичный механизм, позволяющий своевременно обнаруживать и пресекать преступное правонарушение, сводить к минимуму его вредные последствия, обеспечивать своевременное привлечение к уголовной ответственности виновных, принимать меры к восстановлению нарушенных прав и защите законных интересов пострадавших от него лиц. Этот механизм — уголовное судопроизводство — содержит институты принуждения, сопряжённые с определёнными правоограничениями, которые занимают в нём ведущее место и имеют решающее значение в плане достижения стоящих перед ним задач [5, с. 10; 8, с. 91; 11, с. 35; 12, с. 8; 20, с. 14; 26, с. 1440]. Самыми жесткими средствами, в том числе ограничивающими фундаментальные права и свободы лица, ещё не признанного по приговору суда виновным и являющегося лишь участником уголовного судопроизводства — подозреваемым (обвиняемым), выступают меры пресечения. Именно в институте мер

пресечения наиболее отчетливо проявляются взаимоотношения государства и личности относительно объёма и пределов права государства осуществлять принуждение. Как справедливо отмечается в юридической литературе, эта сфера полномочий государственной власти, по сути, выступает индикатором уровня гарантированности безопасности человека от произвола властей [8, с. 96]. Конституцией Российской Федерации предусматривается возможность ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина федеральным законом, но в исключительных случаях и в той мере, в какой это необходимо (ч. 3 ст. 55). Такого рода ограничения должны отвечать требованиям справедливости, являться пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей. В связи с этим в уголовном судопроизводстве одним из актуальных является вопрос установления порядка и пределов прав государственных органов и должностных лиц по применению мер пресечения как с позиций их эффективности в обеспечении публичных интересов, так и обеспечении интересов подозреваемых (обвиняемых), заключающихся в недопущении произвольного и чрезмерного ограничения их прав и свобод.

Очевидно, что каждая избираемая правоприменителем мера пресечения должна быть реализуемой, не иметь в процессе избрания и применения препятствий ни правового, ни организационного характера. УПК РСФСР 1960 г. устанавливал отвечающие таким требованиям меры пресечения в виде подписки о невыезде, личного поручительства, наблюдения командования воинской части, присмотра за несо-

вершеннолетним обвиняемым, залога, заключения под стражу. Самыми востребованными из этих мер в практической деятельности являлись подписка о невыезде и заключение под стражу. При принятии действующего УПК РФ законодатель в целом сохранил существовавшие меры пресечения, исключив лишь общественное поручительство и восстановив исключённый в советское время из перечня мер пресечения домашний арест. Восстановление домашнего ареста объяснялось тем, что он будет выступать в качестве альтернативы заключению под стражу как более гуманная мера пресечения. Приводились также аргументы, что применение домашнего ареста вместо заключения под стражу приведет к сокращению «тюремного населения», что, в свою очередь, к существенной экономии бюджетных средств. Однако на практике домашний арест оказался невостребованным, применялся крайне редко, что объяснялось недостатками правового регулирования данной меры пресечения в части контроля за поведением обвиняемого. 18 апреля 2018 г. Федеральным законом № 72-ФЗ¹ в УПК РФ была введена ст. 105.1, дополнившая перечень мер пресечения запретом определённых действий. Тем самым законодатель, по мнению Ю. В. Дерисева и Е. И. Земляницина, наряду с залогом и домашним арестом предложил ещё одну альтернативу заключению под стражу [10, с. 34]. Кроме того, законодателем был сделан шаг к реформированию российского института мер пресечения: несмотря на формальный запрет на одновременное применение к обвиняемому (подозреваемому) более одной меры пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ) при залоге и домашнем аресте стало возможным применение в качестве дополнительной меры пресечения запрета определённых действий. В результате по смыслу закона две меры пресечения могут быть избраны одновременно, но при этом созданная конструкция действует либо как одно целое, либо параллельно, каждая в своем режиме [10, с. 34].

Большинство учёных-процессуалистов данное нововведение оценили положительно и высказали разные идеи по дальнейшему совершенствованию института мер пресечения в предложенном законодателем направлении

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определённых действий, залога и домашнего ареста : Федер. закон от 18 апр. 2018 г. № 72-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 17. Ст. 2421.

[8, 14, 16, 17, 22]. Так, по мнению К. Б. Калиновского, с введением в УПК РФ запрета определённых действий перечень мер пресечения получил логическое завершение, в практической деятельности появилась возможность более широкого применения мер пресечения психологического характера [14]. С противоположной позицией выступил В. В. Рудич, который предложил отказаться от существующего института мер пресечения, исключив из него все меры психологического характера и рассматривать меры пресечения как систему правовых средств — правоограничений в виде запретов. В основу этой системы «должна быть положена идея о том, что правоприменитель уполномочен по своему усмотрению выбирать оптимальное сочетание правовых средств принудительного характера в качестве комплексной меры пресечения, наиболее подходящей для данного случая», то есть самостоятельно конструировать меру пресечения из установленных законодателем запретов [22, с. 26]. Некоторые авторы, поддерживая учреждение самостоятельной меры пресечения в виде запрета определённых действий, предлагают оставить открытым перечень запретов, отдавая правоприменителю на усмотрение право устанавливать запрет относительно каких-либо видов деятельности [4, с. 28; 7, с. 24; 9, с. 113].

В юридической литературе были высказаны и критические замечания по поводу вносимых изменений в институт мер пресечения: отмечалось невысокое качество новелл, их недостаточная логичность и продуманность и даже ошибочность, создающие серьезные проблемы в правоприменительной практике [3, 27].

Согласно данным судебной статистики судебного департамента Верховного суда Российской Федерации² с введением в УПК РФ новой меры пресечения наметилась тенденция увеличения случаев применения меры пресечения в виде домашнего ареста. Так, в 2017 г. заключение под стражу применялось 108 528 раз, домашний арест — 6 706 раз, или 6,17 % применительно к заключению под стражу; в 2019 г. заключение под стражу применялось 90 314 раз, домашний арест — 6 880 раз, или 7,61 % применительно к заключению под стражу; в 2022 г. заключение под стражу применялось 81 110 раз, домашний арест — 7 692 раза,

² Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.09.2024).

или 9,48 % применительно к заключению под стражу, с учётом применения 3 158 раз в качестве самостоятельной меры пресечения запрета определенных действий общий процент применительно к заключению под стражу составил 13,37 %. Тем не менее, домашний арест и запрет определённых действий не стали альтернативой заключению под стражу.

Для ответа на вопрос, в каком направлении технически должен развиваться институт мер пресечения, представляется необходимым обратиться к вопросам о сущности и правовой природе мер пресечения.

Меры пресечения в сфере уголовного судопроизводства представляют собой разновидность государственного принуждения. Как явление они обнаруживают себя в определенных границах, так как главным системообразующим элементом в механизме государственного принуждения выступает мера [18, с. 26]. Слово «мера» в Толковом словаре русского языка трактуется как «предел», в котором осуществляется что-нибудь, а также соответствующие этому средства [19, с. 343]. Использование слова «мера» в обозначении рассматриваемой группы мер принуждения указывает на такой их признак, как наличие границ (пределов). В. В. Серегиной на основе обнаружения общих черт у разнородных мер государственного принуждения была разработана категория «формы государственного принуждения», под которой «... следует понимать объединенные общностью целей, оснований, правовых последствий и процедуры применения специфически обособленные группы мер принуждения» [23, с. 73]. Однако в теории уголовно-процессуального права для обозначения совокупности мер пресечения данный термин не применяется. Представляется небесспорным использование в отношении совокупности мер пресечения термина «система», поскольку отсутствуют характерные для системы взаимодействие и взаимобусловленность входящих в неё элементов (мер пресечения). Для обозначения совокупности мер пресечения полагаем целесообразным использовать термин «институт».

Из мер принуждения меры пресечения выделяются по целевому и сущностному критериям. Относительно цели в процессуальной науке советского периода доминирующей была идея, согласно которой «...меры пресечения применяются в целях предупреждения уклонения подозреваемых, обвиняемых, подсудимых или осужденных от следствия и суда и от отбывания наказания, а также в целях устранения препятствий раскрытию истины и общественной опасности нахождения

этих лиц на свободе» [15, с. 6]. В современной юридической литературе под целью мер пресечения чаще всего понимается «обеспечение надлежащего поведения подозреваемых и обвиняемых в ходе производства по уголовным делам и, в конечном итоге, достижение назначения уголовного судопроизводства» [9, с. 111]. Об этом же неоднократно упоминалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации³ и Верховного Суда Российской Федерации⁴.

Проанализировав различные определения целей мер пресечения, совпадающих по своей сути, можно заключить, что целью таких мер выступает их специальная направленность на обеспечение беспрепятственного расследования и разрешения уголовных дел (избежание того, что подозреваемый, обвиняемый скроется от органа расследования или суда; продолжит заниматься преступной деятельностью; будет угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства; уничтожит доказательства либо иным путем станет препятствовать производству по уголовному делу), а в конечном итоге — на достижение назначения уголовного судопроизводства. Следует подчеркнуть, что благодаря целевому критерию меры пресечения получили соответствующее наименование. Так, в Своде законов в редакции 1857 г. содержалась гл. 15 «О пресечении обвиняемых способов уклоняться от следствия и суда». В этой главе в ст. 133 предусматривались следующие меры пресечения: содержание в тюрьме и при полиции, домашний арест, надзор полицейский, передача на поруки. Если название совокуп-

³По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 14. Ст. 1271 ; По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина : Постановление Конституционного Суда РФ от 6 дек. 2011 г. № 27-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

⁴О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2.

ности мер пресечения отражало их общую цель, то названия конкретных мер отражали их сущность и содержание.

Меры пресечения формировались объективно, исходя из потребностей правоприменительной практики на определенных исторических этапах развития общественных отношений.

Сущность мер пресечения заключается в том, что они, будучи мерами государственного принуждения, представляют собой один из «государственно-властных способов подавления отрицательных волевых устремлений определенных субъектов, обеспеченных нормами права» [1, с. 191], проявляются в психическом, в некоторых случаях — физическом воздействии на подозреваемых (обвиняемых) для исполнения ими процессуальных обязанностей, а также предотвращения гипотетического уклонения от исполнения данных обязанностей [13, с. 138].

Особенности принудительного воздействия на поведение подозреваемых (обвиняемых) являются основанием как для выделения мер пресечения в отдельный институт, так и для их разграничения на отдельные, самостоятельные виды. Каждая из существующих мер пресечения имеет собственное содержание, отличное от других мер пресечения. Обладая существенным ограничительным характером, каждая мера пресечения должна быть четко обозначена, иметь четкую регламентацию с целью исключения произвольного применения.

В результате проведенного теоретико-правового анализа мы пришли к выводу, что запрет определенных действий не может выступать в качестве самостоятельной меры пресечения, поскольку не обладает её свойствами. Разделяем позицию, согласно которой запрет подозреваемому (обвиняемому) покидать жилое помещение является составной частью меры пресечения в виде домашнего ареста, другие же запреты, установленные в ст. 105.1 УПК РФ — элементом мер психологического характера, охватываемого требованием «надлежащего поведения» подозреваемого (обвиняемого) [3, с. 44]. Все процедуры по контролю за «надлежащим поведением», связанные с предусмотренными в ст. 105.1 запретами, должны обеспечиваться вне рамок уголовно-процессуальных правоотношений. Вместе с тем, запрет на приближение к определенным лицам может использоваться в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в связи с чем считаем возможным ввести этот запрет в качестве иной меры уголовно-процессуального принуждения в соответствующий раздел УПК РФ.

Приходится констатировать, что новелла о запрете определенных действий оказалась излишней и данный вывод подтверждается низкой востребованностью применения рассматриваемой меры пресечения на практике.

Кроме того, следует сказать о следующих минусах внесённых в УПК РФ дополнений. Так, принципиально изменился характер принуждения при применении домашнего ареста: если ранее домашний арест мог заключаться как в частичной, так и в полной изоляции лица от общества, то теперь он заключается только в полной изоляции, то есть домашний арест не предполагает какую-либо возможность выхода лица за пределы жилища [7, с. 21 — 24]. В этой связи нельзя не согласиться с В. Ю. Стельмахом, что полная изоляция может приводить к «нарушению базовых прав гражданина, может повлечь ухудшение его здоровья либо оставление в опасном состоянии, а такие последствия явно не охватываются целями мер пресечения» [25, с. 190]. Комбинированное же применение домашнего ареста или залога совместно с запретом определенных действий «создает риск множественного ограничения прав обвиняемого» [2, с. 45].

Между тем даже при полной изоляции обвиняемого домашний арест уступает заключению под стражу в эффективности — степени достижения практическим применением поставленных законодателем целей. Б. Б. Булатов, характеризуя эффективность мер пресечения, обращает внимание на три их аспекта: первый — эффективность самого ограничения свободы (сущность принуждения, его характер); второй — эффективность правового регулирования оснований и порядка избрания; третий — эффективность деятельности по применению мер пресечения [6, с. 18]. По всем этим аспектам домашний арест малоэффективен. Кроме того, как отмечает И. П. Пилюшин, домашний арест способен обеспечивать надлежащее поведение, как правило, дисциплинированных подозреваемых, обвиняемых [21, с. 19].

Как представляется, совершенствование систем контроля, в том числе установление тотального электронного мониторинга за поведением обвиняемых (подозреваемых) при применении к ним домашнего ареста проблему эффективности не решит, лишь повысит риски неоправданного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

Относительно проблемы реформирования института мер пресечения нельзя не согласиться с Ю. В. Деришевым и Е. И. Земляничным соблюдать «методологический принцип, именуемый «Бритвой Оккама», который призывает реформатора «не множить сущее

без необходимости» [10, с. 38]. На наш взгляд, в современных условиях следует оставить попытки изменить сложившийся институт мер пресечения, «усовершенствовать» наиболее востребованную практикой меру пресечения

в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, поскольку именно эта мера пресечения наиболее гуманна, максимально проста в избрании и применении [13, с. 19].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. — Москва : Юридическая литература, 1989. — 286 с.
2. Апостолова Н. Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. — 2019. — № 3. — С. 43–49.
3. Белкин А. Р. Запрет определенных действий — хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. — 2019. — № 2. — С. 43–50.
4. Бондаренко И. П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. — 2021. — № 1. — С. 26–30.
5. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном процессе : монография. — Омск : Омская академия МВД России, 2003. — 320 с.
6. Булатов Б. Б. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей : учеб. пособие. — Омск : ОВШМ МВД СССР, 1984. — 88 с.
7. Воронов Д. А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. — 2016. — № 3. — С. 21–25.
8. Головинская И. В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. — 2016. — № 3. — С. 90–96.
9. Григорьева А. Е. К вопросу о востребованности мер пресечения, альтернативных заключению под стражу // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 12 (204). — С. 110–113.
10. Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Запрет определенных действий — новая старая мера пресечения // Законность. — 2019. — № 6. — С. 33–38.
11. Диваев А. Б. Меры пресечения в уголовном процессе: теоретические основы : монография. — Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. — 144 с.
12. Еникеев З. Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обвинения и защиты по уголовным делам. — Уфа : Башкирский университет, 1978. — 72 с.
13. Исакова Т. И. Подписка о невыезде и надлежащем поведении, запрет определенных действий как альтернатива домашнему аресту // Вестник Кузбасского института. — 2022. — № 2 (51). — С. 137–146.
14. Калиновский К. Б. Меры пресечения: роль психического и физического принуждения // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. — Омск : Омская академия МВД РФ, 2024. — С. 54–57.
15. Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. — Москва : Юридическая литература, 1964. — 138 с.
16. Марковичева Е. В. Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе // Правосудие. — 2023. — Т. 5, № 3. — С. 140–153. — DOI: 10.37399/2686-9241.2023.3.140-153.
17. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. — Омск : Омская академия МВД России, 2017. — 226 с.
18. Нохрин Д. Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве. — Москва : Волтерс Клувер, 2009. — 256 с.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Азъ, 1994. — 907 с.
20. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. — Москва : Наука, 1989. — 252 с.
21. Пилюшин И. П. Эффективность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2018. — № 2 (69). — С. 17–19.
22. Рудич В. В. О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения мер пресечения // Российское право: образование, практика, наука. — 2021. — № 3. — С. 25–31. — DOI: 10.34076/2410 2709 2021 3 25.
23. Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву. — Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1991. — 120 с.
24. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство — судопроизводство. — 4-е изд., доп. и испр. — Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — 670 с.
25. Стельмах В. Ю. Домашний арест и запрет выхода из жилого помещения: сходства и различия // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXVIII Междунар.

науч.-практ. конф., Иркутск, 2023. — Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. — С. 189—192.

26. Цоколова О. И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 7 (44). — С. 1440—1445.

27. Чернова С. С. Новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 3 (45). — С. 103—110.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1989. 286 p.

2. Apostolova N. N. Prohibition of certain actions in the system of preventive measures. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2019, no. 3, pp. 43—49. (In Russian).

3. Belkin A. R. Prohibition of definite actions — is it well defined? *Sudebnaya vlast i ugolovnyi protsess = Judicial authority and criminal process*, 2019, no. 2, pp. 43—50. (In Russian).

4. Bondarenko I. P. Peculiarities of application of combined restrictive measures within the framework of the introduction of a prohibition of specific actions in the criminal procedure. *Rossiiskii sledovatel = Russian investigator*, 2021, no. 1, pp. 26—30. (In Russian).

5. Bulatov B. B. *Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugolovnom protsesse* [State Coercion in Criminal Proceedings]. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2003. 320 p.

6. Bulatov B. B. *Ehffektivnost mer presecheniya, ne svyazannykh soderzhanie pod strazhei* [Effectiveness of Preventive Measures Not Related to Detention]. Omsk Higher Militia School of the Ministry of Internal Affairs Russia, 1984. 88 p.

7. Voronov D. A. Interdiction of certain actions within the framework of pledge, house arrest and new pre-trial restraint. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2016, no. 3, pp. 21—25. (In Russian).

8. Golovinskaya I. V. Institute of preventive measures: problems of diversification and decision options. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2016, no. 3, pp. 90—96. (In Russian).

9. Grigorieva A. E. On the question of the demand for preventive measures alternative to detention. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2021, no. 12 (204), pp. 110—113. (In Russian).

10. Derishev Yu. V., Zemlyanitsin Ye. I. Prohibition of certain actions - a «new old» measure of restraint. *Zakonnost = Legality*, 2019, no. 6, pp. 33—38. (In Russian).

11. Divaev A. B. *Mery presecheniya v ugolovnom protsesse: teoreticheskie osnovy* [Preventive Measures in Criminal Proceedings: Theoretical Foundations]. Novokuznetsk, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., 2020. 144 p.

12. Enikeev Z. D. *Mery protsessualnogo prinuzhdeniya v sisteme sredstv obvineniya i zashchity po ugolovnym delam* [Measures of Procedural Coercion in the System of Prosecution and Defense in Criminal Cases]. Ufa, Bashkir State University Publ., 1978. 72 p.

13. Isakova T. I. About some questions of application of home arrest. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass institute*, 2022, no. 2 (51), pp. 137—146. (In Russian).

14. Kalinovskiy K. B. Preventive Measures: The Role Of Mental And Physical Coercion. *Pravovye i gumanitarnye problemy ugolovno-protsessualnogo prinuzhdeniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu so dnya rozhdeniya B. B. Bulatova* [Legal and Humanitarian Problems of Criminal Procedural Coercion. Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Birth of B. B. Bulatov]. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2024, pp. 54—57. (In Russian).

15. Livshits Yu. D. *Mery presecheniya v sovetskom ugolovnom protsesse* [Preventive Measures in the Soviet Criminal Process]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1964. 138 p.

16. Markovicheva E. V. Transformation of house arrest as a measure of restraint in the Russian criminal process. *Pravosudie = Justice*, 2023, no. 5 (3), pp. 140—153. (In Russian). DOI: 10.37399/2686-9241.2023.3.140-153.

17. Muravev K. V. *Mery protsessualnogo prinuzhdeniya — osobyie sredstva ugolovno-pravovogo vozdeistviya: doktrina, primeneniye, optimizatsiya* [Measures of Procedural Coercion — Special Means of Criminal Legal Influence: Doctrine, Application, Optimization]. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2017. 226 p.

18. Nokhrin D. G. *Gosudarstvennoe prinuzhdenie v grazhdanskom sudoproizvodstve* [State Coercion in Civil Proceedings]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2009. 256 p.

19. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow, Az Publ., 1994. 907 p.

20. Petrukhin I. L. *Neprikosновенность личности i prinuzhdenie v ugolovnom protsesse* [Personal Integrity and Coercion in Criminal Proceedings]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 252 p.

21. Pilyushin I. P. Effectiveness of House Arrest in Criminal Proceedings. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific bulletin of the Omsk academy of the Ministry of the interior of Russia*, 2018, no. 2 (69), pp. 17 – 19. (In Russian).

22. Rudich V. V. On the Modern System of Measures of Criminal Procedural Coercion – Preventive Measures. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*, 2021, no. 3, pp. 25 – 31. (In Russian). DOI: 10.34076/2410_2709_2021_3_25.

23. Seregina V. V. *Gosudarstvennoe prinuzhdenie po sovetskoy pravu* [State Coercion Under Soviet Law]. Voronezh State University Publ., 1991. 120 p.

24. Sluchevskii V. K. *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsesssa. Sudoustroistvo – sudoproizvodstvo* [Textbook of the Russian Criminal Procedure. Judicial System – Legal Proceedings]. 4th ed. Saint Petersburg, M. M. Stasyulevich Publ., 1913. 670 p.

25. Stelmakh V. Y. House arrest and prohibition of leaving the premises: similarities and differences. *Deyatelnost pravookhranitelnykh organov v sovremennykh usloviyakh. Materialy 28-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Irkutsk, 2023* [The activities of law enforcement agencies in modern conditions. Materials of the 28th International Research Conference. Irkutsk, 2023]. Irkutsk, East Siberia Institute of the Russian Internal Affairs Ministry, 2023, pp. 189 – 192. (In Russian).

26. Tsokolova O. I. Charter of criminal proceedings of 1864 and modern issues of criminal procedural measures of duress. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 7 (44), pp. 1440 – 1445. (In Russian).

27. Chernova S. S. New measure of restraint in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*, 2018, no. 3 (45), pp. 103 – 110. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лавдаренко Людмила Ивановна (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: lavdarenko@mail.ru).

Плеснева Людмила Павловна (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: plesnevalp@mail.ru).

Воткин Владимир Александрович (Владивосток) – кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Юридической школы Дальневосточного федерального университета (690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: vladimir@votkin.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lavdarenko, Ludmila I. (Irkutsk) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor, Department of Organization and Methodology of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute (Branch), University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (1 Shevtsov St., Irkutsk, 664035, Russia, e-mail: lavdarenko@mail.ru).

Plesneva, Lyudmila P. (Irkutsk) – Cand. Sci. (Law), Docent, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasova St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: plesnevalp@mail.ru).

Votkin, Vladimir A. (Vladivostok) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor, Department of Justice, Prosecutorial Supervision and Criminology, the Law School of the Far Eastern Federal University (FEFU Campus 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia, e-mail: vladimir@votkin.ru).

УДК 347.73

М. Н. Кобзарь-Фролова

*Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2885-6401
ResearcherID: LFU-0546-2024*

Е. Л. Васянина

*Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6128-2668
ResearcherID: GRY-5402-2022*

**КРАТКИЙ ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ М. И. ПИСКОТИНА»
(«ПИСКОТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024»)**

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 3. – С. 101 – 106.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.11.

Дата поступления 22.05.2024, дата принятия к печати 09.09.2024,
дата онлайн-размещения 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ

9 апреля 2024 года в Институте государства и права РАН успешно прошла Международная научная конференция «Научное наследие М. И. Пискотина», посвященная 100-летию со дня рождения ученого, перу которого принадлежат многие, весьма значимые для юридической науки работы по теории государственного управления, финансовому (бюджетному) и налоговому праву. В рамках конференции была организована дискуссия по актуальным проблемам модернизации науки финансового и административного права. Особое внимание участниками конференции было уделено обсуждению вопросов развития научных идей М. И. Пискотина в современной доктрине финансового (бюджетного) и административного права, исследованию правовой модели финансовых отношений будущего, а также обсуждению тенденций развития науки финансового права на рубеже глобальных перемен. В завершение дискуссии ее участники единодушно поддержали идею применения основных теоретических разработок М. И. Пискотина, которые даже спустя годы не утратили своей актуальности. Присутствующие констатировали целесообразность дальнейшего совершенствования правовой модели финансовых отношений, указали на необходимость поиска новых и приведения существующих финансово-правовых инструментов и механизмов в соответствие с целями обеспечения устойчивого экономического и социально-го развития государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Финансовое право; административное право; наука; дискуссия; государственное управление; бюджет; налоги; денежно-кредитный механизм; экономика.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кобзарь-Фролова М. Н., Васянина Е. Л. Краткий обзор международной научной конференции «Научное наследие М. И. Пискотина» («Пискотинские чтения – 2024») // Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 3. – С. 101 – 106. – DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.11.

UDC 347.73**M. N. Kobzar-Frolova**

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2885-6401
ResearcherID: LFU-0546-2024*

E. L. Vasyanina

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6128-2668
Researcher ID: GRY-5402-2022*

A BRIEF OVERVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "SCIENTIFIC HERITAGE OF M. I. PISKOTIN" ("PISKOTIN READINGS – 2024")**PUBLICATION DATA**

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 101 – 106.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.11.
Received 22.05.2024, accepted 09.09.2024, available online 30.09.2024.

ABSTRACT

On April 9, 2024, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences successfully hosted the International Scientific Conference "The Scientific Legacy of M. I. Piskotin", dedicated to the 100th anniversary of the birth of the scientist, whose pen contains many works very significant for legal science on the theory of public administration, financial (budgetary) and tax law. Within the framework of the conference, a discussion was organized on topical issues of modernization of the science of financial and administrative law. Special attention was paid by the conference participants to the discussion of the development of M. I. Piskotin's scientific ideas in the modern doctrine of financial (budgetary) and administrative law, the study of the legal model of financial relations of the future, as well as the discussion of trends in the development of the science of financial law at the turn of global change. At the end of the discussion, the participants unanimously supported the idea of applying the basic theoretical developments of M. I. Piskotin, which even years later have not lost their relevance. The participants noted the expediency of further improving the legal model of financial relations, pointed out the need to find new and bring existing financial and legal instruments and mechanisms in line with the goals of ensuring sustainable economic and social development of the state.

KEYWORDS

Financial law; administrative law; science; discussion; public administration; budget; taxes; monetary mechanism; economics.

FOR CITATION

Kobzar-Frolova M. N., Vasyanina E. L. A Brief Overview of the International Scientific Conference «Scientific Heritage of M. I. Piskotin» («Piskotin Readings – 2024»). *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 101 – 106. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.3.11.

Традиция ежегодно проводить памятные научные мероприятия в честь видного ученого, теоретика финансового права, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Михаила Ивановича Пискотина была заложена после его ухода из жизни [2, 3].

М. И. Пискотин – яркий пример универсального исследователя, оставившего большое научное наследие. Его перу принадлежат многие весьма значимые для юридической науки работы по теории государственного управления, финансовому (бюджетному) и налоговому праву.

9 апреля 2024 года в Институте государства и права РАН (далее – Институт) успешно прошла Международная научная конференция «Научное наследие М. И. Пискотина», посвященная 100-летию со дня рождения ученого «Пискотинские чтения – 2024». К участию в научном мероприятии были приглашены российские и зарубежные ученые ведущих научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений государств-членов Евразийского экономического союза, а также практические работники, занимающиеся проблемами в области финансового права и государственного управления.

В рамках конференции была организована дискуссия по актуальным проблемам модернизации науки финансового и административного права. Особое внимание участниками конференции было уделено обсуждению вопросов развития научных идей М. И. Пискотина в современной доктрине финансового (бюджетного) и административного права, исследованию правовой модели финансовых отношений будущего, а также обсуждению тенденций развития финансово-правовой науки на рубеже глобальных перемен.

Одна из ключевых проблем, препятствующих развитию науки финансового права, заключается в том, что сложившийся в финансово-правовой доктрине и финансовом законодательстве подход к регулированию отношений, составляющих предмет финансового права, основан на преувеличении роли бюджета, позиционируемого в качестве центра финансового механизма [1]. В результате иные инструменты управления финансами, к числу которых, в частности, относятся кредитные ресурсы, способные обеспечить экономическую активность хозяйствующих субъектов, необоснованно оказались менее значимыми. Безусловно, бюджет играет важную роль в перераспределении национального дохода между производственной и непроизводственной сферами экономики, однако он не может быть всеобъемлющим фондом,

охватывающим все доходы и расходы государственного хозяйства [5].

Новые финансово-экономические реалии показали, что такие институты, как инвестиции, кредит, денежное обращение, эмиссия, ценообразование, страхование и другие приобретают все более значимую роль в экономике России. В научном отношении это означает, что назрела настоятельная необходимость в переосмыслении сути и понятия предмета и системы финансового права, в обосновании публично-правового регулирования денежно-кредитного механизма, правовое обеспечение отдельных элементов которого необоснованно отдано на откуп гражданскому праву, что привело к таким препятствующим экономическому развитию государства последствиям, как закредитованность населения, бесконтрольный вывод капитала, появление финансовых пирамид, борьба с которыми пока не приводит к нужному результату.

Разработка современной правовой модели финансовых отношений требует акцентировать внимание на изучении управления кредитованием, ценообразованием, регулировании оборота криптовалют, поиске перспектив развития страхования, а также новых источников финансирования структурных преобразований различных отраслей экономики.

С основным докладом на конференции выступил заведующий сектором административного права и административного процесса Института **В. Н. Плигин**. Отметив, что модернизации российской правовой науки препятствует отсутствие современного инструментария для анализа социальных процессов, ученый подчеркнул значимость работ М. И. Пискотина для развития науки финансового и административного права и уделил особое внимание анализу его последней монографии «Россия в XX веке: неоконченная трагедия» [4].

На юбилейных мероприятиях особое значение приобретают доклады-посвящения. Главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института М. Н. Кобзарь-Фролова осветила вопросы государственного управления экономикой, поднимаемые в научных работах М. И. Пискотина в историческом аспекте. Тема государственного управления экономикой относится к числу вечных, не теряющих своей актуальности. Докладчик подчеркнула: исторические аспекты данной темы важны не только для того, чтобы глубже познать историю вопроса, но и использовать наиболее удачные решения, довести их до совершенства и избежать ошибок прошлого. Государственное управление экономикой в

России прошло несколько этапов и реформ. М. И. Пискотин, неоднократно обращаясь к данной теме, выделил административные и экономические методы, показав их положительные и отрицательные стороны. Спустя годы мы обнаруживаем, что выводы, которые сделал М. И. Пискотин имеют значение и в наши дни. Выделяя отдельные из них, докладчик предложила включать в учебники и учебные пособия по бюджетному праву те основные теоретические разработки ученого, которые остаются актуальными и современными.

Руководитель Федерального казначейства **Р. Е. Артюхин** в рамках своего выступления обратился к другой, не менее значимой работе М. И. Пискотина «Советское бюджетное право», которая, по его справедливому замечанию, стала фундаментальным источником научно-правовых концепций для нескольких поколений исследователей. Основываясь на анализе идей М. И. Пискотина, Р. Е. Артюхин обосновал взаимодействие бюджетного права с административным и конституционным правом. Также докладчик акцентировал внимание коллег на расширении сферы бюджетно-правового регулирования и совершенствовании категориального аппарата.

По мнению главного научного сотрудника сектора административного права и административного процесса Института **С. В. Запольского**, труды М. И. Пискотина служат основной и актуальной теоретической базой для дальнейшего совершенствования бюджетного права и бюджетного процесса в государстве и обеспечивают системное восприятие всех централизованных финансовых ресурсов для экономического развития страны. М. И. Пискотин глубоко и серьезно разработал теорию бюджетного права, доказав, что бюджет — это, прежде всего, непрерывно действующий процесс мобилизации доходов, распределения их по бюджетным статьям (доходным и расходным) и осуществления расходов. Соответственно, учитывая подход М. И. Пискотина, к бюджетному праву следует относиться, прежде всего, как к процессуальному праву, выделяя в нем процедурные (процессуальные) начала. В новых экономических реалиях приобретают особую актуальность высказанные Пискотиным соображения о целесообразности утверждения бюджетов по принципу вертикали, но не в привычном понимании, а снизу-вверх: начиная от муниципальных и заканчивая общегосударственным бюджетом.

Современные проблемы теории бюджетного права были отражены в выступлении главного научного сотрудника отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и срав-

нительного правоправедения при Правительстве Российской Федерации **С. В. Рыбаковой**. В докладе «Граждане как индивидуальные субъекты бюджетного права» она отметила, что меняющиеся социально-экономические отношения требуют нового осмысления роли физических лиц в бюджетных правоотношениях. М. И. Пискотин писал, что бюджетное право не устанавливает непосредственно каких-либо прав и обязанностей для отдельных граждан, однако современные реалии требуют всестороннего изучения и правового статуса индивидуальных субъектов (физических лиц, индивидуальных предпринимателей, граждан, должностных лиц) в качестве участников бюджетных либо «около бюджетных» (урегулированных другими отраслями права) правоотношений.

Профессор кафедры финансового права Воронежского государственного университета **А. Г. Пауль** обратил внимание на выводы, сформулированные М. И. Пискотиным относительно границ бюджетного права [5], которые сейчас используются для определения предмета регулирования Налогового и Бюджетного кодексов. Согласно подходу М. И. Пискотина, бюджетное право «...охватывает лишь нормы, устанавливающие направления бюджетных расходов, их разграничение между различными звеньями бюджетной системы, отнесение финансирования тех или иных расходов и мероприятий на государственный бюджет. Регулирование же непосредственного использования бюджетных ассигнований входит в сферу других правовых институтов» [5]. Эти положения в современных условиях восприняты законодателем и правоприменительной практикой, которые исходят из того, что бюджетное право выполняет в отношении расходов бюджетов организующую роль.

В докладе доцента кафедры государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия **Ж. Г. Попковой** была рассмотрена проблема индексации денежных сумм, присужденных ко взысканию с публично-правового образования через призму ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, декларирующей признание и равную защиту в России частной, государственной и муниципальной собственности. Учитывая нормативный запрет на инициативное исполнение органом власти, «проигравшим» судебное дело о взыскании с публично-правового образования денежных средств, соответствующего судебного акта, соблюдение конституционных предписаний о равной защите различных видов собственности поставлено под сомнение.

Принимая во внимание обозначенные М. И. Пискотиным проблемы в сфере функ-

ционирования денежной системы государства, возникшие в период экономических преобразований, произошедших в России в 90-е годы XX века [4], ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института **Е. Л. Васянина** в докладе «О научной концепции правового регулирования денежно-кредитного механизма» приходит к выводам о том, что правовая модель денежно-кредитных отношений должна основываться на юридической конструкции управления денежной массой, способной задать параметры сбалансированного применения таких взаимосвязанных элементов финансового механизма, как бюджет, налоги, кредит, страхование, ценообразование, финансирование и т.д. Публично-правовая регламентация денежно-кредитной сферы должна приобретать более стремительное развитие как средство защиты права лица на распоряжение финансами. Это позволит устранить такие препятствующие экономическому развитию государства последствия, как создание финансовых пирамид, закредитованность населения, необоснованный вывод капитала и легализация доходов, полученных преступным путем.

Анализируя экстраполяцию национальных интересов в финансово-правовые механизмы, заместитель директора административного департамента Министерства финансов Российской Федерации **Н. В. Омелехина** указала, что значение финансово-правового регулирования и аксиологической сущности финансового права видятся в формировании универсальных перераспределительных и обеспечительных правовых конструкций, используемых в рамках ординарных правовых режимов, а также правовой регламентации параллельных, паллиативных, альтернативных правовых конструкций в рамках превентивных и чрезвычайных финансово-правовых режимов.

На проблемы конституционного обеспечения органов внешнего государственного финансового контроля обратил внимание в рамках своего выступления профессор кафедры административного и финансового права Международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации **С. О. Шохин**. Он рассмотрел особенности конституционного статуса Счетной палаты Российской Федерации, определил юридические несоответствия на различных уровнях правового регулирования органов внешнего государственного финансового контроля, сформулировал ряд предложений по их устранению.

Проблемы укрепления финансового суверенитета, а также взаимодействия Банка России и федеральных органов исполнительной власти по поводу обеспечения финансовой стабильности прозвучали в выступлении профессора кафедры финансового права Университета имени О. Е. Кутафина **Т. Э. Рождественской**. В своем докладе она остановилась на вопросах, составляющих основу финансового суверенитета государства и финансовой устойчивости, то есть способности финансовой системы выдерживать экзогенные и эндогенные шоки без риска радикальной трансформации самой системы. Компонентами финансовой устойчивости являются: бюджетная устойчивость, обеспечением которой занимается Правительство РФ и Министерство финансов РФ; ценовая стабильность и устойчивость финансового рынка, являющиеся сферой компетенции Банка России. Бюджетная устойчивость, подчеркнула Т. Э. Рождественская, во многом зависит от наполняемости доходной части бюджета и ценовой стабильности.

Вопросы модернизации фискальной системы государства были темой выступления главного научного сотрудника отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации **И. А. Хавановой**, которая подчеркнула актуальность дальнейших разработок в области юридической конструкции налога. Благоприятные условия для появления многочисленных гибридных платежей публичного характера актуализируют разработку в финансово-правовой доктрине правил оценки допустимой фискальной нагрузки, без чего затруднительна реализация задач, как по повышению благосостояния граждан, так и по укреплению экономического потенциала страны.

Вопросы расширения рецепции частноправовых конструкций в налоговом законодательстве отражены в докладе научного сотрудника отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН **А. В. Ульянова**. Ввиду того, что на практике нередко имеет место неправильное применение положений глав 59 и 60 Гражданского кодекса РФ в налоговых спорах (игнорирование правовой ошибки налоговых органов, расширительное толкование легальной дефиниции убытков, нарушение гарантий прав налогоплательщиков в правоотношениях с государством как «сильной» стороной и др.), возникает необходимость в развитии эффективных налогово-правовых механизмов возмещения (взыскания, возврата, зачета) неосновательно уплаченных или сбереженных

денежных сумм. Требования участников налоговых правоотношений о таком возмещении должны основываться на положениях Налогового кодекса РФ, а нормы гражданского законодательства, выполняя вспомогательные функции, могут применяться лишь в субсидиарном порядке.

В завершение дискуссии ее участники единодушно поддержали идею применения при проведении дальнейших научных исследований и написании учебной литературы основных теоретических разработок М. И. Пискотина по проблемам развития финансового

(бюджетного) права, которые даже спустя годы не утратили своей актуальности.

Присутствующие констатировали целесообразность дальнейшего совершенствования правовой модели финансовых отношений, указали на необходимость поиска новых и приведения существующих финансово-правовых инструментов и механизмов в соответствии с целями обеспечения устойчивого экономического и социального развития государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Запольский С. В. К вопросу о концепции реформирования бюджетного законодательства // Государство и право. — 2023. — № 6. — С. 73–80. — DOI: 10.31857/S102694520025955.
2. Кобзарь-Фролова М. Н., Васянина Е. Л. К вопросу о перспективах развития финансового права // Труды Института государства и права. — 2022. — Т. 17, № 4. — С. 228–237. — DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-4-kobzar-frolova-vasyanina.
3. Кобзарь-Фролова М. Н., Васянина Е. Л. Финансовая безопасность и право в эпоху цифровизации (Международная научно-практическая конференция («Пискотинские чтения — 2021»)) // Государство и право. — 2021. — № 8. — С. 176–182.
4. Пискотин М. И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. — Москва: Форум, 2001. — 442 с.
5. Пискотин М. И. Советское бюджетное право (Основные проблемы) / АН СССР. Ин-т государства и права. — Москва: Юридическая литература, 1971. — 312 с.

REFERENCES

1. Zapolsky S. V. On the issue of the concept of reforming the budget legislation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 6, pp. 73–80. (In Russian). DOI: 10.31857/S102694520025955.
2. Kobzar-Frolova M. N., Vasyanina E. L. To the Question of Prospects of Development of Financial Law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 228–237. (In Russian). DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-4-kobzar-frolova-vasyanina.
3. Kobzar-Frolova M. N., Vasyanina E. L. Financial security and law in the digital age (International scientific and practical conference ("Piskotin's readings — 2021")). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2021, no. 8, pp. 176–182. (In Russian).
4. Piskotin M. I. *Rossiya v XX veke: neokonchennaya tragediya* [Russia in the 20th century: an unfinished tragedy]. Moscow, Forum Publ., 2001. 442 p.
5. Piskotin M. I. *Sovetskoe byudzhethnoe pravo (Osnovnye problemy)* [Soviet budget law (Main problems)]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1971. 312 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна (Москва) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: margokfmn@yandex.ru).

Васянина Елена Леонидовна (Москва) — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: elenavasianna@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kobzar-Frolova Margarita N. (Moscow) — Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the Administrative Law and Process Sector of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10 Znamenka st., Moscow, 119019, Russia, e-mail: margokfmn@yandex.ru).

Vasyanina, Elena L. (Moscow) — Dr. Sci. (Law), Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10 Znamenka st., Moscow, 119019, Russia, e-mail: elnavasianna@yandex.ru).